ДБ-40
Ц-19
Царский флот
под Красным
флагом

ЦАРСКИЙ ФЛОТ
ПОД КРАСНЫМ СТЯГОМ

ДБ
40
Ц 19

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН
КВА 1931

114396/8

ЦАРСКИЙ ФЛОТ
ПОД КРАСНЫМ СТЯГОМ

ДБ
Ч6
Ц19

ИЗД-ВО ПОЛИТКАТОРЖАН
МОСКВА 1931

ЖНА БЫТЬ
РАЩЕНА

ДБ
40
Ц19

1905 1930

ЦАРСКИЙ ФЛОТ ПОД КРАСНЫМ СТЯГОМ

ДОКУМЕНТЫ И ВОСПОМИНАНИЯ
ОБ УЧАСТИИ МАТРОСОВ
В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

ПОД РЕДАКЦИЕЙ
В. А. ПЛЕСКОВА и Н. Ф. ЧУЖАКА

2161/4

ИЗДАТЕЛЬСТВО ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
ПОЛИТКАТОРЖАН и СС.-ПОСЕЛЕНЦЕВ
19 МОСКВА 31

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ ПРОФЕССИО
№ 114396/8

Мособлит № 23122 Тираж 5.070—16 л. Заказ № 2172

Гос типография имени Евгении Соколовой, Ленинград, пр. Красных Александров,

ОТ РЕДАКЦИИ.

Настоящая книга является второй работой из серии военно-революционной библиотеки, посвященной изучению движения в армии и во флоте.

Эту книгу мы приурочиваем к 25-летнему юбилею революции 1905 года и восстанию красного броненосца.

Третья книга, выходящая в свет в будущем году, содержит материалы о революционном движении в армии.

Материалы к настоящему сборнику собрал и подготовил к печати *В. А. Плесков.*

Август 1930 г. Москва.

ИЗ УРОКОВ «ГЕНЕРАЛЬНОЙ РЕПЕТИЦИИ»

В нынешнем году советская общественность отмечает 25-летний юбилей «генеральной репетиции» Октября, — революции 1905 года.

На фоне гигантски развертывавшегося рабочего движения, в шквале революционных событий этого года особенно внушительно и красочно выделялись выступления царской армии и флота. Вслед за «Потемкиным» прожектор революции направил лучи и зажег пламя восстания в Либаве, Кронштадте, Севастополе, Свеаборге, Владивостоке. Неблагополучно было и на Каспии. Из флота в армию и обратно перекатывались волны возмущения матросских и солдатских масс, и растерявшейся на первых порах реакции приходилось напрягать все силы, использовать все средства вплоть до излюбленных приемов провокации и проектов потопления восстающих кораблей, — чтобы только сохранить свою пошатнувшуюся опору.

В классовых боях, свидетелем которых был пятый год, не хватало однако основного стержня — организованности масс вокруг четкого понимания задач эпохи. В то время как боевой авангард пролетариата, революционная часть социал-демократии во главе с Лениным, намечала основной лозунг борьбы, диктатуру пролетариата и крестьянства, и в соответствии с этим вела революцию к вооруженному восстанию, — оппортунистическое крыло соц.-дем. находилось в плену «общедемократических» лозунгов дня и тем самым суживало размах движения. В «лучшем» случае оно договаривалось до маниловских мечтаний о «жгучей потребности самовооружения» народа. В сильнейшей степени этот разнобой сказался и в отношениях обеих частей соц.-демократии к работе в армии и во флоте и к их выступлениям.

Начиная с восстания красного броненосца на Черном море, революция 1905 года дала определенный крен в сторону победы. «Корабль-скиталец» под красным флагом вызвал ужас и смятение в правительственном лагере и со-

здал деморализацию в рядах реакции, привлекши вместе с тем к себе все помыслы и чаяния авангарда революции. Красочный очерк тов. Волгина «В тылу красного броненосца» в яркой форме изображает настроения и в самой эскадре, матросы которой вряд ли оправдали бы гнусные намерения командиров, искавших способа потопить опасное судно вместе с его командой. Известно, что войска одесского гарнизона ждали от «потемкинцев» более решительных действий для того, чтобы примкнуть к рабочим на суше. Черноморский палач вице-адмирал Чухнин боялся ехать морем из Николаева в Одессу, опасаясь быть захваченным в плен «Потемкиным».

Почти в один день с восстанием на «Потемкине» началось крупное волнение и в экипажах Либавского порта, заставившее высшее морское командование немало «потрудиться», чтобы сломить сопротивление матросов. В эти дни был послан в Одессу из Женевы эмиссар Ленина тов. Васильев-Южин с твердой директивой — звать матросов к решительным действиям вплоть до бомбардировки города, захвата власти и вооружения рабочих и крестьян района. Если бы эта ленинская директива могла во-время прийти к разгару событий в Одессе, русская революция, может быть, еще до Пресни дала бы пример развернутых боевых действий в сомкнутом строе рабочих, солдат и матросов — против самодержавия.

«Дело... отрядов революционной армии, — писал В. И. Ленин на другой день после восстания на «Потемкине», — дать массам военное руководство, необходимое для гражданской войны, как и для всякой другой войны, создать опорные пункты открытой всенародной борьбы, перебросить восстание в соседние местности, обеспечить, — сначала хотя бы для небольшой части территории государства, — полную политическую свободу, начать перестройку прогнившего самодержавного строя, развернуть во всю ширь революционное творчество низов, которые мало участвуют в этом творчестве в мирные времена, но которые выступают на первый план в эпохи революции». (Собр. соч. Н. Ленина, т. 6, стр. 266 и посл., Госиздат, 1922 г.).

Эта развернутая программа пролетарского наступления, прообраз Октября, расценивалась оппортунистами революции меньшевистского толка, как «авантюра» и «бланкизм». Можно теперь с уверенностью сказать, что именно ленинская тактика имела бы все шансы на полный успех на юге России. Достаточно было красному броненосцу на

один только момент перейти в наступление, и от него ушла целая эскадра, потерявшая, хотя и не надолго, еще одно мятежное судно — «Георгий Победоносец».

— «Не надо было браться за оружие», — писал Г. В. Плеханов после революции, анализируя причины ее поражения.

— Напротив, — горячо возражал Н. Ленин против этого оппортунистического выпада Плеханова, — нужно было более решительно, энергично и наступательно браться за оружие, нужно было разъяснить массам невозможность одной только мирной стачки и необходимость бесстрашной и беспощадной вооруженной борьбы. (Статья «Уроки московского восстания», т. 7, часть2, изд. 1922 г.).

Тем более нельзя было выпускать это оружие из своих рук, когда армия и флот двинули его на защиту и поддержку революции. Нельзя было ставить работу в армии и особенно во флоте на второстепенное место в общем плане организации революционных сил. В этом были повинны едва ли не все подпольные группировки того времени, — одни больше, другие (большевистские) меньше.

Левое и правое крыло тогдашней соц.-демократии вплоть до самого конца 1906 года не могли прийти к какому-либо принципиальному соглашению в своем подходе к постановке работы в армии и во флоте. Только практика революционного движения до некоторой степени подтягивала умеренную часть к «якобинцам», вынуждая и ее строить свои военные организации, а отдельных меньшевиков — из категории «испорченных» — ставить в порядок дня своей работы по существу большевистские методы и лозунги при обращении к армии.

Так это шатание мысли и практики продолжалось во все время революции, не оформленное ни на партийных съездах, ни на конференциях по военному вопросу. Естественно, что и прямое участие военных и партийных организаций в выступлениях армии и флота против царизма не могло отличаться при таких условиях четкой позицией, ясностью лозунгов и определенностью действий. В материалах нашего сборника это можно проследить во всех случаях матросских восстаний: видны полная неподготовленность партийных сил к охвату и руководству движением, неуменье дать ему определенные лозунги и цели, бессилие в использовании его для вооружения рабочих масс, отсутствие всякой стратегии и способности защищаться при наступлении реакции.

С другой стороны, и «левый» авантюризм эсеров, готовых поддержать любое вспышкопускательство, независимо от готовности широких масс к восстанию, не мог способствовать тогда победе.

При таких условиях, царизму уже не трудно было тем или иным путем навести в каждом отдельном случае «порядок», раздавить восстание флота при помощи крестьянства, переодетого в солдатские шинели и вымуштрованного в отставшей от флота по своим настроениям царской казарме.

Работы, печатаемые в настоящем сборнике, дают возможность с достаточной полнотой заглянуть за «кулисы» правительственного механизма в тот момент, когда этот механизм был застигнут волной восстаний во флоте. Можно сделать целый ряд любопытных выводов и в отношении самого характера движения и участия в нем пролетарских организаций.

— Люди реакции — не краснобаи, — писал когда-то Ф. Лассаль. При всей своей тупости и близорукости, люди российской реакции отлично учитывали, как велика опасность начинавшихся выступлений флота, не только военного, но и коммерческого.

Общеизвестна героическая борьба одесских моряков за свою «черноморскую регистрацию» и то отчаянное сопротивление, которое было оказано ее возникновению со стороны пароходовладельцев и особенно властей предержащих. Зародившись в огне борьбы, отбитая путем длительной и стойкой забастовки береговых и судовых команд, «регистрация» эта просуществовала недолго. Проходит несколько лет после разгрома, и моряки уже снова разыскивают своих руководителей в эмиграции, открывают денежные сборы в своих кругах и на эти средства организуют «заграничный центр» в Константинополе, который должен был не только подготовить удар по судам торгового флота, но и втянуть в свою орбиту военные суда.

Достаточно было горсточке революционеров засесть на берегу Босфора, чтобы отсюда сеять «крамолу» на черноморских судах, как был приведен в движение весь центральный полицейско-жандармский аппарат самодержавия, дабы тем или иным способом изъять «центр» из сферы «недосягаемости» и уничтожить опасную «точку» у выхода из Черного моря.

Когда «центр» переселился из Константинополя в Еги-

нет, намерения царских ищеек не прекратились: русскому правительству пришлось просить английское — выдать «преступников» для предания их уголовному суду в России. Благородные джентльмены из Скотланд-Ярда оказали эту любезность царизму, обставив ее требованием «гарантий» «справедливого» суда.

Какое огромное значение придавалось в правительственных сферах этому изъятию, видно из интереснейшей выписки из протокола особого совещания, созванного председателем совета министров (читатель найдет этот материал в статье М. Адамовича).

Если в 1913 году самодержавие «на досуге» умело проводить такие сложные «операции» для обеспечения спокойствия во флоте, то в эпоху революции 1905 года оно было застигнуто врасплох бурными и опасными для царского трона проявлениями революционного движения во флоте. События в Либаве и во Владивостоке, обследованные по архивным материалам, говорят нам о том, что это были более или менее длительные, но, к сожалению, из рук вон плохо руководимые выступления больших масс матросов. Как и в Одессе, растерянность либавских и петербургских властей на первых порах была очень сильна: сил для подавления восстания матросов почти не было у правительства, так как опасались присоединения войск к флоту. Между тем, либавские партийные организации, особенно латышские социал-демократы, не взяли руководства движением в свои руки, хотя из материалов видно, что спайка между матросами и местными рабочими была сильна и возможности влиять на исход борьбы были большие. В разгар потемкинских событий захват Либавы и порта был вполне возможен и имел бы огромное значение для революционизирования Балтийского флота и для всего хода борьбы рабочего класса. Однако, либавское восстание, как и «потемкинское», оказалось изолированным. Никем не поддержанное, оно умерло принудительной смертью после того, как вступило на путь компромиссов.

Не менее поучительна и картина событий во Владивостоке и в части выведенной отсюда Тихоокеанской эскадры. Октябрьское выступление матросов, сперва направленное силами полиции на разгром винных лавок и поджоги домов, быстро превратилось в широкое возмущение всего гарнизона, которое закончилось в декабре-январе захватом города и крепости. События приняли такой оборот, что властям пришлось спешно вывести за город остатки

«преданных» царизму воинских частей, чтобы с помощью ставки двинуть на Владивосток чуть ли не целую армию.

Снова мы наблюдаем и здесь дряблость руководства, отсутствие понимания правильной революционной тактики, неумение и нежелание закрепить победу, переговоры там, где нужно было действовать победоносной силой восставших. В результате — разгром революции пришедшей в себя реакцией и новые жертвы. Все это происходило в тот момент, когда армия Линевича была пороховым погребом, когда сотни тысяч запасных рвались домой и готовы были снести все препятствия, стоявшие на пути, когда эскадра, уведенная из Владивостока в день возмущения гарнизона, строила один за другим планы восстания для возвращения обратно во Владивосток и вызвала даже решение командиров потопить минами мятежный крейсер «Громобой» в случае восстания. Волнующаяся эскадра шла в Либаву, где ее приход расценивался, как «бич божий», от которого власти ждали полного разгрома.

Документы архивов, опубликованные в нашей книге, говорят о том, что потенциальные силы революции, заключавшиеся в армии и флоте, были очень велики, но революция лишь в очень слабой мере была в состоянии их использовать. Реакция держалась на волоске в эти месяцы народного гнева. Только чрезвычайная изворотливость пришедших в себя властей и, наряду с этим, решение не останавливаться перед самыми крайними мерами для восстановления порядка — спасли узурпаторов.

Генеральная репетиция 1905 года шла преимущественно под знаком стихийности. Миллионные массы пролетариев, крестьянства, армейцев и матросов, втянутые ходом событий в движение на огромных протяжениях страны, не могли овладеть исходом борьбы с царизмом. Революция была еще слишком молода и незрела для того, чтобы правильно разрубить гордиев узел классовых противоречий, отражавшихся и на тактике социально-революционных группировок. Армия революции была разрознена: пролетариат бился на передовых позициях, рвя оковы царизма и путы капитала, делая непосильные для себя вылазки; армия и флот устраивали врагу сильные диверсии, не согласованные, однако, с передовым фронтом; сзади наступала неорганизованная деревня, а посреди борющихся путались между ногами силы оппортунизма и соглашательства, за спиной которых буржуазия готовила предательский удар в тыл сражающихся.

Дорогой ценой заплатила революция за свои ошибки.

Только через 12 лет уроки пятого года были учтены целиком и полностью в революционной стратегии большевизма и в боевых выступлениях шедших за ним масс. Революция победила на этот раз под знаменем непримиримого разоблачения соглашательства, под знаменем ленинизма. Опыт и победа 1917 года служат теперь путеводной звездой для новых миллионных масс, движущихся по путям мировой революции на Востоке и Западе земного шара.

М. Л. Волгин

В ТЫЛУ КРАСНОГО БРОНЕНОСЦА

(Воспоминания участника).[1]

1. «Братцы, случилось несчастье».

Было это 15 июня 1905 года.

Команда броненосца «Двенадцать апостолов», на котором я плавал, поднялась, как обычно, в пять с половиной часов утра. Под дудку вахтенного унтер-офицера быстро скатали койки, вынесли их наверх, уложили в сетки. После утренней молитвы и завтрака приступили к судовой уборке: строевщина — мыть палубу, комендоры — в башни к своим орудиям, минеры — к минным аппаратам, машинная команда—в машины, сигнальщики и рулевые—на мостики и ростры[2], артельщик и кок поехали на берег за провизией. Боцмана и унтер-офицеры заняли свои строевые наблюдательные посты за уборкой.

С берега стали приезжать женатые и «полуженатые» матросы, кондуктора и офицерский состав. Время подходило к восьми часам, к подъему флага. Как-будто «на Шипке было все спокойно». Встречали офицеров с фалрепными[3]; каждый из приезжавших, небрежно приложив руку к фуражке, убегал в свою каюту или в кают-компанию. Возвратились артельщик Грошев и кок Остапенко с провизией. Едва они успели выйти на палубу и выгрузить провизию, как уже вся команда броненосца знала, что на «Потемкине» под Одессой, на Тендре, произошло восстание или что-то

---

[1] Автор — член О-ва политкаторжан.

[2] Ростры — возвышение позади командного мостика, возле труб и позади них. Сюда во время хода корабля ставятся лишние шлюпки, боты, брезенты и проч.

[3] Фалрепные — особый караул из 4—8 матросов, которые вызывались без винтовок к трапу при прибытии и отбытии начальствующих лиц. Фалрепные выстраивались один против другого и были одеты в самое чистое платье, они должны были на манер «пажей» оказывать услуги прибывающим лицам.

вроде этого, и что «Потемкин» сейчас стоит в Одесском порту и ждет, что скажут моряки остальной эскадры.

Толки были разные. У фитиля, за четверть часа до подъема флага матросы отделялись в группки, таинственно о чем-то шептались. Конечно, о том, что произошло на «Потемкине», вслух говорить нельзя было, и все напряженно ждали, что скажет командир, капитан 1-го ранга, Митрофан Николаевич Коланс.

— Караул, горнист и барабанщик наверх! — свистит вахтенный унтер-офицер.

— Команда, по-вахтенно во фронт!

Как обычно, офицеры становятся на правый фланг со шканечной стороны. Проиграли зорю.

«Флаг и гюйс поднять!» — командует вахтенный офицер, Карл Иванович Шуберт (их плавало два брата: Борис и Карл), — после чего командир судна Коланс приказывает команде выйти из фронта, всем подойти на шканцы к кормовой башне...

Наступила гробовая тишина. Все ждали слов командира. Он стоял в середине и держал в руках телеграмму; все заметили, что он очень взволнован.

— Братцы! Случилось несчастье, — начал он. — На Тендре команда одного из наших могучих броненосцев Черноморского флота, «Князя Потемкина Таврического», взбунтовалась якобы из-за тухлого мяса. Но там не было тухлого мяса, а была просто жидовская пропаганда. Команда поубивала весь офицерский состав, повыбрасывала их за борт и теперь ходит по всем берегам Черного моря, как ходили когда-то пираты, наводя страх на все прибрежные города. Его величество распорядился во что бы то ни стало вернуть «Князя Потемкина Таврического» в семью славного Черноморского флота; команду образумить; виновных наказать. Сегодня «Потемкин» стоит в городе Одессе. Вчера хоронили убитого на «Потемкине» артельщика Вакулинчука. Рабочие Одессы и уголовный элемент присоединились к восставшим на «Потемкине», начался грабеж по городу, а вместе с тем начались пожары портовых учреждений: горят склады, пакгаузы, пристань... Это все, заметьте, агитация жидов. Мы сегодня со всей эскадрой должны пойти в Одессу, найти броненосец «Князь Потемкин Таврический», призвать команду в свою семью, но виновных отдать в руки правосудия. Так велел император, и мы должны это сделать.

— Эх, — подумал я, — там ведь мои кровные това-

рищи — Журавлев Егор, Волгин Федька (мой двоюродный брат), Бутько Василий, Зыбилов Андрей, Коровин Петька... Все мы были вместе за границей в школе капралов, вместе переносили все невзгоды морской жизни. Необходимо сейчас же срочно поговорить с нашей кают-компанией (это у нас называлась так группа товарищей, наиболее сознательных, собиравшихся в машинном отделении для читки прокламаций и передачи сведений, когда и где собираются массовки).

— Разойтись! — командует вахтенный офицер.

Командир Коланс отдал распоряжение:

«Пары поднять».

Трубы задымились не только на нашем броненосце «Двенадцать Апостолов», но и на всей эскадре, стоявшей в Северной бухте. На броненосце «Три Святителя» на грот-мачте взвился флагманский флаг. Это значит, что старший флагман принял эскадру и поведет нас под своей командой на розыски «Потемкина» по направлению к Одессе.

Как известно, командиром Черноморского флота в то время был вице-адмирал Чухнин, старшим флагманом или проще — начальником его штаба был вице-адмирал Крюгер. Вот этому-то Крюгеру Чухнин и поручил — во что бы то ни стало вернуть «Потемкина», а если нет, — вступить с ним в бой и пустить ко дну со всей командой.

Как только старший флагман поднял свой флаг старшего на рейде, — тут же на «Трех Святителях» был дан какой-то сигнал. Вся эскадра ответила: «ясно вижу». Команды начали строить свои догадки: в чем же дело?.. Вскоре сигнальный старшина сообщил, что старший флагман зовет к себе командиров на военный совет.

Хотя я был уже разжалован в рядовые (за политические убеждения) и меня держали как бы под надзором на судне, все же я выполнял обязанности вельботного старшины № 1, т.-е. командирского вельбота. Мой вельбот был немедленно спущен, пять матросов по талям быстро спустились в него и подали его к правому трапу.

Всегда серьезный командир Коланс, с длинной седой бородой (ему было лет сорок восемь) сбежал в вельбот, не ожидая фалрепных. Погода стояла тихая, ясная. Быстро скользил вельбот по морской глади в направлении к «Трем Святителям» и прибыл туда вторым. Ссадили командира,

сами сдались на шкентель[1]. Стали съезжаться сейчас же и командиры других судов. Ссаживая их на борт старшего флагмана, вельботы и гички спускались к нам на шкентель, становясь лагом с нами или в кильватер. Всех нас собралось двадцать четыре вельбота. Сначала сидевшие в них как-будто были чем-то озабочены; каждый матрос думал свою думу и боялся начать разговор о задачах совещания командиров, — хотя каждый из нас знал, что мы все должны будем итти уничтожать нашу гордость Черноморского флота — «Потемкина» с его командой.

Так в молчании мы провели около получаса, но — молодость берет свое. Начали перебрасываться мыслями вполголоса, как-то несмело. Освоившись, я обратился к старшине броненосца «Ростислав» тов. Жвалевскому, своему товарищу по учебной команде и впоследствии по заграничному плаванию. Во время Очаковского восстания Жвалевский сыграл очень плохую, даже позорную роль.

— Ну, как ты думаешь, Вася, пойдем за «Потемкиным»? . .

— Конечно, пойдем, но что мы там будем делать, — пока неизвестно.

— Конечно, — говорю, — неизвестно, но каково настроение вашей команды? . .

Жвалевский задумался.

— Да, Михаил . . . Ваши и наши — все будем живыми свидетелями, если допустят, а стрелять будут сами офицеры. Потом нас будут выбирать по одному, будут сажать, судить и расстреливать . . . А как ваши команды? . .

— Да что можно сказать за команду? Мнения всех высказать нельзя. Только у нас командоры очень царски настроены, очень мало над ними работали . . .

В это время с первого вельбота один из товарищей дал сигнал о прекращении разговоров, так как заседание военного совета закончилось и нас требуют к трапу.

Командиры стали разъезжаться. Наш командир вошел на вельбот мрачный, как громовая туча, — хотя мы его никогда и не видели веселым. Этот человек был воспитан в духе царизма без всяких либеральных склонностей. По приказу своего патрона он готов расстрелять хоть сто городов под ряд. В другом же отношении, по части наказаний

---

[1] Шкентель — толстая веревка с узлами и на конце с железным овальным кольцом, спускалась за борт корабля. К шкентелю привязывались шлюпки, по веревке спускались в них матросы с судна.

за мелкие преступления, как-то: дебош, пьянки, даже за политические убеждения, — он никогда ни одного человека не отдал под суд. Он ограничивался наказанием у себя на судне, своей властью; карцера у него тоже не существовало, а применял он особый способ: отдавал того или иного матроса на исправление всей судовой команде. У команды он слыл за хорошего командира.

На пути к судну у командира все время менялась физиономия: то она сделается мрачная-мрачная, то по ней скользнет злая улыбка, то как-то передернется... Видно, думал он тяжелую думу. Подъехали к трапу. Несмотря на свои годы, Коланс всегда выбегал по трапу, как молодой юнкер, затянутый в трубочку и рейтузы. На этот раз он как-то вдруг осунулся, постарел, на судно поднялся тяжелой старческой поступью. После принятия рапорта от вахтенного начальника, отдает распоряжение:

«Быть готовым к походу»...

2. Эскадра идет в море.

— Унтер-офицеры, к люкам!.. Объявляется аврал!.. Все наверх, с якоря сниматься!.. — раздается команда.

Все делается при гробовой тишине с быстротой, — на какую способны только матросы военного корабля. Ровно в два часа дня на флагманском судне поднимается сигнал:

«Эскадре якоря поднять, выстроиться в кильватерную колонну и итти по направлению на Тендру».

Командир Коланс явился на боевой мостик, принял на себя командование. Тихим, но твердым и уверенным голосом отдавал распоряжения. Боцмана и унтер-офицеры так же тихо, но точно отдавали распоряжения по палубе. Быстро убрали якоря. Броненосец дал малый ход. Погода стояла изумительно хорошая, солнце пекло по-крымски. Выражаясь по морскому — стоял штиль в полном смысле слова.

Постепенно суда стали выходить из бухты в открытое море: во главе шел флагманский броненосец «Три Святителя», вторым «Ростислав», далее «Георгий Победоносец», наш «Двенадцать Апостолов», «Чесма», «Синоп», два минных крейсера «Гридень» и «Казарский» и два контрминоносца-истребителя шли в кильватер с эскадрой.

Вероятно, в Севастополе семьи офицерские знали, что эскадра должна была выйти в море по заданию. На Приморском бульваре, несмотря на рабочее время дня, собралось много публики, родственников офицеров. С берега по-

слышалось громкое «ура»; махали платками, зонтиками; бросались в воду цветы: они были приготовлены в дар офицерству, но не успели их передать...

С судов офицерский состав и «шкуры» отмахивались платочками. Команда вся была на палубе, но сохраняла гробовое молчание: все как-то чувствовали себя угнетенными. Даже и у фитиля, где всегда обычное веселье, смех, анекдоты, борьба — теперь ничего. Люди стояли молча: прикуривали, отходили, снова подходили к фитилю. Курили больше, чем обыкновенно, нервничали.

Среди команды появились «шкуры» и офицерский состав. Они тоже пришли к фитилю якобы покурить. Были попытки у офицеров собрать команду группой, завести с ней разговор на злобу дня. В частности, этого очень хотел лейтенант Карл Шуберт, но у него ничего не выходило: тот или иной матрос, с которым он пытался завести разговор, как-то сконфуженно уклонялся от разговоров, старался уйти в сторону и быть незамеченным.

Ко мне протискался мой товарищ, машинист Кузьма Кузнецов.

— Что думаешь, Михаил? — спросил он.—Аль кручина тебя заела, аль ты проигрался?.. — сам хитровато подморгнул мне глазом и чуть заметно кивнул головой, чтобы я следовал за ним. Я понял, что он меня зовет в машинное отделение, думаю — есть новости. Эскадра все дальше удалялась от Севастополя в открытое море, команда стала расходиться по своим местам. Мы с Кузнецовым зашли в каземат [1], потом незаметно для других спустились в машинное отделение. Там мы встретили группу товарищей, человек десять машинной команды, часть строевых квартирмейстеров со старшим инженер-механиком Герасимовым. Они еще только собирались и видно поджидали нас с Кузнецовым.

— Наши все, — сказал кочегарный староста Середа.

— Так вот что, товарищи, — начал механик. — Мы здесь все свои, один другого, конечно, не выдаст?..

— Нет, конечно, нет, — тихо, но твердо подтвердили все в один голос.

— Слушайте хорошенько: полчаса тому назад мы, мой помощник и несколько офицеров нашего состава, были у командира на совещании в кают-компании, и он вот что сообщил нам. Мы едем за «Потемкиным» — это не секрет,

---

[1] Каземат — возвышенная часть в середине судна, обнесенная броней и заключавшая в себе орудия (бортовые) среднего калибра.

но возьмем ли мы его или сами пойдем ко дну — это вопрос...

— А почему мы ко дну? — задал я вопрос.

— Да вот почему: все командиры броненосцев, в том числе броненосцев «Ростислав» и «Трех Святителей», не ручаются за свою команду, что она будет стрелять в «Потемкина». Командиры сказали прямо, что надежда только на офицеров и на кондукторов, команда же ни за что стрелять не будет. Но наш старый дурак поручился честным словом перед флагманом, что он уничтожит «Потемкина». Он проводил такую мысль, что его команда вполне надежная и что она будет стрелять по «Потемкину». Если же команда будет колебаться, он решил сам один со своими «Апостолами» таранить «Потемкина» и в тот же самый момент, т.-е. во время тараненья, он хочет взорвать свой броненосец, чтобы этим взрывом уничтожить себя и «Потемкина».

— Товарищи, нам нужно быть чрезвычайно бдительными, чтобы сохранить себя и команду «Потемкина». Предупреждаю, товарищи, кто знает нашего унтер-офицера Бочкова — берегитесь его. Я не один раз бывал у командира, слышал, как он приходил и докладывал командиру о тех неблагонадежных товарищах, которых он где-либо подмечал. Это — провокатор и шпион. Ну, товарищи, давайте расходиться по местам, а то нас могут накрыть».

Я вышел на палубу. Команда была вся на ногах, спать никто не ложился, несмотря на предупреждение командира. Долго я бродил среди команды, но не нашел своих друзей, что меня немало удивило.

Кто-то дернул меня за форменку. Я обернулся, это был Чарочкин, которого я искал. Я отошел с ним в сторону. Чарочкин крепко сжал мою руку, потом шопотом начал мне таинственно рассказывать:

— Я вот тебе что расскажу: командиры на военном совете у флагмана вынесли недоверие всем командам. Один наш дал слово, что его команда будет стрелять в «Потемкина». А верно ли это?.. Нет... Он решил таранить «Потемкина». Мы это знаем, нам рассказал мичман Гофман. Сейчас вот идет работа по проводке электрических проводов из боевой рубки командира в крюйт-камеру... Работает сам минный офицер, лейтенант Старков, кожа-кондуктор Шубин и Гармаш... И кроме офицеров — никто об этом не знает. Но мичман Гофман — это наш человек, он сказал нам, что когда эскадра встретит «Потемкина», — на руле будет стоять его любимец рулевой старшина Филеев.

Броненосец сделает маневр и будет пущен так, чтобы он угодил в траверс (в бок) «Потемкина». Командир нажимает кнопки, и судно исполнит свой «долг» — во имя царя и родины...

Мы не заметили, как нас окружили товарищи и жадно ловили каждое слово Чарочкина.

— Мы все молодые, жить хотим; точно так же и наши товарищи на «Потемкине» жить хотят. Зачем их уничтожать?.. Мы должны во что бы то ни стало спасти себя и «Потемкина»...

— Полундра! — крикнул товарищ Дьячков чуть ли не во весь голос, в виде шутки. Все вздрогнули, разговор пресекся, мы с Чарочкиным исчезли. Сквозь окружающую нас массу проталкивался к нам лейтенант Шуберт. Офицеры тоже не ложились спать и бродили среди бодрствующей команды, ловя в мутной воде рыбку.

Развиднялось. На баке пробило восемь. На горизонте стал вырисовываться тендровский маяк. Показалось какое-то военное судно. Послышался шопот среди команды: «Потемкин»... «Потемкин»...

Офицеры и кондуктора куда-то скрылись. Силуэт судна быстро приближался. Эскадра начала строиться головными. Мелкие суда притаились к бортам броненосцев.

— Это «Прут», ваше благородие, — известил вахтенного начальника сигнальщик с мостика.

Как-то сразу легче стало на душе. Команда оживилась. «Прут» приближался к флагманскому судну. Были слышны отрывки переговоров.

— Все ли благополучно на «Пруте»? — орет голос через рупор.

— Все благополучно, — отвечает голос с «Прута».

— Где «Потемкин»?..

— В Одессе, — отвечает голос.

— Итти в Севастополь! — командует «Пруту» флагман, — и ждать возвращения эскадры!

На мачте флагмана взвился сигнал:

«Эскадре взять курс на Одессу».

3. На виду у «Потемкина»

Утром 16-го июня в 10 часов на горизонте в тумане показалась Одесса. Зрительные трубы, бинокли со всей эскадры направились туда, где должен быть восставший «Потемкин». Команда вся до единого человека высыпала

на палубу. Эскадра шла в кильватер средним ходом. Погода стояла прекрасная.

По мере приближения к Одессе начали вырисовываться разные силуэты в предместьях города и порта. С мостика сигнальщик сообщил: «Потемкин» в порту стоит на якоре».

Сигнал с флагманского судна:

«Эскадре выстроиться головными и встать в дрейф. Командирам немедленно явиться к флагману, быть одетым в праздничной форме».

Эскадра перестроилась очень быстро в следующем порядке: в средине встал флагман «Три Святителя», левей — «Ростислав», «Двенадцать Апостолов» и «Чесма»; направо — «Георгий Победоносец» и «Синоп». Контрминоносцы встали под борт флагманского судна. Крейсера вышли вперед, в виде разведки.

Командиры на спущенных вельботах начали подъезжать к флагману-судну, в том числе и я со своим командиром. На этот раз нам не разрешили выезжать на шкентель, мы все держались на воде. Как-будто случайно, качаясь на легкой мертвой зыби, наши вельботы встали борт-о-борт, кроме «Ростиславского», на котором был Жвалевский. Он умышленно держался поодаль, чтобы не навести на себя и свою команду подозрений в каком-либо неблагоприятном разговоре. Разговор снова начался вокруг «Потемкина» и его восстания.

— Что будем делать, — задает мне вопрос тов. Воронов, боцман с «Георгия», — при встрече с «Потемкиным»? .. Отвечай прямо, не стесняйся: что думают ваши офицеры и команда? Мы друг друга знаем, скрывать не следует. «Потемкин» — вот он, рядом. Все зависит от нас самих. Вот ты молчишь — я знаю, что ты со мной согласен во всем, но ты не веришь в команду на ваших «Апостолах». Вас всех ваш командир обворожил своей якобы добротой. Но помните: Командир ваш — изверг. Он пойдет на все, лишь бы быть полезным царю. Предупредите команду: кто первый откроет огонь по «Потемкину» при встрече с ним, тот первый пойдет ко дну от огня остальных судов. Не делать ничего против «Потемкина», и если ваша команда не готова к восстанию, то предупредите преступление, которое готовят наши командиры.

Товарища Воронова слушали все с величайшим напряжением. Он замолк.

— Вельботы, к трапу! — раздался с борта флагманского судна зычный голос вахтенного унтер-офицера.

Подошли к трапу. Командиры один за другим быстро спускались по трапу, садились, отъезжали, угрюмые, молчаливые. Наш Коланс сел за руль... Отвалили... Взяли на воду.

Едва мы отошли от борта, наш командир, как-будто ни к кому персонально не обращаясь, поднял руку в сторону Одессы, где стоял «Потемкин», и громко заговорил:

— Вот, братцы, до чего мы дожили. Мы перестали верить в бога, уважать свою родину и царя... Разве когда кто-либо слышал, чтобы выбрасывали иконы за борт или в кочегарку, как это сделали на «Потемкине»... Вера поругана. Царь оскорблен...

— На «Потемкине» не команда, а — мусор, — продолжал Коланс. Им не место в нашей среде. Ни один командир из бывших на совете не поручился за свою команду и за то, что она сделает все, что ей прикажут, кроме командира «Трех Святителей» и меня. Вы, братцы, должны сослужить нашему императору службу верой и правдой...

4. «Потемкин» снимается с якоря.

Подъехали к трапу наших «Апостолов». Командир, точно гимназист, выскочил по трапу. Вельбот быстро влетел под шлюмбалки и взят на найтовы. Едва я сошел с вельбота, как командир уже был на мостике в парадной форме, а с ним и офицеры... Последовал сигнал:

«Эскадре головными итти средним ходом в направлении к Одессе».

Вся эскадра ответила флагом: «ясно вижу».

— «Потемкин» отвечает тоже: «ясно вижу», — сообщает сигнальщик с мостика.

Эскадра дала ход. Я подошел к фитилю. Команда вся была на баке. Меня и всех вельботных гребцов окружила команда.

— А какие у вас новости? — спросил я Чепурко, и он увлек меня в казамат.

— Вот посмотри и убедись. С орудий чехлы сняты, у каждого орудия по два готовых снаряда и по одному в дулах. Минные аппараты тоже не пусты, а что это значит?.. Ты сам это знаешь. Над этим делом работали сами офицеры и «кожи» да горнисты с барабанщиками... Но все равно стрелять никто не станет первым. Нам только нужно суметь во время перерезать провода и тем предохранить от

взрыва наш броненосец... А таранить «Потемкина» — не дадим! Машинная команда вся наша...

— А товарищи все знают, что кому делать?..

— Да, знают, — отвечает Чепурко. Твоя роль вот какая: следи за движением судна, подбери себе пятнадцать-двадцать человек, и если командир вздумает выполнить свой гнусный план, сделает маневр и захочет таранить «Потемкина», — сейчас же бежать к машинному люку, крикнуть зычно, *авралом:*

«Стоп машина... Полный назад!!!»

— Остальное все будет сделано. Мы без тебя распорядимся, кому где быть...

Мы расстались. Я вышел на бак и затенился в толпе матросов.

— «Потемкин» снимается с якоря!» — известил с мостика сигнальщик, — «взял направление прямо на эскадру».

Что-то жгучее пронизало всю команду. Наступила гробовая тишина. На флагманском судне взвился сигнал:

«Итти малым ходом. Артиллеристы и минеры по своим местам!»

Командир наш разобрал сигнал флагмана, но не отдавал этого распоряжения команде, как обычно, громко, а сохранял его про себя. Конечно, этот секрет не был для нас секретом: все мы обнаружили сейчас же отсутствие среди нас офицерского состава, кондукторов и преданных командирам артиллеристов, минеров и той части команды, которая смотрела на командира, как на повелителя... Послышался глухой лязг стали, заработали орудийные самотаски Орудия начали свое зловещее вращение. В носовую башню проскочил артиллерийский офицер, лейтенант Берг. Все было готово к бою.

Несмотря на все приготовления, команда толпой стояла на баке, следя за ходом эскадры и «Потемкина». Эскадра встала в дрейф. «Потемкин» был настолько близко, что его можно было различить невооруженным глазом. Он тоже встал в дрейф, испуская клубы дыма из всех своих трех труб. Он казался могучим львом, вышедшим на добычу: увидя стадо трусливых шакалов, выбирал свою жертву, на которую он мог бы броситься и раздавить своей могучей лапой. Но лев медлил...

Эскадра стояла, точно прикованная к морскому плесу, точно загипнотизированная, в нерешимости, как-бы говоря: «что же дальше делать?..»

5. «Ясно вижу». «Ура!»

Справа от нас, на флагманском судне взвился сигнал «Потемкину»:

«Царь и весь русский народ призывают взбунтовавшуюся команду «Князя Потемкина Таврического» образумиться, сдаться и выдать зачинщиков правосудию»...

«Потемкин» и эскадра подняли свое «ясно вижу» в полмачты. На «Потемкине» долго разбирали значение сигнала. Наконец, он дернул свой флаг до клотика; то же сделали и суда эскадры, одно за другим убрали сигналы, убрал и «Потемкин»... Настала одна из жутких минут нашего курсирования. Все мы, в том числе и офицерский состав, ждали: чем ответит «Потемкин», — сигналом ли «сдаюсь» или залпом орудийных выстрелов с обоих бортов... Оказалось ни то, ни другое.

— Сигнал на «Потемкине»! — докладывает сигнальщик с мостика командиру в боевую рубку спустя несколько минут.

— Что означает... Разбирай, живо! — приказывает командир.

— Есть:

«Восставшая команда «Потемкина» не может быстро разрешить предложения старшего флагмана Крюгера и предлагает ему явиться на борт «Потемкина» на совещание».

Всей команде, стоявшей на баке толпой, хотелось закричать «ура»... Мы все чутьем поняли, что «Потемкин» первый стрелять по эскадре не будет. У всех повеселели лица. Начали перебрасываться шутками. Команда поняла, что потемкинцы шутят, приглашая старшего флагмана к себе на борт на совещание, и ждали дальнейших маневров. Офицерский же состав принял это за чистую монету, и нужно было видеть в тот момент, как вытянулись их физиономии. Офицеры собрались на мостике возле боевой рубки командира и о чем-то таинственно шептались. Так прошло несколько минут, и сигнал флагмана вывел из летаргии эскадру. Он гласил:

«Итти вперед головным на «Потемкина».

Эскадра тронулась, дала средний ход. «Потемкин» не упустил этого из своего поля зрения и в свою очередь, точно рыцарь, спустивший забрало на лицо, дал полный ход прямо на эскадру.

Взглянув вперед, я увидел, что «Потемкин» быстро-быстро приближается к нам. Случайно или нет, но он взял

курс в интервал между «Ростиславом» и нашим «Двенадцать Апостолов». На его грот-мачте развивался громадный красный флаг, а его дальнобойные орудия, выдвинутые из башен и казематов, шевелились, точно щупальцы громадного тарантула. У каждой из пушек в каземате лежали груды готовых к бою снарядов; борты были частью открыты; работали донки Вартинктона [1]; по палубе лилась на фут вода, уходя за борт. Команда «Потемкина» вся была на палубе, на рострах, даже на мачтах и мостиках. Орудийная прислуга с суровыми лицами стояла у орудий.

«Потемкин» приблизился к нам на расстояние мили и дал самый малый ход, как бы говоря:

«Вот я, ловите меня, я иду к вам прямо в лапы и не боюсь» . . .

С него был слышен глухой гул человеческих голосов; шумела и скатывалась за борт водопадом вода. Вот команда «Потемкина» взбегает на ванты, ростры, мостики . . . Загудело несмолкаемое:

«Ура . . . У-ррр-ра».

— Бей офицеров и «кож» . . . бросай их за борт . . . Долой тиранов, да здравствствует революция! . . Присоединяйтесь к нам! . . Мы объявили войну! . . Войну царю и его министрам! . . Вставай на бой за счастье, за жизнь трудящихся!!! Ур-р-ра-а-а! . .

Громко кричат три рупора — с носовой и кормовой орудийной башни и с командного мостика, и «Потемкин» входит в наш с «Ростиславом» интервал. Он шел настолько близко, что ему свободно можно было перебросить, даже без колотушки, буксир.

С «Потемкина» доносились призывы:

— Чего смотрите? . . Бей офицеров, бросай их за борт!.. Ур-р-ра-а-а! . .

— Ура . . . Ура-а . . . У-р-р-а! — крикнули вместе со мной десятка два стоявших возле меня матросов, размахивая фуражками.

Командир Коланс, наблюдавший все время за ходом событий из боевой рубки, выбежал на мостик и, уцепившись за поручни, — заорал во все горло: «Минеры, к аппаратам! С бака долой!! Долой!! .»

---

[1] Донки Вартинктона — сильные электронасосы, выкачивающие воду из пробоин судна во время боя. Насосы пускались в ход и во время пожара. Чтобы во время боя снаряды не зажигали палубу, ее окачивают водой из насосов.

Но ни минеры, ни вся команда, никто не слышал приказа командира. Все стояли, как загипнотизированные, следя за уходившим полным ходом в открытое море «Потемкиным», с которого слышалось несмолкаемое ура.

6. Замысел не удался.

Мы вошли в Одесский порт, «Потемкин» ушел в море... Точь-в-точь, как в песне поется: «и разошлись, как в море корабли»... В порту мы увидели небольшой военный пароход «Колхиду» и миноносец № 286, на которых развевались красные флаги. Эти суда служили «Потемкину» пловучим госпиталем...

Догорали пакгаузы и пристань. Масса народа толпилась на берегу, глазея на пришедшую эскадру. Мы не становились на якоря, а держались на воде под парами. Начальство с командой ни в какие разговоры не вступало. «Потемкин» ушел в море, но не вышел из горизонта. Нагоняя облака дыма из своих труб, «Потемкин» стоял на месте, как отшельник, думая великую думу:

«Что делать дальше?»

Командиры и флагман все время следили за ним через зрительные трубы...

— «Потемкин» вернулся! Идет в Одессу!» — кричит Остахов с мостика.

Все суда насторожились. Говор, который начался было после ухода «Потемкина», снова умолк. Ждали распоряжений.

«Эскадра налево кругом! Итти головным навстречу «Потемкину», — возвестил сигнал с флагманского судна.

Зашевелились броненосцы. Точно исполинские звери, лениво поворачиваясь справа налево, выстроились в грозную колонну; дали полный ход, взяли курс на «Потемкина», оставив в порту «Колхиду» и миноносец.

Погода стояла попрежнему великолепная. «Потемкин» полным ходом шел снова в направлении к Одесскому порту, раздвигая морскую гладь своим тараном. У меня и у всей нашей команды не было уже того страха, как в ожидании первой встречи с «Потемкиным». Мы поняли его намерение, — он вторично шел не драться с нами, а звать с собой для борьбы с царским строем. При проходе в первый раз «Потемкин» в наш интервал, он на многих судах уловил открытое к себе сочувствие, а команда «Георгия Победоносца» громко аплодировала и на кормовой башне вы-

кинула красный флаг. Все это «Потемкин» учел. Не давая опомниться командирам, он шел смело и решительно в свою семью черноморских моряков, беря на этот раз курс не между нами и «Ростиславом», а между «Георгием Победоносцем» и «Синопом».

Командир нашего броненосца «Двенадцать Апостолов» заметил маневр «Потемкина», дал малый ход, а с кильватера эскадры дал полный и начал врезываться между «Георгием Победоносцем» и «Синопом».

Мы поняли, что Коланс решил осуществить свою адскую мысль — таранить и взорвать «Потемкина». Быстро в команде мы сделали летучий митинг, на котором снова решили — во что бы то ни стало предотвратить несчастье, задуманное командиром.

Быстро разойдясь по своим прежним наблюдательным постам, мы ждали момента. Когда я вышел на бак, «Потемкин» шел полным ходом прямо на «Георгия Победоносца», как-будто собираясь взять его на абордаж. Свободная команда вся была на баке. Вот «Потемкин» режет интервал «Георгия». Наш броненосец замедлил ход, положил руль право на борт и начал выходить из строя. Отойдя в кильватерную струю эскадры, круто переложил руль лево на борт, развернулся, почти на месте дал полный ход и начал резать нос «Потемкина», рассчитывая своим тараном ударить в шканечную часть «Потемкина».

Командир все время мрачный, стоя на командном мостике, крикнул, что было силы:

«С бака долой! Долой с бака!!»

И в тот же момент исчез в своей рубке. Еще две-три минуты хода, и таран «Апостолов» врежется в бок «Потемкина».

— Товарищи, к машинному люку! — крикнул я и бросился бежать через каземат к машине. Толпа матросов инстинктивно бросилась за мной, как бы спасаясь от надвигающегося столкновения.

— Стоп, машина! Полный назад! — крикнули мы человек двадцать в один голос над машинным люком.

— Полный назад!! — заревела за нами команда голосов в двести.

Точно лев, затрясся на месте наш броненосец и начал постепенно отходить назад, не достигнув борта «Потемкина» метра на три-четыре.

Командир, услышав рев команды над машинным люком и чувствуя, что команда вышла из его повиновения, — на-

жал кнопку проводов в надежде взорвать себя и вывести из строя «Потемкина». Но было уже поздно. Провода в свое время были перерезаны одним из наших товарищей, минером Полещук.

— Седину мою опозорили! — кричит Коланс, схватившись за поручни. — Позор! Стыдно нам не умереть с честью за царя и родину! . .

Командир бросился в боевую рубку, упал на пол и зарыдал, как ребенок, потерявший свою мать.

Мы бросились на бак. «Потемкин» входил в Одесскую гавань. Эскадра стала в дрейф. На «Георгие Победоносце» началась суматоха. Вдруг «Георгий» круто повернул и дал полный ход в направлении к Одесскому порту. Войдя в гавань, он отдал якорь рядом с «Потемкиным», поднял красный флаг и начал спускать шлюпки. Эскадра, наблюдая за маневрами «Георгия», как будто замерла. Из забытья эскадру вывел сигнал с флагманского судна:

«Полным ходом итти в Севастополь!»

Стоявшая в разнобой эскадра быстро выровнялась в кильватер и полным ходом начала уходить от «Потемкина» и «Георгия Победоносца».

Ростов-на-Дону, 1930 г.

М. Адамович.

ЧЕРНОМОРСКАЯ «РЕГИСТРАЦИЯ» И «ЗАГРАНИЧНЫЙ ЦЕНТР»

1. Борьба и поражение.

Революционное движение военных моряков и моряков торгового флота в царской России шло отдельными руслами. Каждое из них имеет свою самостоятельную историю, особые этапы развития и свои большие поворотные события, определявшие всю дальнейшую судьбу движения. Однако, это не значит, что течение событий в одном русле не оказывало никакого влияния на другое. Наоборот, протекая в общих для всей России условиях царского гнета и народного бесправия, военные моряки и моряки торговые влияли взаимно друг на друга, как и на всю окружающую их обстановку. Только влияние это не было прямым: оно не являлось результатом непосредственных организационных связей, существовавших между этими двумя отрядами, а возникало косвенным образом, благодаря тем большим событиям, какие каждое из этих движений создавало самостоятельно в борьбе с самодержавием. Такими большими событиями были в истории военного флота на Черном море потемкинское и очаковское восстание в 1905 году, и организация так называемой «Черноморской регистрации» в 1906 году в коммерческом флоте. Однако, бывали моменты и непосредственного соприкосновения военных и коммерческих моряков между собою в различные моменты борьбы и движения. Соприкосновение это бывало или открытым массовым, как, например, в моменты широких выступлений, или скрытым в периоды подпольной борьбы и работы различных революционных групп, действующих среди моряков.

Положение военных моряков в моменты открытых выступлений их товарищей в коммерческом флоте было очень затруднительным. Правительство стремилось сломить борьбу судовых команд, пуская в ход в качестве штрейкбре-

херов на торговые суда военных моряков, скованных по рукам и ногам судовой, военно-морской дисциплиной. Тем не менее, и в этих условиях врагам рабочего класса не всегда и не вполне удавалось сделать послушным своим орудием военных моряков против торговых.

Читателям, интересующимся военно-морским движением, будет не безынтересно познакомиться хотя бы в очень кратких чертах с тем, как жили по соседству с военными моряками моряки торговые, как они вели борьбу с общим врагом и за что именно боролись.

Военный и торговый флот на Черном море — соседи. Основная база военных — Севастополь, а для коммерческих судов — Одесса. Впервые на арене общественной революционной борьбы оба флота встретились в июньские дни 1905 года, когда восставший броненосец «Потемкин» с развевающимся впервые на корме русского судна красным флагом появился на Одесском рейде.

Мы помним, какое действие произвел «Потемкин» на Одесский порт и на город. Это было раскаленное солнце революции, вдруг приблизившее свой пыл и жар к самым берегам смятенного города. В результате на берегу — целое землетрясение; бесконечное паломничество людей к телу убитого на броненосце матроса, нарастающее возмущение народа, испуг и растерянность властей, угроза броненосца бомбардировать правительственные здания в случае применения насилия, демонстративные похороны убитого товарища-потемкинца, потом ночной разгром пакгауза, пожар в порту, пулеметный расстрел бегущих из порта в город толп людей, и над разыгрывающейся в ночной тьме трагедией горящего порта недремлющий глаз прожекторов мятежного броненосца.

Особенно сильный моральный и политический толчок от «Потемкина» получила разнообразная портовая масса рабочих и в частности моряки торгового флота. Надо сказать, что среди других отрядов рабочего класса торговые моряки в те времена были элементом довольно отсталым. У них была своя специальная моряцкая замкнутость, господствовала цеховая узость, обусловленная, с одной стороны, постоянными отрывами от береговой жизни в плаваниях, а с другой, крепкой связью с землей и деревней большей части плавающего на русских судах состава. Поэтому судовые команды торгового флота сравнительно туго поддавались той раскачке, какую давала рабочему классу всей Рос-

сии поднимавшаяся волна революционных движений начала девятисотых годов. Легко себе представить, какое громадное воздействие произвело на них появление броненосца, наполненного тысячной массой людей, носящих тоже моряцкую форму, задавленных дисциплиной и все же нашедших в себе отвагу выбросить за борт начальство и поднять флаг революции на своем корабле.

Впечатление было огромное и неизгладимое.

— «В 1905 году я помню потемкинские события. Матюшенко я видел несколько раз за эти дни. Особенно помнится мне его фигура, когда он подъезжал на миноносце к концу нового мола, где выставлено было тело убитого матроса. Матюшенко стоял на корме миноносца, опершись на орудие, и от всей его фигуры веяло уверенностью, силой и железной решительностью. В эти дни, когда кругом царило смятение и возбуждение, бросались в глаза его хладнокровие и спокойная обдуманность его распоряжений.

«Сочувствие моряков торгового флота к восставшим потемкинцам было огромное. Как только стало известным, что нужно снабдить «Потемкина» углем, для чего нужны рабочие руки, тотчас же толпа добровольцев кинулась на пароход «Эмеранца», стоявший в порту с углем, и на нем подошла к «Потемкину». Я был в числе этих добровольцев. На «Потемкине» нам был устроен митинг. Беспрерывно с берега на «Потемкин» приплывали рабочие и там шли митинги. Я в то время плавал машинистом на «Царице». Что касается настроения матросов на «Потемкине», то в первые дни по приходе в Одессу при виде подъема и сочувствия в массах оно было устойчивое и уверенное, но к концу пребывания броненосца стала замечаться какая-то неуверенность».

Так рассказывает в неизданных воспоминаниях один из одесских моряков торгового флота, переживший потемкинские дни в Одессе, как живой их свидетель [1].

Здесь мы видим, как «Потемкин» сыграл роль настоящего агитпропагандистского судна для береговых рабочих и для торговых моряков, сообщая им часть заряда своей революционной энергии. Энергия эта даром не пропала. Еще и теперь, в дни посещения советскими военными судами советских портов, сотни и тысячи рабочих устремляются с берега

[1] Записано мною 14/IV 1925 года со слов тов. *И. Н. Петрова*, работавшего в момент сообщения в Херсоне в Нижне-Днепровском госпароходстве. Член союза с 1905 г., член ВКП(б) с 1917 г., плавает с 1903 года.

на борты кораблей. Там им в десятый, и сотый, и тысячный раз на палубе крейсеров и броненосцев устраиваются революционные митинги, первый из которых был дан на броненосце «Потемкине». Только тогда на этом митинге раздавались призывы к свержению власти — *царской власти*, помещиков и капиталистов, — а теперь несутся призывы к укреплению пролетарской диктатуры, к защите страны [illegible].

Появление «Потемкина» в одесских водах было внезапным и бурным эпизодом, врезавшимся в ход истории и борьбы коммерческих моряков, начавшейся рядом кратковременных забастовочных выступлений еще с 1903 года. К делу этому руку приложил еще *Шаевич*, одесский агент знаменитого охранника царской России — *Зубатова*, думавшего хитроумно поймать на удочку чисто экономических требований и приручить целый рабочий класс огромной страны. Агитация этого агента среди моряков, неожиданно для него самого, вылилась в морскую забастовку, явившуюся частью всеобщей забастовки в Одессе. Здание, построенное охранником, обвалилось и погребло под собой и самого строителя. Разгневанные забастовкой жандармы арестовали ее невольного зачинщика, и Шаевич исчез с горизонта Одессы. А движение моряков, начатое этим толчком и питаемое общей обстановкой, уже не останавливалось. В 1905 году летом моряки в Одессе забастовали уже в третий раз со времен Шаевича. И на этот раз дело было довольно серьезное. Забастовка охватила, главным образом, пароходы Русского общества пароходства и торговли. Так как забастовка эта пришлась в разгар общего революционно-забастовочного движения, то общество поспешило пойти на уступки, чтобы ослабить напор масс. Главную же опасность для него представляла возможность возникновения союза моряков. Чтобы отвратить эту опасность, мудрые заправилы общества, кое-чему научившись от первоучителя по притуплению острых зубов рабочего движения — Зубатова, решили дать «конституцию сверху», чтобы избежать «революции снизу». Такой куцей конституцией явилась так называемая «Регистрация». «Регистрация» представляла собою изувеченный до неузнаваемости профессиональный союз, специально приспособленный к удержанию в подчинении наемных рабов, стихийно потянувшихся к организации. «Регистрация» создавалась при участии и действовала под непосредственным

БИБЛИОТЕКА

контролем дирекции Русского общества пароходства и торговли. Задачей ставила она, главным образом, урегулирование отношений команд с Русским обществом и пароходной администрацией. Помещение ей предоставило Общество, подержка, даже финансовая, давалась Обществом. Из устава и наименования вытравлялось все, что носило следы революционных новшеств, и закреплялась самая заскорузлая цеховщина. Правления и его членов не было, а были «выборные»; председателя тоже не было; имелся «староста выборных», при чем независимость выборных от перемены настроений команд достигалась длительностью полномочий — выбирались на целых три года.

Задумано это было недурно, и в августе 1905 года, в присутствии военных властей города Одессы и представителей пароходных компаний, перед тысячной толпой моряков торжественно был отслужен молебен по случаю открытия «Регистрации моряков черноморского флота». Весь день весело пировали судовые команды, и далеко по порту разносились патриотические песни. А на другой день в управление вновь народившегося союза вступили *выборные*, избранные при благосклонном и живейшем участии начальствующих лиц. «Регистрация» начала действовать. Странная судьба постигла этот странный союз. Рабочие союзы его не хотели принять в свою среду и сторонились его: слишком пахло от него зубатовщиной. И при всем том, три месяца спустя, когда гибли все рабочие организации, рухнул и новый союз моряков. За три месяца своего существования он успел нажить себе достаточно врагов среди всех, кто привык видеть перед собою лишь согнутую спину и потупленный взор человека, продающего свою рабочую силу. Как ни скверно был построен этот союз, как ни заботливо старалась чья-то рука обезвредить его и сделать игрушкой пароходовладельцев, его внутренняя сила, как пролетарской организации, превозмогла все. При всех своих недостатках, «Регистрация» сумела стать действительной защитницей интересов моряков и зорко следила за всякими попытками свести к нулю новые завоевания. Пришел декабрь 1905 года. Русский рабочий поставил на карту все и в кровавой борьбе многое потерял. И моряки потеряли свою первую организацию. Дирекция Русского общества, при помощи полицейских властей, уничтожила свое изобретение и закрыла «регистрацию». Враги ее ликовали.

«Теперь мы вам покажем «Регистрацию», — пронеслось по судам. Капитаны, помощники, механики, машинисты, —

все улыбались и потирали руки, но хмуро глядели лица матросов.

С тех пор центром всех стремлений моряков стала «Регистрация». Брожение не прекращалось, и сочетание слов «забастовка» и «регистрация» становилось все обычнее, слышалось все чаще. Неизбежность борьбы за «Регистрацию» становилась очевидной.

После сильного затишья, наступившего вслед за декабрьским разгромом рабочего движения и московского восстания, российский пролетариат к весне 1906 года с обновленными силами ринулся в бой.

Приближалась весна. Пролетариат Одессы встряхнулся и с новой бодростью бросился в полосу стачек, пядь за пядью отвоевывая утерянные позиции. Рабочие союзы быстро росли и множились. И вскоре, как пожаром, была охвачена Одесса стачками, а вслед за ними вырастали союзы. Борьба расширялась, потребность в организации росла. Непреодолимым стремлением организоваться были охвачены и моряки. И им хотелось иметь свой союз, профессиональный союз, как и у других; они тоже жаждали массовой организации. Но, увы. Путь к ней был для них преражден. Тщетно добивались моряки у генерал-губернатора разрешения на собрание, — им его не давали. Становилось ясно: нужно или итти напролом, или отказаться от мысли иметь профессиональный союз. Моряки выбрали первое.

Когда выяснилось, что всякая надежда получить разрешение на открытие союза потеряна, моряки стали энергично готовиться к стачке.

Утром 12 мая стали пароходы. Позавтракавши, моряки сошли на берег, оставив по одному человеку для присмотра за вещами. Забастовавшие команды стали стягиваться на расположенный над портом Николаевский бульвар и вскоре заполнили его.

С самого начала все благоприятствовало забастовке. Момент был выбран удачно. Только что наступил май, и погода установилась чудесная, что сильно уменьшило потребность в крове и тепле. С другой стороны, как раз началось оживленное движение грузов и пассажиров, что, конечно, должно было очень повлиять на податливость судовладельцев. Никто не думал, что брьба затянется, и наиболее недоверчиво смотревшие на дело не предполагали, что заба-

стовка продлится больше двух недель. Были и такие, которые рассчитывали, что все кончится в 7 дней.

На первом же совещании выяснилось, что стачечный комитет лишь тогда сможет выполнить возложенные на него обязанности, когда за всеми его решениями и действиями будет стоять ясно выраженная воля бастующих. Но в том то и была «загвоздка». Успех стачки почти целиком зависел от того, будут или не будут собрания. А собрания моряков именно и не разрешались генерал-губернатором. Как быть, чтобы собрание добыть? Решили ждать, пока позовут выборных, а там заявить, что говорить от имени моряков выборные могут только тогда, когда получат для этого полномочия от всех бастующих.

И действительно: на третий или четвертый день по бульвару уже искали выборных.

Те предстали перед кем следует. И в результате на завтра назначалось общее собрание для выяснения требований.

На другой день около трех тысяч моряков теснились на дворе начальника Одесского порта.

Дело повернулось так, что одного собрания оказалось недостаточно, и три дня под ряд собирались моряки для выяснения своих нужд. Теперь стачка стала на твердую почву. Требования были выяснены, решения приняты, выборы произведены.

Прошла неделя, наступила вторая. Изо дня в день с утра бульвар наполнялся моряками и пустел к вечеру. Общение бастующих между собою и со стачечным комитетом, борьба различных мнений и течений в среде забастовщиков, вся повседневная работа участников забастовки, — все это совершалось на бульваре.

Тем временем судовладельцы старались принять меры. Нельзя сказать, чтобы они блистали новизной и оригинальностью: расчет, угроза передать паспорта в полицию, туманные обещания уступок, «если станете на работу», и распространение через агентов темных слухов, отдающих слегка провокацией, — вот все, что они могли придумать.

Шло время. Хозяева — молчок. Настроение моряков становится решительнее, лица пасмурнее и упорнее: «хотят взять голодом», — думает масса и крепнет в упорстве. Кончилась третья неделя забастовки, а положение дела ничуть не приблизилось к развязке. Стороны ждали, — кто пере-

силит, чья воля, чье упорство возьмут верх. В более слабых душах зарождалось сомнение в благополучном исходе. Оно быстро росло. Шатание и брожение усилились, наступил критический момент для стачки. Рухнет или устоит настроение? Решимость трехтысячной массы дрогнула, но устояла. А здесь как раз пронеслась весть о приезде специально командированного для улажения дела чиновника из министерства. «Близок конец», — решили все. Чиновник, действительно, прибыл и энергично принялся за подготовку окончания «военных действий». Сначала он потолковал с судовладельцами. Затем он попробовал нащупать почву у выборных от моряков и, убедившись, что со стороны не прочь сойтись, созвал совещание из представителей обеих сторон. Попытка не увенчалась успехом, соглашение достигнуто не было, и приезжий чиновник, разочарованный, уехал. «Я сделал, что мог», — сказал он на прощанье. «Счастливого пути», — раздалось из среды моряков.

Закончилась пятая неделя забастовки. В рядах противников началась энергичная деятельность. Забастовку решили сломить. В один прекрасный день появилось объявление о том, что готовятся к отходу два самых больших парохода Русского общества. Известие было принято бастующими недоверчиво: это утверждение было уже третьим по счету, а пароходы ни разу еще не двинулись с места.

Но на этот раз дело было серьезнее, чем прежде. К назначенному дню были привезены из Севастополя военные матросы, и в назначенное время пароходы вышли в море.

Буря ярости пронеслась по бульвару, и настроение круто изменилось: из мирно выжидательного оно превратилось в наступательное. В воздухе запахло грозой. Запахло порохом в буквальном смысле. Привлечение военных моряков в качестве штрейкбрехеров было принято, как сигнал к борьбе всеми средствами и способами, и вопрос о террористических актах — о бомбах и револьверах — сам собою стал в порядок дня. Группки боевых и непреклонных моряков поставили его на обсуждение, исходя из того соображения, что «не можем же мы сидеть сложа руки и смотреть, как у нас под носом выводят в море пароходы».

Задача, ставившаяся на разрешение в этих группах, сводилась к тому, чтобы вывести из строя первый же назначенный к отходу пароход, подорвавши его в момент отхода, с грузом и пассажирами.

На бульваре и его склонах закипела ожесточенная борьба мнений по вопросам — как быть. Сказать, что в конце концов взяло бы перевес, было очень трудно. Но тем временем уже успели сказаться результаты опыта с военными моряками. Плачевное получилось плавание у пароходов, вышедших в море с военными командами. Мы скоро узнали, что гневом бились сердца у подневольных рабов — солдат, когда они своими руками должны были срывать забастовку борющихся братьев. И от жара сердец их горели и плавились подшипники в машинах, горели и лопались трубки в котлах, насосы гнали воду навыворот, руль плохо слушался штурвала, отчего пароход наваливался на пристань или на соседнее судно, продавливая свой или чужой бок... Одним словом, когда в правлении Русского общества собрали все телеграммы с рейсов от капитанов и агентов и прикинули на счетах, во что приблизительно обойдется эта игрушка с военными командами, итог сразу показал, что «баловаться довольно». И в то время, как в самом разгаре у моряков был спор, «рвать или не рвать пароходы», и кое-где уже дело доходило на этой почве до серьезных потасовок, неожиданно главный наш противник спустил свой флаг: на дверях Русского общества появилось объявление с перечислением экономических уступок, на основе которых командам предлагалось прекратить забастовку.

Это был 40-й день стачки.

В тот же день вечером начались официальные заседания стачечного комитета с дирекцией Русского и Российского общества по выработке соглашения в присутствии товарищей, избранных для надзора за действиями стачечного комитета во время переговоров. Сидели мы над пунктами договора и «Регистрации» упорно, но дело сделали в течение трех дней. На 43-й день утром директор Русского общесва приехал от генерал-губернатора и привез экземпляр устава «Регистрации», разрешенной к открытию.

Так снова история свела военных и торговых моряков на Черном море после первой их встречи во время потемкинских дней.

Добытая в бою «Регистрация» просуществовала недолго [1].

[1] О том, как подготовлялись моряки к борьбе за «регистрацию», и как она жила и работала, см. в моих мемуарах: 1) М. Адамович, «На Черном море» (очерки прошлой борьбы); 2) М. Адамович, «Черноморская «регистрация». Изд. о-ва политкаторжан.

Центром заговора против нее стала главная контора Русского общества пароходства и торговли в Одессе. Там, в тиши инспекторского кабинета, был разработан обстоятельный план военных действий. И нужно отдать справедливость его вдохновителям, — план был недурен. Сводился он к следующему. Так как закрытие властями «Регистрации» неминуемо вызвало бы остановку пароходного движения и работ в порту, то вся задача заключалась в том, чтобы эту забастовку с первых же шагов обессилить и расстроить. Поэтому сначала нужно было организовать кадры, готовые заменить моряков и поддержать пароходное движение. Работу эту взял на себя Союз русского народа. На Днепре он заранее подобрал некоторое количество пароходных служащих, готовых явиться на службу по первому приказу. В самой Одессе он предоставил своих членов для выполнения всяких работ во время забастовки и свои дружины для охраны пароходов и штрейкбрехеров. Затем была выработана и самая техника закрытия «регистрации».

Тем временем, к началу октября, в «Регистрацию» пришло предложение прислать своих представителей в особое совещание при министерстве торговли и промышленности, где должен был вырабатываться проект регистрационных морских контор для представления его в Государственную Думу на утверждение. Эта-то комиссия и пригласила представителей от всех морских организаций как судовых команд, так и судового начальства. «Регистрация» назначила двух уполномоченных, в том числе и меня[1].

Пока мы там отстаивали интересы судовых команд против просвещенных тайных советников и надменно-невежественных немцев-шкиперов с Балтийского моря, в Одессе, наконец, решились закрыть «Регистрацию». В тот же день вспыхнула забастовка. Мы немедленно покинули совещание, заявив, что правительство одной рукой приглашает моряков совещаться о регистрационных конторах, а другой закрывает уже существующие, и что при такой политике представителям моряков не место на совещании.

Затем мы сели в поезд и разными путями направились в Одессу. Нас ждали и моряки, и полиция. Товарищ мой проскользнул в город, меня же взяли на вокзале портовые жандармы, специально дежурившие там и знавшие меня

---

[1] Вторым был Александр Доримедонтович Яковлев, ныне работающий в Цуморе.

в лицо. Затем ворота тюрьмы закрылись за мной почти на год.

Остановить пароходное движение забастовщикам не удалось. Ноябрь — время, когда навигация сокращена до минимума, и большинство моряков находится на берегу без работы. Объявление забастовки лишь присоединило остальных к этой безработной массе. Забастовавшие тотчас же были замещены кадрами союзников. Союз русского народа поставил вместе с тем свою охрану в порту и на пароходы. Союзники, в том числе даже гимназисты и студенты, замещали и портовых грузчиков, забастовавших из солидарности с моряками. Военные власти наводнили порт войсками и совершенно отрезали пароходы от сообщения с берегом. Движение пароходов, таким образом, не приостановилось, и все моряки представляли в сущности не массу бастующих, а массу безработных на берегу. Совершенно естественно, что в этой массе выросла решимость помешать движению другими средствами, если прекращение работ не привело к цели. Стали взрывать пароходы, жечь их, сажать на мель, на камни. В самом порту производились ночные вооруженные нападения на пароходы, охраняемые союзниками.

Но силы были слишком неравны. Еще были увеличены патрули, еще усилена охрана, и дальнейшая борьба стала невозможной. На ряду с этим шли массовые аресты и высылки моряков.

Средства кассы истощились; голод и холод, а затем раздоры в стачечном комитете докончили дело. Моряки были разбиты после почти месячной борьбы... «Регистрация» была сломлена.

Наступили глухие годы реакции, прочное начало которой положил Столыпин разгоном второй Государственной Думы. Три года с лишним тянулась она, покрывая виселицами и сетью каторжных централов всю обширную территорию государства российского. После удачного побега из тюрьмы и неудачной попытки устроить другим товарищам «самовольный» уход из тюрьмы на свободу, я скрылся за границу и жил в эмиграции. Разбитые в открытых столкновениях судовые команды плавали, взятые в зажим судовым начальством. Но дух их не был окончательно сломлен; они копили силы, копили энергию и мечтали про себя о тех временах, когда снова смогут померяться силами с на-

севшим на шею врагом. В ожидании этой новой схватки они пробовали подготовиться и материально: организовали на целом ряде судов нелегальные кассы борьбы. Судьба этих касс была довольно плачевна: много денег пропало или вследствие провала касс или по недобросовестности тех лиц, каким были доверены суммы.

В то же время некоторыми лицами, принадлежавшими к партии социалистов-революционеров, была сделана попытка начать среди моряков чисто политическую работу, с опорными пунктами в заграничных портах. Создавшаяся в результате этой работы группа моряков черноморского флота была довольно быстро ликвидирована сыском жандармов, и около десятка черноморцев получили по этому делу тюрьму и ссылку в Сибирь на поселение.

В 1911 году движение снова прорывается в открытых формах, в виде внезапной, короткой, по результатам неудачной, но дружно прошедшей пароходной забастовки в Одессе. Все это показывало, что, несмотря на понесенные поражения, несмотря на провалы и неудачи разного рода, массовая энергия не иссякла, решимость бороться не притупилась. Поэтому наиболее активные элементы на пароходах стали думать о том, чтобы предпринять что-либо большое, подготовиться хорошенько и, выбрав подходящий момент, нанести противнику серьезный удар. С этой целью они принялись за поиски своих старых испытанных руководителей в прошлой большой борьбе, людей, которым масса моряков верила безусловно и готова была итти за ними на борьбу и на жертвы. Разыскали и меня в эмиграции в Мюнхене. Другого товарища — моего соратника по летней забастовке и по работе в «Регистрации» — совместными усилиями мы отыскали в Архангельской ссылке.

Этим и начинается второй константинопольско-александрийский период массового движения моряков черноморского торгового флота, связанный с созданием, так называемого, «заграничного центра» и выпуском подпольной профессионально-революционной газеты «Моряк».

2. Струны снова натягиваются.

Организация заграничного «центра».

Мирно сидел я в Мюнхене, меняя в течение дня химическую лабораторию на читальный зал университетской библиотеки, а библиотеку — на партию шахмат вечером

в кафе «Элит» или в «Шеллингсалоне». Так прожил я почти два года.

В это мирное и благодушное течение моей жизни в Мюнхенской «русской колонии» вдруг врезалась неожиданная, призывная нотка, донесшаяся с берегов далекого Черного моря: команда с «Чихачева» прислала письмо, разыскав меня через редакцию журнала, где были помещены очерки о черноморских моряках и их «Регистрации».

Письмо для меня являлось прямым ответом на вопрос, который упорно дебатировался тогда в партийных кругах и в партийной печати: стоит ли Россия перед новым подъемом рабочего движения или же в рабочих массах все еще нет просветов во мраке реакции, охватившей их после поражения девятьсот пятого года. Весточка, поданная моряками с парохода, на котором традиционно подбиралась крепкая, революционным духом пропитанная как палубная, так и в особенности машинная команда, говорила совершенно явственно, что полоса массовой пассивности и угнетенности духа проходит.

Уже одно то, что «Чихачев» низовым напором «убеждения с принуждением» был очищен от черносотенных, штрейкбрехерских и ненадежных элементов, а вместо них снова подобралась плотная семья «своей братии», плечо к плечу и человек к человеку, — «как быть полагается Чихачевской команде», — уже одно это было весьма выразительно и говорило о многом. И прежде всего это говорило о том, что струны классовой активности и упорства у моряков снова натягиваются и что история на этих струнах может опять начинать разыгрывать революционные мотивы.

Еще больше говорили о том же заключительные строки этого неожиданного послания, написанного в кочегарском кубрике на «Чихачеве» и сообщавшего:

«Мы все и чихачевцы и с других пароходов рады, что Вы, как видно, живы и здоровы, и думаем, что пора опять двигать наше дело, а потому просим Вас и надеемся, что вы, как уже показавший себя наш человек и руководитель, опять возьмете штурвал в свои руки и поведете наш черноморской корабль по правильному пути и направлению».

Чтобы не было сомнения в единодушном настроении у моряков по этому вопросу, чихачевцы еще в самом конце приписали: «палубная команда тоже вам кланяется и во всем с нами согласна. Отдельно вам не пишут, потому на нас, кочегаров, слагаются, да и некогда: гоняют их по 16 часов в сутки, как при самом старом режиме».

Непосредственный результат от полученного письма выразился в том, что занимавшие меня тогда вопросы об электронном строении вещества [1] о взаимопревращаемости материи и энергии, равно как и все виды проблемы бесконечности мира потеряли для меня сразу бо́льшую часть своего вкуса и привлекательности... Я стал готовиться к отъезду.

Ехать нужно было мне в направлении, в те времена не совсем обычном для работника профессионалиста: на восток, в Стамбул, в загадочную и живописную столицу Оттоманской империи, высоко взметнувшую к небу остроконечники своих минаретов. Говоря прозаичнее, путь мой лежал в Константинополь.

Серьезна ли была вся эта восточная затея с турецкими минаретами, Босфором и русскими моряками? Если бы и возникли на этот счет какие-либо сомнения, то они должны были исчезнуть и испариться перед лицом одного простого и неотложного факта: деньги мне на дорогу были собраны командами нескольких пароходов и присланы в Брюссель. А если моряки начинают с того, что «делают сбор», значит за дело берутся серьезно. Кто знал моряков, для того это не представляло сомнений.

Когда все предварительные переговоры и переписка были закончены, я стал собираться в дорогу. Приготовления, разумеется, были замечены людьми, близко стоящими и часто встречавшими меня—соседями по дому, знакомыми по столовке, в которой я обедал, товарищами по партийной «группе содействия РСДРП», в состав которой я входил. Разумеется, обращались с вопросами: «правда ли, что вы освобождаете с такого-то числа комнату?» «Правда ли, что вы уезжаете?» «А куда, если не сочтете нескромностью?»

Ответы на обращенные ко мне вопросы носили разноречивый и уклончивый характер. Одним я шутливо отвечал, что меня тянут к себе похождения в гаремах Стамбула и что путь мой лежит «туда на восток», куда широким жестом указывала моя рука. Другим, что мне смерть хочется посмотреть постановку последней новинки Берлинской оперы и потому помыслы мои устремлены в направлении севера. Наконец, третьих я уверял, что направляюсь в Вену.

Когда человек сегодня говорит — Берлин, завтра — Вена, а после завтра — Константинополь, то является силь-

---

[1] Автором были в это время напечатаны в «Русском богатстве» крайне интересные статьи об электроне. *Ред.*

ное подозрение, что он вообще что-то путает и скрывает и поедет в какое-нибудь совсем другое место и что, может быть, Константинополь — поскольку поездка как-то связана с моряками — есть только созвучный псевдоним Севастополя, где стояла военная эскадра и где революционная работа на военных судах в это время велась уже довольно упорно.

Поэтому с точки зрения тех, кто «наблюдал за порядком» в России на берегах Черного моря, разумеется, представлялось чрезвычайно важным выяснить точное направление моей поездки и не выпускать меня из своего поля зрения.

Все сказанное вполне удовлетворительно объясняет, почему я, как только двинулся с места, был взят буквально в железное кольцо «наблюдения». Ошеломленный таким большим вниманием бригады сыщиков, я два памятных мне дня с чрезвычайным упорством и напряжением сил вел борьбу, чтобы вырваться из этого кольца и начать свое путешествие «чистым», не притащить за собой в Константинополь «хвост» с первых же моментов работы.

В конце концов это мне удалось. Вырвавшись из кольца сыщиков, проверив надежность своего успеха несколько раз и сделав круг по Европе, я взял, наконец, направление на Стамбул к водам Босфора.

Дело, за которое мы принялись в Константинополе, было немалое. Попытка сводилась к тому, чтобы, имея один прочно забронированный от жандармских лап организационый пункт — заграничный центр, создать из него крепкую, разветвленную, охватывающую все моря и главнейшие речные артерии организацию с примыкающими к ней ячейками береговых рабочих и двинуть в надлежащий момент всю связанную этой организацией пролетарскую массу на активную борьбу с царизмом.

Основным орудием этой работы стал подпольный, с первых же моментов созданный орган «Моряк», надолго оставшийся в памяти черноморцев. Если познакомиться ближе теперь с характером этой газеты и с деятельностью Константинопольско-александрийского заграничного центра, то бросается в глаза странное на первый взгляд обстоятельство.

С одной стороны, работа носит какой-то чрезвычайно скромный, пожалуй, бледный урезанный характер: газета не носит ярко выраженного революционного лица. Язык ее статей довольно сдержанный, сама организация укло-

няется от всего «революционного» — от вовлечения в круг своего воздействия военных моряков, от создания внутри союза революционных политических групп, от представительства в «центре» политических партий. Поведение организации, неуклонно, с неослабным напором укрепляющей и расширяющей все дальше и глубже свои организационные связи, внешне почти робкое. А в то же время около этой с виду очень умеренной организации происходит буквально мобилизация всех революционных сил, имеющихся в этот момент налицо. Самые многоразличные революционные организации связываются с центром «Моряка» и помогают ему всем, чем только можно. Латышские, эстонские, финляндские, русские — большевистские, меньшевистские и эсеровские — группы входят в соприкосновение с завязавшейся в Константинополе работой. С другой стороны, и царское правительство сосредоточивает против «Моряка» град бешеных ударов, объявляет форменную, месяцы длящуюся, войну морской организации. Напрягая чрезвычайные усилия, чтобы разгромить ее, и не будучи в состоянии покончить с нелегальным союзом моряков у себя дома, на своей территории, царское правительство делает вылазку за пределы России и добивается ликвидации «Заграничного центра».

В чем разгадка такого несоответствия между умеренным с виду характером организации и острым напряжением усилий, с одной стороны, царского правительства, чтобы разгромить ее, а с другой — революционных сил, чтобы ее поддержать и сохранить? Разгадка заключается в том, что за скромным умеренным лицом морской организации и друзья и враги «Моряка» не только верно учли объективную революционную сущность работы, но и уловили также революционность замысла руководителей союза. Замысел же этот заключался в том, чтобы, закрепивши, хотя бы вчерне, остов нелегальной, внешне узко-профессиональной, но во всероссийском масштабе развернувшейся организации судовых команд, с ее береговыми ответвлениями, вызвать на почве экономических требований всеобщую забастовку всего водного транспорта и тотчас же возглавить ее требованием легализации союза. Затем, вовлекая в забастовку солидарности все более широкие рабочие массы, превратить движение водников в общепролетарское выступление под лозунгом «свободы союзов», внося в него политический смысл борьбы за свободу коалиций. Стержнем всей этой борьбы стало бы упорное, твердо усвоенное, выношенное и выстра-

данное требование моряков и речников — допустить открытое существование их профессиональной организации.

Такую задачу — сделать экономическую забастовку судовых команд исходным моментом общерабочего политического выступления — сознательно ставили мы, руководители центра, никогда не выговаривая словами этой своей мысли, но упорно работая над подготовкой ее осуществления. Однако, хотя мы и молчали, все же всякий революционер и всякий охранник отлично понимали, что произойдет в обстановке повысившейся после ленского расстрела активности рабочих масс, если моряки и речники «ахнут» всеобщую забастовку.

Отсюда и дружная поддержка революционеров, отсюда же и жандармский обух и усиленная провокация «охранки».

Не был ли тот план простым «мечтанием» небольшой кучки интеллигентов? Он не был мечтательской затеей уже прежде всего потому, что нам удалось создать, действительно, массовую широкую подпольную организацию, с которой долго пришлось бороться защитникам царского трона. По настойчивости и упорству наносимых нам ударов мы видели, что нас принимают всерьез. Но до какой степени нашу организацию считали опасной враги, до какой степени наши широкие планы были реальны и вызывали огромный стратегический контр-удар со стороны всех органов власти царской России, об этом стало возможным судить только теперь.

Открывшиеся после Октябрьской революции архивы позволяют видеть, какая обширная система защиты готовилась в ожидании нашей атаки с Черного моря. Послушаем же непосредственного руководителя этой защиты жандармского полковника Заварзина, дающего в своих донесениях довольно точную картину как ведшейся нами работы, так и мер борьбы против «Заграничного центра» черноморцев и их газеты «Моряк».

Первое выступление его с донесением вышестоящим властям произошло сравнительно поздно — в сентябре 1912 года, в то время, как фактическое начало работы в Константинополе относится к ноябрю — декабрю 1911 года. Сообщение одесского жандармского главковерха о работе «Заграничного центра» моряков гласило следующее [1]:

«Имею честь сообщить нижеприведенный материал,

---

[1] Дается в извлечении. *М. А.*

имеющийся в моем распоряжении, о преступной организации, имеющейся в Союзе черноморских моряков, каковая, продолжая распространять свое влияние на команды судов Ропит[1], угрожает общественному порядку и безопасности в Одесском порту.

Добытые данные определяют, что группа лиц, сорганизовавшись в Константинополе, с ноября прошлого года начала вновь сформировывать «Союз черноморских моряков» и издавать подпольную газету «Моряк», вышедшую с января по август месяц с. г. в числе одиннадцати номеров. В этом органе союз, объявляя себя внепартийной, преследующей профессиональные интересы моряков, организацией, тем не менее, ведет противоправительственную пропаганду с призывом к ниспровержению существующего в империи государственного строя. А профессиональная работа свелась к организации общей забастовки судовых команд Черного моря, каковая намечена к проведению в 1913 году. Подготовительная к забастовке работа заключается в развитии и укреплении влияния союза в массе моряков, в ущерб авторитету командного состава на судах и в главном управлении. Это обстоятельство находит подтверждение в ряде статей «Моряка», в коих восхваляются проступки, дерзкие выходки и демонстративные выступления, связанные с нарушением дисциплины и порядка службы в море и на стоянках.

В союзе зарегистрированы команды 84 судов, приписанных к Одесскому порту, которые присылают в редакцию «Моряк» определенные денежные взносы, составляющие единственные средства союза, на которые содержатся пропагандисты, издается газета, нанимается конспиративная квартира, выдаются вспомоществования политическим арестованным и пр. Деньги собираются на пароходах совершенно открыто «выборными», зачастую с насилием и принуждением, затем передаются в комитет в редакцию «Моряка» под квитанции, в которых обозначены суда под особыми паролями, представляющими собою фамилии революционеров и названия судов, отмеченные в смутные дни исключительными злодеяниями.

Полковник Заварзин».

№ 101
4 сентября 1912 г.

---

[1] Рос. Общ. Парох. и Торговли.

№ 15
27 февраля 1913 г.

Директору департамента полиции[1].

«Доношу вашему превосходительству, что за последние два года ярко обозначилось значение морских революционных организаций в Константинополе и Александрии, со связями с Парижем, Веной, как настойчиво ведущих пропаганду среди моряков коммерческого и военного флотов и достигающих крупных результатов в деморализации судовых команд. Последние теперь и представляют собою массу, весьма чуткую к выступлениям даже при отсутствии местных стройных организаций, а лишь при наличии общего руководящего центра, при чем главари возможность этих результатов особенно учитывали, создавая на судах систему выборных, с их кандидатами. Постепенно работа означенных организаций расширяется и принимает более угрожающий характер. Так, пионеры этой революционной пропаганды положили лишь начало непосредственному сближению с моряками, посещавшими означенные порты, но они работали робко и замкнуто, а их преемники уже стали устраивать сходки, на коих велось планомерное, крайне революционное воздействие опытных пропагандистов на матросов и кочегаров как военных, так и коммерческих судов, и налаживать распространение литературы партии С.Р. и С.Д. с водворением значительных транспортов в центр империи.

Наконец в последнее время намечена еще более широкая, преступная деятельность, а именно объединение в один союз команд коммерческих судов всех морей империи, каковое началось с распространения на латышском и русском языках печатных прокламаций в портах Балтийского моря и с объединения центра «Союза черноморских моряков», находящегося в руках опытнейшего и настойчивого организатора Михаила Адамовича с Каспийской организацией, во главе с проживающим в Константинополе Петром Бастричевым (Миша машинист).

Изложенное положение заставило меня стремиться создать на коммерческих судах обстановку, лишающую возможности вести на них массовую пропаганду, в чем было оказано широкое содействие со стороны начальника порта *камер-юнкера Давыдова* и директора Ропита *А. К. Тим-*

[1] Печатается с сокращениями. *М. А.*

рота. Затем удалось добыть для дознания, к коему привлечено по 1 ч. 102 ст. уг. ул. 72 человека, ряд откровенных показаний и *подойти агентурой к центру морской организации,* что дало возможность в пределах Черного моря нанести ей жестокий удар.

Но, несмотря на принятые и непрерывно принимаемые меры, все-таки пришли к выводу, что, пока существуют благоприятные условия для организации в Константинополе и Александрии, до тех пор не будет уверенности в благополучии на морях империи.

Выходом из этого положения, можно полагать, является использование исключительных прав членов министерства иностранных дел в пределах Египта и Турции в отношении русских подданных, на предмет необходимого, быстрейшего, непрерывного и настойчивого воздействия на революционеров, проживающих там, и их задержания, в особенности уже привлеченных в качестве обвиняемых к дознанию Адамовича, Бастричева, Марка Торосова, и командирование туда летучих отрядов из Одессы с тем, чтобы пожелания Нач. ж. упр. г. Одессы в сфере преследования «Союза черноморских моряков и задержания его членов исполнялись бы заведывающими агентурой непосредственно и беззамедлительно.

Полковник Заварзин».

Эти два жандармских документа показывают очень хорошую осведомленность охранки в делах «Заграничного центра», и теперь это не может вызвать удивления. «Удалось подойти агентурой к самому центру морской организации»,— хвалится полковник Заварзин. Это значит, что провокатор сумел втиснуться в круг самых близких к делу активных работников «Моряка». Поэтому и изображение наших дел получилось у жендармского полковника довольно точное.

Нужно сделать всего лишь одну поправку относительно военных моряков. Организация наша в целом ставила своей задачей объединение только моряков коммерческого флота. Соединять ее работу с военными моряками было невозможно: мы подготавливали *забастовку,* как открытое выступление, а работа среди военных судов должна была бы привести к *организации восстания,* как единственно возможной конечной формы открытого выступления. Это была особая линия революционной работы, и ее нельзя было смешивать с тем, что делали мы. Такова была позиция нашего «Заграничного центра», как коллектива. Но это не

значило, конечно, что отдельные лица не могли вести работы среди военных моряков, выступая при этом не от имени нашего профессионального подпольного объединения, а в качестве членов той или другой революционной партийной организации. Они такую работу, действительно, вели. Непосредственным объектом этой работы были два стационера, бывшие в распоряжении русского консульства «Кубанец» и «Донец» и находившиеся в водах Босфора. Эта прямая работа с военными моряками велась через посредство связей, создавшихся на двух стационерах, затем через группу потемкинцев, осевших в Болгарии и Румынии, и через Одессу. Все эти нити вели к Севастополю. Но и помимо непосредственной работы самое существование подпольной организации торговых моряков, характер ее деятельности и регулярно, хотя и редко выходящий [1] «Моряк» оказывали громадное влияние на военных моряков и притягивали их, как магнитом. Все чаще стали поступать письма в редакцию «Моряка» из военного флота с просьбой взять под защиту интересы и этих узников царского правительства, загнанных в стальные казармы военных судов.

Любопытно проследить по нескольким примерам, как газета «Моряк» выполняла роль коллективного организатора не только коммерческих, но и военных моряков. Первыми подали свой голос, обращаясь к «Заграничному центру», потемкинцы, жившие в Галаце (в Румынии). 28-го октября 1912 года они прислали в редакцию «Моряка» такое письмо:

«Дорогие товарищи! Ваша газета «Моряк» разыскала и нас — потемкинцев. Горячо приветствуем начатое вами дело и напоминаем вам, что мы, потемкинцы, тоже моряки, но боролись мы не только за наши моряцкие нужды, а и за освобождение всего рабочего класса. Мы рвем ту вековую цепь, которая сковывает весь русский народ. Газету «Моряк» просим направлять по указанному адресу».

Несколько ранее (в июне) группа военных моряков — социал-демократов опубликовала в № 48 эсеровской военной газеты «За народ» письмо в редакцию, где приветствует газету «Моряк» и созданную ею организацию и призывает оказывать ей всяческую поддержку. В Александрии представитель «Заграничного центра» ведет пропаганду среди моряков зашедшего в порт крейсера «Олег». В Греции устанавливаются связи через секретаря Цент-

[1] Раз в месяц

рального Бюро заграничных групп содействия РСДРП (Чичерин) с канонерской лодкой «Уралец».

Идя навстречу этой тяге к «Моряку» товарищей с военных судов, мы открыли, наконец, на страницах нашего органа отдел корреспонденций из военного флота и стали печатать указатель литературы о движении в войсках.

Таким образом положение сложилось так, что — хотела этого или не хотела по своим первоначальным планам Константинопольская группа, — но фактически она превратилась в авторитетный идейный и отчасти организационный центр и для военных моряков, наряду со своей ролью бесспорного руководителя и организатора моряков коммерческого флота.

Это создавшееся в процессе работы положение ярко вскрылась, когда события в военном флоте в Севастополе вступили в критический период. Об этом говорит короткий, но сильный момент в жизни «Заграничного центра» моряков в Константинополе, проскользнувший мимо ушей заварзинских ищеек и провокаторов.

Как известно, в Севастополе весной 1912 года деятельно шла на военных судах подготовка к восстанию. Оно сорвалось, благодаря предательству одного из участников заговора, и выступление было предупреждено массовыми арестами среди команд военных судов. Но так как все ожидали совершенно иного, то первые слухи о событиях на севастопольском рейде разнеслись именно как о восстании, а не как о провале. На «Донце» и «Кубанце» беспроволочный телеграф принес извещение, что в Севастопольском порту что-то случилось. Команды стационеров решили, что Севастополь выступил в открытый мятеж, и стали думать о том, чтобы принять участие в деле. Возбужденные проникшими из стен консульских кабинетов смутными слухами, команды «Донца» и «Кубанца» прислали ко мне делегатов с предложением принять командование над канонерками, арестовать на них по наступлении темноты командный состав и с потушенными фонарями выйти той же ночью из Босфора в Севастополь в помощь восставшим.

Собранный мною «Заграничный центр», в составе надежнейших товарищей, решил предложение принять и, разделившись по два человека на канонерку, принять над ними команду и вести в Севастополь. До вечера оставалось несколько часов, и мы спешно принялись добывать револьверы. Однако, к вечеру получились наконец вполне достоверные сведения о происшедшем в Севастополе. Итти

канонеркам было не к кому и не зачем. Пережив несколько часов величайшего напряжения, мы вернулись к текущей работе так же внезапно, как внезапно были вырваны из нее ложными вестями, пришедшими из Севастополя.

Вполне понятно, что жандармы в Одессе спали и во сне видели, как бы сцапать руководителей константинопольской группы и заполучить их в свои руки. Надежды, которые они возлагали на судовую администрацию, не оправдались: для капитанов и их помощников был слишком явный риск— получить пулю в отместку за захват кого-нибудь из «Заграничного центра», и они поддерживали нейтралитет. К тому же и мы держались осторожно, в частности, я почти совершенно не появлялся на пароходах, вызывая этим даже иногда недовольство команд.

Но осторожность моя была далеко не излишней. Об этом свидетельствует и сам Заварзин, который, привлекши и меня и других товарищей к дознанию на бумаге, хотел видеть нас на скамье подсудимых и на деле. Для осуществления этой мечты ему и пришлось направлять из Одессы в Константинополь летучие отряды филеров. Но турки не желали, чтобы в их столице русские власти распоряжались, как у себя дома, и арестовать кого-либо из «заграничного центра» русскому консульству не удавалось: руки оказывались коротки даже и при наличии «летучих отрядов». Надо было пускаться на хитрость. Здесь-то и произошел случай, который без дружественого вмешательства военных моряков, случившихся на месте происшествия, оборвал бы нить моей работы в самом разгаре.

Совершенно не подозревая о подготовленном для меня коварном сюрпризе, я возвращался однажды из порта. Мысли мои были веселые, так как мне только что удалось провести сыщиков, вертевшихся у пароходов, и сдать порядочную партию литературы по назначению. Я шел, сам себя похваливая за ловкость. Погруженный в эти самодовольные мысли, я незаметно для себя оказался у самого русского консульства.

Здесь-то и стерегла меня ловушка.

Едва я поравнялся с дежурным матросом, охраняющим вход, как из ворот выскочило человек шесть штатских джентльменов. С криками: «хватай», «бери его» они понеслись на меня. Нападение было молниеносно, но еще молниеноснее я понял, что оно значит: расстояние между константинопольской улицей и акатуевской каторгой в один мо-

мент сократилось до трех аршин, лежавших в ту минуту между мною и территорией консульства.

Вспомнив американские кино-романы, я ударил наиболее ретивого, а потому и наиболее близкого ко мне агента по скуле, сделав ему в то же время подножку. Тщательно соблюдая американские правила, он кувыркнулся на землю, а я все по тем же классическим образцам перепрыгнул через него и всей тяжестью тела ударил грудью в плечо другого, воображая, что я—Белый Клык Джека Лондона и дерусь со стаей кровожадных собак. К сожалению, победоносное мое выступление на этом и кончилось, так как второй агент, хотя тоже свалился с ног, но не совсем потерял при этом сметку. Он ухватил меня за ногу и, крабом вцепившись в нее, вопил злым и обиженным голосом: «держите, бейте его, сукина сына». Это была с его стороны несомненно тактическая ошибка, так как меня надо было совсем не держать и не бить, а схватить и поскорее утащить во двор посольства. Но как раз он и мешал этому, крепко держась за мою ногу и бессмысленно волочась за мною по тротуару.

Упершись покрепче ногами в мостовую, я маневрировал телом среди облепивших меня молодцов, взывая мысленно к святым угодникам из турецкой полиции, которые по моим расчетам должны были немедленно спуститься на уличный шум с небес ближайшего каракола [1]. Ничего я не желал так страстно в эту минуту, как быть арестованным за уличную драку и уведенным в турецкий участок. Но высшие силы уже успели простереть свою длань надо мною: турецкую полицию как ветром смело, каракол оставался недосягаемой мечтой, а расстояние между нашей вертящейся и бурно конопащейся кучкой и консульскими воротами все уменьшалось. Собрались прохожие и смотрели, ничего не понимая, как с заглушенными криками возятся русские люди, а вопреки русскому обыкновению настоящей драки не получается. «Стой и борись», непрерывно стучала мысль в моем уже несколько потемневшем от напряжения сознании, и я продолжал упорно сопротивляться, хотя силы с каждой минутой слабели. Но вдруг из ворот консульства выбежал резерв — несколько военных матросов. С криками «хватай, бери его», — они ринулись к нам. При виде их безнадежность покрыла мраком мой дух и в ушах явственно раздался звон каторжных кандалов на ногах.

Чудовищная рука, как кольцо удава, поясом охватила

---

[1] Каракол — турецкий полицейский участок.

меня, и я почувствовал, что для этой руки все мое тело не тяжелее судового ведерка с водой. «Бери его», — рычал мне в ухо слоновый голос, подобно гудку парохода. Неожиданно, как будто попав на мертвый якорь, неуклонное продвижение моего тела к воротам вдруг застопорилось, зацепившись за эту могучую руку, и я даже подался немного назад. «Хватай его», — орали три зверских матросских физиономии, кидаясь с размаху прямо на спину вцепившихся сыщиков и своим напором сбивая наш комок еще немного назад от ворот. «Пусти его, наконец», — кричали агенты тому, кто продолжал судорожно цепляться внизу за мою ногу, считая его причиной задержки. «Пускай его, не пускай его», — вопили вслед за ними моряки, еще напирая и еще подвигая всю массу тел дальше от ворот к мостовой.

«Полиция идет. Бежим, хлопцы, а то будем ночевать в караколе», — вдруг взревел сжимавший меня сзади удав при виде кучки турецких солдат, спешивших к месту нашей драки. Руки разжались, чья-то свирепая физиономия, ухмыльнувшись вдруг, подмигнула мне. Сорвавшись обратно, подхватывая за плечи, подталкивая и увлекая за собою обалдевших от паники сыщиков, матросы бросились под ворота. Размахивая оставшимся, единственным, полуоторванным рукавом пиджака, я тоже пустился прочь, не справляясь о том, что думают обо всем этом кадре из кинофильмы сбежавшиеся турки, армяне и греки.

На этот раз я был спасен моряками, действовавшими под маской «врагов». Но у ворот консульства дано было серьезное предупреждение всей нашей маленькой группе.

Вскоре затем, в связи с начавшейся балканской войной, базу нашей работы пришлось перенести в Египет на берега Средиземного моря. Все товарищи разъехались по делам организации в разных направлениях. Я остался один и, переехав в Александрию, продолжал вести работу.

Потерпевши таким образом неудачу в неглупо задуманном похищении и оказавшись перед лицом упорно ведущейся подготовки забастовки моряков и их всероссийского объединения, одесская жандармерия переносит дело в центр. Там вопрос ставится во всю широту, с учетом всех перспектив, вытекающих из существования нашей подпольной моряцкой организации. Об этом говорит «выписка из журнала особого совещания по вопросу о мерах предупреждения забастовки судовых команд на Черном море» [1]:

---

[1] Печатается в сокращении. *М. А.*

«Заседание состоялось 30 марта 1913 года. На нем присутствовали: председатель совета министров, министр юстиции, министр внутренних дел, товарищ морского министра, товарищ министра торговли и промышленности, директор департамента полиции, одесский градоначальник и прокурор одесской судебной палаты.

Совещание нашло прежде всего необходимым с полною определенностью установить, что всякая забастовка на судах торгового флота и в портах, хотя бы она прикрывалась экономическими требованиями и не сопровождалась насилиями, *должна быть рассматриваема, как чрезвычайно опасное для интересов государственного порядка явление*, требующее самых решительных мер противодействия, ибо, не говоря уже о наносимом подобными забастовками огромном экономическом потрясении, они всегда стоят в теснейшем взаимодействии с подпольной деятельностью чисто революционных организаций, *так что грань между экономическими и политическими забастовками в таком случае совершенно стирается.*

По рассмотрении отдельных мер, какие надлежит принять в целях воспрепятствования готовящейся забастовке, совещание нашло:

1. *Первейшею в сем отношении задачей должно являться арестование главного руководителя означенного движения, проживающего в Александрии революционера Адамовича, и доставление его в Одессу.*

2. Для обеспечения выполнения сего командирам судов торгового флота должно быть предписано, в случае появления Адамовича на их судах, немедленно захватить его и привести в Одессу для передачи в распоряжение жандармских властей.

3. Вместе с тем, нужно принять, конечно, и всякие иные меры к арестованию названного лица и доставлению его в Одессу, ибо Адамович всячески будет избегать появляться на русские суда.

4. Вполне необходимо было бы признать, чтобы и консульские представители наши за границею оказывали должное содействие русским полицейским властям.

5. Совещание сочло весьма целесообразными ходатайства одесского градоначальника, обращенные к министру внутренних дел: *об усилении состава одесского жандармского управления одним офицером и 8-ю унтер-офицерами, а также о подкреплении розыскных средств названного управления.*

6. Председатель совета министров заявил, что им будет сделано по департаменту таможенных сборов подлежащее

распоряжение об *усилении таможенного досмотра пароходов* в видах предупреждения провоза политической контрабанды.

7. Вместе с тем особое совещание выслушало и одобрило к исполнению нижеследующие мероприятия, а именно: предложить владельцам пароходных предприятий: а) *завести на свой счет особую стражу с военной организацией, по типу жел. дор.*, б) *наметить кадр надежных матросов и кочегаров из людей, испытанных по прошлой службе*, в) *объявить теперь же, что матросы и другие судовые служащие, замеченные в принадлежности к неразрешаемым сообществам, будут увольняться и впредь на суда не приниматься* и г) производить наем судовых команд *не на судах, а непременно на берегу*, в определенных, указанных начальником порта, местах, с *обязательным сообщением портовой полиции фамилий* всех нанятых служащих, для наведения справок о политической благонадежности.

Вместе с тем совещание признало желательным ныне же проверить через местный жандармский надзор политическую благонадежность всех капитанов означенных пароходов и их помощников.

8. Вменить в обязанность капитанам коммерческих пароходов, а также заведующим складостроительными заводами, эллингами и других портовых предприятий иметь самое тщательное наблюдение за настроением подведомственных судовых команд и заводских рабочих.

9. Перевести при первой возможности управление портового участка на территорию порта, а пока хотя бы учредить там самостоятельное отделение участкового управления, *с отдельным при нем арестным помещением и специальным адресным столом*, в котором должны регистрироваться как служащие и живущие на территории порта, так и служащие на судах. Все регистрируемые в адресном столе должны быть проверяемы по архивам жандармского управления.

10. *Озаботиться расширением арестного помещения при портовом участке и заблаговременным приискиванием временных пловучих помещений на случай необходимости массовых арестов при возникновении беспорядков, как это практиковалось в подобных случаях раньше.*

11. *Составить теперь же подробный расчет потребного, на случай беспорядков и забастовок в порту, наряда войск и полиции, при чем эти наряды должны быть настолько сильны, чтобы могли не допустить насильственного освобождения задержанных.*

12. Просить начальника порта: составить теперь же наряды катеров, которые должны, при возникновении беспорядков, курсировать в гавани, обращая внимание на то, чтобы, кроме них, другого движения не было, чтобы к пароходам никаких лодок и катеров не приближалось и чтобы с них ничего на пароходы не передавалось.

13. *Обратиться при первых признаках возникновения забастовки к местным монархическим организациям с просьбой о подготовке из наиболее надежных и подходящих союзников особых кадров для замены бастующих команд* и портовых рабочих, при чем эти кадры должны быть охраняемы полицией от насилий со стороны бастующих и находиться в безопасных местах».

Как видим, в Петербурге к делу отнеслись серьезно и над мерами борьбы с забастовщиками подумали основательно.

Однако, на перечисленных мероприятиях дело не остановилось. В Александрии хозяйничала Англия, верховная власть находилась в руках лорда Китченера, и без его разрешения ничего нельзя было предпринять русским властям на территории Египта. Царское правительство через министерство иностранных дел предприняло шаги в Лондоне и добилось согласия на арест «Заграничного центра». Правда, им для этого пришлось прибегнуть к беззастенчивой лжи и обвинить руководителей морской организации, в особенности меня, в якобы совершенных в России уголовных преступлениях. Это была ложь беззастенчивая, но дипломатическая, т.-е. когда обе стороны знали, что это ложь, но делали вид, будто ей верят.

Спрашивается, почему Лондон пошел на эту сделку, которая неизбежно должна была вызвать неприятности для английского правительства в виде общественного протеста и в Англии, и в Египте, и в других странах. Дело объясняется просто: шел тринадцатый год. Столкновение европейских держав приближалось. Английские империалисты готовились воевать «до последнего русского солдата и до последнего французского франка». В счет будущих военных услуг русское правительство требовало небольшой, но неприятный авансик: ареста нескольких очень опасных для него людей, пребывающих под сенью «свободолюбивого» английского флага. Война — дело серьезное, и аванс пришлось выдать, сделав вид, что поверили в уголовную природу подлежащих аресту людей.

Вследствие такого рода дипломатической сделки,

в апреле 1913 года я был арестован на улице в Александрии начальником местной тайной полиции и водворен в тюрьму. Еще несколько ранее взят был другой товарищ, ведший некоторое время работу в Александрийском порту, когда «Заграничный центр» находился еще в Константинополе. Из тюрьмы я сделал попытку бежать, потерпел неудачу и был выдан в Россию. Чтобы пойманные птички не вырвались, были приняты чрезвычайные меры. О них рассказывает в своих донесениях все тот же полковник Заварзин:

11 июля 1913 года. № 81.

Директору департамента полиции.

«В результате соглашения с послом, консулом и нач. русских морских сил в Босфоре контр-адмир. Петровым-Чернышиным последовали следующие распоряжения:

1. Пароходу «Император Николай II» (он вез арестованных из Александрии), по приходе в Босфор, остановиться на рейде без подхода к пристани.

2. От роты 50-го пехотного Белостокского полка, находящегося на крейсере «Кагул», назначить для трех постов на пароход «Имп. Николай II» караул при одном офицере и 15 нижних чинах, считая на каждый пост по 2 лишних человека, имея в виду возможность заболевания части караула в непогоду.

Прибыв на крейсер «Кагул», я в присутствии адмирала дал подробную инструкцию ротному командиру и назначенному офицеру. По прибытии парохода «Имп. Николай II» я инструктировал нижних чинов Б. полка и лично распределил посты, разместив имеющихся при мне трех офицеров по сменам у трапа парохода с тем, чтобы ни одно подозрительное лицо не могло проникнуть на судно незамеченным.

Сопровождавший арестованных Михаила Адамовича, Мирского и Одоевского-Маслова чиновник вверенного мне управления Боветало доложил, что в пути происшествий не было никаких, жандармы несли службу исправно, арестованные держали себя спокойно и никакого волнения с приходом в Босфор не проявляли. Обойдя каюты и убедившись в правильности содержания арестованных, я подчинил жандармских унтер-офицеров офицеру, начальнику караула. Преподавши инструкцию о полной боевой готовности и порядке действия оружием в случае каких-либо насильственных выступлений, направленных к освобождению арестованных, я приказал г. Боветало сделать мне подробный доклад, из коего усматривается:

1. Что помещенный мною в Одессе в команду пар. «Имп. Николай II» сотрудник отметил, что выступлений со стороны команды парохода ожидать нельзя, но предварил, чтобы жандармы брали воду и пищу из крана и котла общего пользования, дабы предупредить возможность отравления.

2. Что Адамович пытался бежать из тюрьмы, но через 8 минут после побега был задержан. Столь быстрому его задержанию способствовало то, что Адамович, оступившись, повредил себе ногу. Был ли совершен побег Адамовичем вследствие небрежности тюремной стражи, допустившей его прогулку без усиленного конвоя у стены, которая ремонтировалась, или побег был организован извне, г. Боветало не знает, но предполагает, что организации не было.

Перед самым отходом пароход «Имп. Николай II» из Константинополя, адм. Петров-Чернышин спросил мое мнение — является ли необходимым конвоирование парохода военным судном, на что я доложил, принимая во внимание спокойствие команды и отсутствие подозрительных лиц на пароходе, что надобности в сопровождении не встречается. Это было адм. доложено послу и из Константинополя конвоир не назначался, но из Севастополя, навстречу нам, вышли два контрминоносца, которые сопровождали пароход до Одессы.

В Одессе арестованные под конвоем водворены в тюрьму, где я лично объяснил начальнику тюрьмы, какие необходимо, по моему мнению, принять меры для усиленной охраны и наблюдения за столь серьезными арестованными, каковыми являются Адамович и Мирский. Что же касается Одоевского-Маслова, то это лицо оказалось неизвестным жанд. управлению и передано при консульском пакете Одесскому градоначальнику»[1].

---

[1] В результате жандармских «операций» суду было предано свыше 70 человек по делу о нелегальном союзе моряков. Первая группа обвиняемых судилась 2—9 октября 1914 г. Одесский судебн. палатой: трое получили каторгу, 14 — ссылку в Сибирь, 38 чел. — крепость от 6 мес. до 2 лет и 15 — оправданы. Из трех арестованных в Александрии автор статьи, принадлежавший к главной группе обвиняемых, получил ссылку. Второй — анархист, тоже ушедший в ссылку и сидевший в тюрьме под именем Мирский Марионало, остался для жандармов неизвестным: его настоящую фамилию им не удалось установить. Третий, Маслов-Одоевский, «не представлявший интереса» для одесских жандармов, оказался провокатором, по материалам, обнаруженным в 1924/5 г. Он был арестован на советской службе. Дальнейшая его судьба не выяснена: по слухам, расстрелян. *М. А.*

А. Древен

СЕВАСТОПОЛЬ В 1907 г.[1]

1. Армия и флот под наблюдением охранки.

Настроение матросов и положение, создавшееся к началу года в Черноморском флоте, неплохо иллюстрируется количеством поданных матросами претензий на инспекторском смотру[2]. Из отчета вице-адмирала Сиденснера, инспектировавшего в 1907 г. Черноморский флот, узнаем, что из бывших в это время в Севастополе на берегу и на судах 6.879 матросов 2.043 заявили на смотру 5.337 претензии.

С конца января все чаще и чаще стали в казармах и около них обнаруживаться листовки, подпольные газеты «Солдат», «Военный Листок» и др.

В 28 флотском экипаже командир 3 роты (состоявшей из новобранцев) лично провел несколько контрреволюционных бесед. В результате один из новобранцев *П. Белоцерковский* вызвался узнать, кто именно приносит литературу. Через несколько дней Белоцерковский сообщил ротному комндиру о матросах: *Щеголеве, Скибачке, Кривощеине* и др., которые, по его словам, состояли в революционных организациях. Оказалось, что Щеголев приглашал Белоцерковского вступить в с.-д. организацию, а квартирмей-

---

[1] При составлении статьи использованы материалы Департамента полиции за 1907 г., Главного морского штаба, штаба Черноморского флота и Главного военно-судного управления. *А. Д.*

[2] Печатая настоящую статью, ввиду обилия в ней интересных фактических данных, заимствованных преимущественно из судебно-жандармских дел, редакция полагает, что приведенные материалы требуют сугубой проверки и критического сопоставления с действительными фактами — со стороны непосредственных участников и свидетелей событий.

Тем не менее, даже отнеся часть излагаемых фактов и «восстаний» за счет провокации и особой заинтересованности местных властей раздувать «события», — читатель должен учитывать крайний авантюризм и вспышкопускательство, характерные для «тактики» с.-р. партии в те годы. *Ред.*

стер *Макаров* звал его же к с.-р. и приглашал на собрание. Об этом было доложено адмиралу Скрыдлову, а в результате это стало известным севастопольскому жандармскому управлению.

Фельдфебель 28 флотского экипажа *Худолей* еще 11 февраля доложил командиру экипажа, что матрос Щеголев передал ему записку, а затем и устно предупредил о готовящемся восстании в 28 и 29 экипажах. «Позовите меня к себе, — читаем в записке Щеголева, — когда никого не будет в канцелярии, никого, — понимаете ли, — потому от этого грозит опасность. Все это мы поговорим с вами наедине, а вы уже тогда примите все меры предосторожности».

Допрошенный командиром экипажа Щеголев указал, как на «зачинщиков», следующих матросов: 28 флотского — *Заболотного, Жмуденко и Акимовича* и 29-го — машиниста *Лысенко*. С этими матросами, по показанию того же Щеголева, поддерживали связь матросы 28 флотского экипажа: *П. Мохов, Я. Сорокопут, А. Кудинов, Иван Гормашев, И. Байбоков, В. Кирисевич, Н. Вижев* и *Н. Линикин*.

Получив такие сведения, командир экипажа в тот же день перевел всех указанных Щеголевым матросов в камеру для поднадзорных и произвел осмотр их вещей. В сундуке *И. Жмуденко* была найдена записка следующего содержания: «28 экипажа. Это наши товарищи, которые уполне уверен и убедился у них. *Иван Жмуденко, Сергей Хлебников, Кузьма Форостов, Иван Павлов, Иван Щербаков, Иван Соловьев, Харитон Орленко, Иван Кошелев*»[1]. Скрыдлов, придавший всей этой истории большое значение, предложил жандармам срочно приступить к выявлению лиц, ведущих агитацию и пропаганду среди матросов. Адмирал передал жандармскому полковнику имеющиеся у него сведения о пропаганде мастера Никитина на броненосцах, где ему удалось распропагандировать несколько человек. Это совпадало со сведениями, полученными в жанд. управлении о подозрительном поведении (фамилии не были еще известны) шести боцманов с броненосцев «Ростислав», «Двенадцать Апостолов» и «Три Святителя». В тот же день, когда начальник севастопольского жандармского управления имел секретный разговор с главным командиром Черноморского флота, помощник первого получил агентур-

[1] Записка приводится с сохранением стиля. *А. Д.*

мые сведения, что мастер литейного цеха порта *Никитин*, живущий в 4-м участке на Корабельной стороне, раздает в порту прокламации и литературу, как-то: «Сказка о солдатской думе», «Письмо от русских крестьян царю Николаю» и программы партии с.-р.

Никитин, член комитета местной организации с.-р., действительно вел деятельную пропаганду среди матросов, распространяя литературу через рабочего литейной мастерской *Яковлева*. На квартире Никитина обыкновенно происходили сходки. Как раз в эти дни, 13 февраля, должно было состояться очередное собрание представителей от матросов, но оно не состоялось, так как пришло всего шесть человек. Уже после назначенного срока подошел еще фельдшер с пловучей тюрьмы. В виду этого собрание было перенесено на 15 февраля. Решено было к 4 часам собраться опять в квартире Никитина с тем, чтоб затем направиться к месту собрания, которое до последнего момента держалось в тайне. Как видно, опасались провала.

Сходка состоялась на Корабельной стороне в доме № 36. Собрание не было многолюдным. Присутствовали четыре матроса, в том числе и Щеголев, трое штатских, в том числе молодая девушка, хозяин квартиры, известный собравшимся под кличкой «Вася». Значительная роль во всем этом деле принадлежит матросу Щеголеву, настолько видно «чисто» действовавшему, что он ввел в заблуждение даже и Белоцерковского. За Никитиным было установлено наблюдение; все дело было поручено жандармскому полковнику Уранову, ведавшему политическим розыском в районе порта.

Произведенное следствие о матросах ничего не дало, и после письменного отказа того же Белоцерковского от своих прежних показаний, сделанных якобы в пьяном виде, дело *Скибачки, Коробки, Кривошеина* и др. было прекращено. Начато было еще одно дознание, затем также прекращенное, по обвинению в покушении на Белоцерковского. Также не особенно удачно шло следствие, связанное с Никитиным. Полковник Уранов проливает слезу, сетуя на невозможность приобрести в порту агентуру, так как она «на первых же порах обыкновенно проваливается». Матросов и рабочих порта Уранов считает сплошь революционерами и полагает, что они находятся «в постоянном весьма тесном общении, а со стороны высшего начальства никаких решительно мер к искоренению этого зла не принимается».

Сказать, чтобы местное военное и морское начальство

не боролось с революционным движением, конечно, нельзя. Аресты, переводы, обыски, даже розги пускаются в ход, чтобы искоренить «крамолу» во флоте и гарнизоне. 2 марта матрос *Е. Березнев* в присутствии всей камеры арестованных, где он содержался, был наказан 50 ударами розог «за нахальное поведение и слова...» Излюбленным делом являлись обыски. Однако, военные власти были бессильны предотвратить назревающие события. Собственно, и жандармы не были застрахованы от этого, несмотря на свою агентуру, откровенные показания и пр. Кто мог, например, предполагать, что квартирмейстер Бут, состоящий в штате управления Севастопольского арестного дома морского ведомства, окажется вдруг политически неблагонадежным, занимается передачей писем и исполнением поручений политических заключенных? Бут был разжалован в матросы и подлежал переводу в Керчь или Батум.

Известный уж нам Уранов сообщил 27 марта начальнику одесского охранного отделения в отношении флота, что «последний распропагандирован уже давно: все машинные команды на судах безусловно революционные, а равно и большинство матросов». Объясняет это жандармский полковник близостью порта и постоянными сношениями матросов с портовыми рабочими, которые, по его сведениям, «по крайней мере, на $^2/_3$ сознательные члены революционных партий». Другой причиной, официально объясняющей создавшееся во флоте положение, был слабый надзор со стороны офицеров, придерживающихся в большинстве, по мнению жандармов, правила «не выносить сора из избы». Это не давало возможности жандармам своевременно использовать «многие факты с политическим оттенком». По мнению жандармов флот находился в таком состоянии, что каждую минуту мог принять участие во всеобщем восстании.

Директору Департамента полиции положение в Черноморском флоте было освещено почти также: «флот находится в таком состоянии, что в любой удобный момент снова может восстать, но этого может и не случиться, если к тому подходящей обстановки не будет». Несколько иной была оценка гарнизона, который (в особенности полки) считался вполне благонадежным. Однако, здесь жандармы ошиблись.

В результате ареста 1-го апреля комитета военной организации с.-р. были обнаружены две сборные и явочные квартиры. В числе арестованных был и рабочий *Лепесин*,

старый революционер, состоящий хозяином одной из конспиративных квартир. Обыск дал около трех пудов военно-революционной литературы, один револьвер и две винтовки.

Усиленная деятельность охранки не давала возможности окрепнуть организации, при чем последней особенно большой вред наносила доморощенная агентура из особо благонадежных солдат. Недостаточность навыков конспирации и излишняя доверчивость сплошь и рядом влекли за собой разгром кружков и аресты уже распропагандированных солдат. Для примера приведем случай, имевший место в 50-м пехотном полку. Здесь один из уже распропагандированных солдат *Иванов* уговаривал, и даже неоднократно, некоего солдата *Василия Кузина* вступить в местный кружок. Выбор Иванова был весьма неудачен: Кузин немедленно обо всем доложил своему ротному и получил приказание вступить «для виду» в организацию. В конце февраля состоялось вступление Кузина, по рекомендации того же Иванова, в кружок. Шпион готов, и каждый шаг организации с этого дня известен как начальству, так и охранке. Жандармам стала известна квартира Лепесина, где собирался кружок. Выяснился и руководитель собраний, интеллигент под кличкой «художник», по всей вероятности, *Г. Екимкин*. Стал известен и состав кружка. Собрания посещали тюремный надзиратель *А. Лихачев*, получавший здесь прокламации и литературу для политических заключенных. Наиболее активными в кружке были *Иванов, М. Супрунов* и *Пауль*. По подсчету Супрунова в полку более ста сознательных солдат. 31 марта по поручению начальника севастопольского жандармского управления был произведен обыск в квартире *Г. Лепесина* на Новой слободке. В сарае было обнаружено 148 экземпляров № 11 «Военного Листка». Все лица были преданы Севастопольскому временному военному суду, который приговорил *Г. Лепесина, А. Лихачева* и *М. Супрунова* к четырем годам каторжных работ; *А. Лепессин, П. Сергеев* и *А. Пауль* получили по два года исправительного дома.

Разгромив военную организацию, жандармы готовились к тому же во флоте и в отдельных частях гарнизона. Насколько «опасны» были матросы, видно из распоряжения — не увольнять матросов на берег для прогулки в день открытия 2-й Государственной Думы. Тем же приказом были назначены из практического (учебного) отряда два патруля: один в дом старшего флагмана, а второй в квартиру начальника штаба. Все телеграммы и донесения

Скрыдлова полны опасения нового взрыва. В первых числах марта он сообщает в министерство: «были попытки возбудить команду подбрасыванием мучных червей в пищу частям; последнее время агитация в командах заметно усилена, настроение тревожное». В результате адмирал усиливает наблюдение, но дело срывается в виду громадного недостатка офицеров. Уже 13 марта Скрыдлов телеграфирует, что «положительно нельзя больше ждать, недостаточно офицеров и команды и главное — опасность пропаганды».

16 марта был произведен под руководством пристава Руднева тщательный обыск во всех помещениях морских казарм. Продолжавшийся рост пропаганды и недовольства среди матросов привел к тому, что 19 марта у главного командира состоялось совещание по вопросу об организации наблюдения за матросами, в целях предупреждения революционной пропаганды и возможности выступления матросов. Одним из решений совещания явилось предписание, касающееся вооружения новобранцев. Предлагалось, после приведения новобранцев к присяге, все ружья, принятые для их обучения, сдавать в порт.

Следующий месяц — апрель — не принес успокоения. По мнению начальника штаба, при всем наружном спокойствии, настроение команд не внушало доверия. По имеющимся у него агентурным сведениям, пропаганда усиленно продолжалась. В связи с попыткой 4 апреля совершить покушение на Скрыдлова, начальник гарнизона потребовал от штаба порта замены караула от машинной школы во дворце главного командира караулом с транспорта «Эриклик» или сухопутной части.

15-го апреля в Севастополе был арестован *С. Д. Булгаковский*, известный под кличкой «Угреватый», у которого при обыске обнаружили 3.100 рублей облигациями одного из банков и 6 паспортов. Подозрение на Булгаковского пало в связи с тем, что он посещал отставного лейтенанта *Б. И. Никитенко*, члена боевого отряда партии с.-р. Однако, Булгаковский и не интересовался Скрыдловым; находился он здесь для организации покушения на великого князя Николая Николаевича, который ожидался в Севастополе. До этого 10-го апреля Булгаковский организовал ограбление севастопольской почтовой конторы. Кроме Никитенко Булгаковский поддерживал связь с *Блонским*, у которого он был 14-го апреля, накануне ареста.

Все это создало нервность в среде местного высшего

начальства, с большим доверием начавшего относиться ко всяким случайным заявлениям. К такому сорту заявлений относятся и сведения о плане взрыва морского собрания, о подкопе под дворец главного командира.

В морском собрании, по агентурным сведениям, местная организация с.-р. имела среди прислуги своего человека. Последний должен был доставить адскую машину под видом каких-либо продуктов для кухни собрания.

Сведения о предполагаемом взрыве дворца были получены околоточным надзирателем Жировым «совершенно секретно» и «доверительно» от запасного матроса *Родионова*. По этим сведениям в 12 часов ночи 15-го мая должен был быть произведен взрыв. Родионов сообщил, что имеется подкоп, который идет из подвала дома против дворца и «рядом с домом Жандра» и который «ведется уже вторую неделю. 15-го мая с утренним поездом должны были привезти три адские машины для взрыва дворца. Родионов указал и участников предполагаемого покушения. Допрошенная Жировым жена Родионова Елена заявила, что на ее мужа пал жребий — немедленно убить смотрителя арестного дома морского ведомства капитана Гулидова. Дело запуталось, но, конечно, никакого подкопа не было. Таким образом, Родионов являлся предателем и ренегатом, если верить заявлению его жены.

В мае ожидалось восстание. На это еще в апреле указывал начальник одесской охранки. По этим сведениям план восстания был уже выработан: в назначенную ночь будут перебиты в частях все офицеры, захватывается оружие и арсеналы, арестовывается местная администрация; во флоте же для уничтожения офицерского состава решено было бросить бомбы в кают-компании во время обеда, когда все офицеры будут находиться в сборе. Сомнительно, что именно такой план был составлен. Бросается в глаза весьма существенное противоречие: восстание начинается ночью, а бомбу в кают-компанию бросают во время обеда, т.-е. днем. Не рассчитывали же составлявшие план восстания начать его без флота. Судя по всему, жандармам удалось узнать лишь часть плана, который они дополнили собственными измышлениями.

О том, что план восстания вообще существовал, убедительно говорит та попытка восстания, которая имела место в конце мая. Департамент полиции, обеспокоенный сообщениями, что флот попрежнему неблагонадежен и что готовится новая попытка поднять восстание, дал указание се-

вастопольскому жанд. упр. разгрузить город от революционных элементов.

Однако, список в 20 человек, представленный на утверждение Скрыдлову, уже как времен. генерал-губернатору, на предмет высылки из пределов Таврической губернии, получил утверждение только в отношении трех человек. Остальные 17-ть по распоряжению Скрыдлова были оставлены в городе.

По распоряжению министра внутренних дел из секретной суммы Департамента полиции было переведено Скрыдлову 5.000 рублей. Однако, это не помогло. Попрежнему лучшие сотрудники охранки систематически выводились из строя местной боевой дружиной. Террористические акты не прекращались. Террор в Севастополе в 1907 году начался покушением севастопольской летучей боевой дружины партии с.-р. на коменданта крепости генерал-лейтенанта Неплюева. Вечером 21 февраля в него была брошена бомба, однако, и на этот раз (это было уже второе покушение) [1] генерал отделался лишь контузией. Между тем боевая дружина отпечатала «извещение», где сообщалось об убийстве Неплюева. Вслед за этим в Ялте последовало покушение на известного Думбадзе. Неплюев, как и адмирал Чухнин, в свое время получил телеграмму от царя. Николай II искренне поздравлял генерала «со вторичным спасением от мерзостного покушения».

Только в нервной севастопольской обстановке, где постоянно пахло в воздухе порохом, возможен был случай, имевший место вечером 9-го февраля: «старший писарь канцелярии учебного отряда *Н. Голоднюк*, встретив на Доковой балке патруль Брестского полка, произвел в него выстрел из револьвера «без всякого повода», — читаем в официальном сообщении. Судьба Голоднюка, арестованного на месте, неизвестна. В 1907 году был убит, по подозрению в шпионстве, смотритель маяка Арцюхов. Убийство совершили боевики Корабельной стороны *С. Антипов* и *П. Мартынюк*. Участвовал в этом деле как-будто и *А. Л. Кобзев*. Кроме того были убиты: рабочий Демидов (теми же боевиками) и в бане на Корабельной стороне боевиком *Н. Богачевым* был убит урядник. Безрезультатно окончилось покушение боевиков *Н. Чеснокова* и *С. Антипова* на околоточного надзирателя севастопольской полиции Леонарда.

---

[1] Первое — 14 мая 1906 года.

Кроме постоянных волнений среди матросов, таковые в значительных размерах стали наблюдаться и среди портовых рабочих.

Еще 26 февраля рабочие плотничьей мастерской Лазаревского Адмиралтейства вывезли на тачке мастера Оппа и указателя меднокотельной мастерской Ярмоловича. Немедленно последовало распоряжение Скрыдлова: предложить рабочим, под угрозой увольнения, выдать зачинщиков. Конфликт разгорелся не на шутку. Начальство держалось на этот раз тверже обыкновенного. Угроза уволить из порта свыше трех тысяч рабочих становилась как будто не пустым звуком. Между тем, после упразднения в Севастополе коммерческого порта почти половина населения города существовала работой в порту.

Борьба с администрацией и ее ставленниками, шпионами и доносчиками, велась энергично. В течение 1906 г. рабочие организовали несколько покушений. Так был убит старейший охранитель порядка в адмиралтействе Комаровский, за «особые заслуги» назначенный надзирателем; несколько мастеров были избиты, третьих — вывозили на тачках и сбрасывали в мусорные ящики. В первых числах января 1907 г. были вывезены на тачках (интервал в два дня) указатели Васюков и Головенко, руководившие ремонтными работами на крейсере «Очаков» (после ноябрьского восстания 1905 года) и броненосце «Иоанн Златоуст». Началось следствие, и администрация объявила, что все рабочие (около 400 человек) не будут допущены к дальнейшей работе, если не выдадут зачинщиков. Отказавшись кого-либо выдать, рабочие встретили поддержку всего адмиралтейства, грозившего всеобщей забастовкой, и по обыкновению утром явились на работу. Угроза забастовки оказала свое действие, и начальство сочло тогда за лучшее забыть «историю». Однако, успокоение этим не было достигнуто, наоборот, движение усилилось: рабочие массы увидели слабость портового начальства.

Демонстративные вывозы мастеров на тачках не прекращались. История с Оппом и еще тремя указателями показала властям, что дело начинает принимать широкие размеры. Адмиралтейство было занято войсками. Началось дознание. В порту, в мастерских, конторах появились объявления, утвержденные Скрыдловым, где предлагалось мастеровым Лазаревского адмиралтейства к 12 часам дня 6 марта «объявить фамилии не менее 10 зачинщиков, вывозивших на тачке упомянутых лиц». (Говорится •

4-х указателях. *А. Др.)* Это требование сопровождалось угрозами: в случае не выдачи «зачинщиков», закрыть с 7 марта все мастерские порта и уволить всех рабочих на неопределенное время. 8 марта дополнительно было объявлено о закрытии с 20 марта мастерских. Это вызвало сильное волнение среди рабочих, принявшее настолько серьезный характер, что генерал-губернатор счел за лучшее изменить принятое решение. Прикрываясь тем, что рабочие, мол, теперь ведут себя спокойно (!?) и не желая карать ни в чем неповинные семьи рабочих (!?), Скрыдлов отдал новый приказ — закрыть только те две мастерские, где происходили инциденты с указателями. Опасаясь все же, в связи с предстоящим увольнением, нового выступления рабочих, начальник штаба порта, по распоряжению Скрыдлова, предписал 18 марта командиру транспорта «Эриклик» — наблюдать за пристанями Минного адмиралтейства и быть готовым к посылке матросов «для воспрепятствования высадке в это адмиралтейство мастеровых других адмиралтейств». Одновременно с 20 марта, по распоряжению главного командира, были усилены патрули в Аполлоновой балке и у моста через путь железной дороги у Владимирской площади. С этого же дня в Минном и Лазаревском адмиралтействах были расположены по роте. В дополнительной телеграмме Скрыдлова читаем: «предстоящее 20 марта закрытие порта чревато последствиями. Разрозненная деятельность жандармов приносит отрицательные результаты. Следует ожидать террористических актов. Город склонен [к] панике. Положение [в] войсках приподнятое. Население, как известно, крайне левое. Необходимы экстренные меры, сосредоточение розыскного и следственного дела [в] одних руках. Медлить преступно». Воспользовавшись создавшимся положением, адмирал просит министерство внутренних дел немедленно «провести просимые штаты и ассигновать авансом сумму приблизительно [в] двадцать тысяч на упорядочения полицейского дела».

Своей активной деятельностью среди портовых рабочих выделился ряд лиц, главным образом, те же портовые рабочие. Назовем некоторых: *Моисей Кривохиж*, с.-д. *П. Я. Могила*, высланный в марте 1907 года из пределов Севастопольского градоначальства, *И. А. Осадчий*, — тоже член местной с.-д. организации, агитировавший среди портовых рабочих и предлагавший не подчиняться требованиям администрации, доводя дело вплоть до открытого выступления. Непосредственное участие в вывозе мастеров на тачке

принял *Е. Н. Нессирио*, который по постановлению вр. Севастопольского генерал-губернатора от 19 марта был выслан из Севастополя. Не ожидая исполнения постановления, Нессирио скрылся, а затем самовольно вернулся и проживал в Севастополе.

Принял участие в агитации среди рабочих и *С. Ф. Лапшин*, являвшийся видным участником местного революционного движения.

Не рискуя особенно раздражать рабочих, возбуждение которых и так уже достигло «красной черты», власти весь свой удар, как мы уже знаем, сосредоточили на двух мастерских, где было около 250 человек. Увольнение состоялось 20 марта (наиболее активные были высланы из города в административном порядке еще 17—19 марта) и прошло внешне спокойно. Недостаточность руководства сказалась и здесь. При иных условиях портовые рабочие, наверное, смогли бы настоять на оставлении и этих 250 человек.

Вся эта история сыграла решающую роль в отношении самого Скрыдлова. Последним столичные круги вообще были не очень довольны: считали, что он, боясь революционеров, потакает им. В своем рапорте морскому министру от 24 марта Скрыдлов старается оправдать себя. Он указал на крайне неблагоприятную обстановку для внутреннего порядка береговой жизни морских команд, которую он застал в Севастополе. Дело было в том, что за неимением мест в арестном доме, около 500 матросов, участников ноябрьского и других восстаний, были помещены в морских казармах. Соседние казармы были заняты неблагонадежными матросами, списанными с кораблей. В этих же казармах пришлось разместить и новобранцев. Стараясь выгородить себя, Скрыдлов указывает, что, несмотря на все это, «при энергичной деятельности революционеров», дело не дошло до более или менее крупных выступлений, и просит наградить 79 офицеров. На них была возложена «довольно сложная работа, как то, — перечисляет Скрыдлов: 1) После похищения следственных дел о ноябрьских беспорядках — вторичное производство следствия по этому же делу, 2) переформирование экипажей, 3) прием и обучение новобранцев и 4) отправление неблагонадежных нижних чинов в сухопутные части». Как видим, три пункта полностью связаны с контрреволюционной деятельностью офицеров в Черноморском флоте и в частности в Севастополе.

Скрыдлова все же считали неподходящим для проведения полностью реакционных мероприятий правительства,

и на севастопольском горизонте появляется памятный «герой» Порт-Артура контр-адмирал Роберт Вирен. Прежде всего новый главный командир и генерал-губернатор Севастополя приказал своим подчиненным действовать прямо и без всяких стеснений. Обыски и аресты стали обыденным явлением и производились с удвоенной энергией. Полиция повела себя еще более свободно, чем до этого. Вирен ставит себе задачу — окончательно искоренить «крамолу» в Севастополе.

Одной из первых жертв непомерно ретивого адмирала явился арест известного доктора *Никонова*, старшего врача местной городской больницы, обвиняемого в принадлежности к партии эсеров. Вслед затем 15 апреля был произведен в квартире доктора *Архангельского* обыск, длившийся с часу ночи до семи утра. Жандармское управление получило во время обыска сведения, что все наиболее серьезные «материалы» находятся на даче Архангельского, и приказало жандармскому ротмистру срочно закончить обыск и отправиться на дачу. Обнаружены были типография, оружие, большое количество воззваний, литература. Поиски жандармов во главе с ротмистром Зеленко книги, по которой велась шифрованная переписка, увенчались на даче успехом. 8 мая по требованию полковника Уранова был произведен вторичный обыск в квартире Архангельского, но ничего существенного он не дал.

Были арестованы врачи *Потапов, Берлин, Флеров, Аргириди, Грабсйс* и др. Департамент полиции, придавший большое значение последним арестам, командировал в Севастополь для участия в расследовании этого дела поручика Пономарева и еще несколько жандармских офицеров. В Департаменте полиции, как видно, создалось представление, что Севастополь — главная революционная база по поставке оружия и боевых припасов для всей страны. Предполагали, что «оружие шло из-за границы через Турцию при посредстве служащих Русского общества пароходства и торговли, принявших участие в последних забастовках судовых команд в Одессе.»

Несмотря на провокацию, угрозы и репрессии, сыпавшиеся как из «рога изобилия», помощникам Вирена не удалось окончательно свести на-нет ревблюционную деятельность. Выступления не прекратились. В связи с этим особенно большое внимание было обращено на флот. 23 апреля последовало циркулярное распоряжение, утвержденное Виреном, о мерах «надзора за нижними чинами

на судах и охраны против распространения революционной агитации». Практически «мероприятия» в первую очередь вылились в уменьшении числа винтовок и патронов на судах. В связи с этим, вооружение отдельных судов флота приняло следующий вид:

	Колич. винтовок.	Количество патронов.
Линейн. корабль „Синоп“	50	По две пачки на ружье.
„ „ „Ростислав“	50	
„ „ „Три Святителя“	50	
„ „ „Пантелеймон“	60	
Крейсер „Память Меркурия“	50	
Линейн. корабль „Георгий Победоносец“	150	По шесть пачек на ружье.
Учебное судно „Днестр“	200	
Минный транспорт „Дунай“	30	По две пачки на ружье.
Канонерская лодка „Уралец“	30	
Транспорт „Кронштадт“	30	
На миноносец	4	По одной пачке на ружье.

Согласно распоряжения, винтовки подлежали хранению вблизи помещений офицерских кают «или где помещается караул, но не там, где живет команда». На «Днестре» оружие хранилось в кормовом кубрике учеников старшего класса минной школы. Револьверы должны были храниться под наблюдением старшего офицера в особых запирающихся шкафах или ящиках также вблизи офицерских кают.

Большое внимание было уделено вопросу о караулах. Последние надлежало составлять из «постоянных людей лучшего поведения и более известных судовому начальству».

Во всех отношениях характерно указание, по которому $^2/_3$ караула дополняется учениками строевых квартирмейстеров старшего класса и учениками-комендорами, т.-е. наименее революционными элементами флота. «Синоп» выставлял в караул младший выпуск квартирмейстеров, на «Днестре» постоянный караул — из учеников школы минеров. Насколько этому вопросу придавали значение, видно из последовавшего 9 июня 1907 г. распоряжения — извлечь из состава караульной команды не только тех нижних чинов, «кои следствием были обнаружены, как неблагонадежные, но также и тех, надежность которых была неизвестна командиру корабля и старшему офицеру».

Наступившее затишье было нарушено 3 июня четырьмя выстрелами из «нагана», которыми около Сухого дока был убит младший помощник командира порта полковник Гусаковский. Стрелявший *М. Г. Муха*, портовый полицейский, после покушения сам явился в помещение портовой полиции и сообщил о случившемся. Через шесть дней Муха был казнен. 5 июня двумя выстрелами ранен квартирмейстер Матуловский. Покушавшиеся (двое) скрылись; 9 июня убит боцман, 14-го двумя выстрелами из браунинга убит мастеровой Митин, подозреваемый в предательстве. Стрелявший скрылся. В ночь на 15-ое рабочий Адмиралтейства *Иван Ермоленко* бросил бомбу в помещение, занимаемое агентами охранки. Взрывом один агент убит, второй — тяжело ранен. Ермоленко, раненый при взрыве в бок и руку, был убит при преследовании. Вскоре были задержаны и два других участника покушения *Желяев* и *Бородин*. На следующий день 15-го из местной тюрьмы бежали 21 чел. из числа политических арестантов.

2. Побег из тюрьмы.

На этом великолепно продуманном и блестяще выполненном побеге остановимся несколько подробнее. Установив регулярные сношения с волей, группа политических решила бежать. План бегства был выработан совместно с находящимися на свободе и в деталях сообщен всем участникам побега. Инициатором побега был *Никита Кабанов*[1], приговоренный первоначально к смертной казни, которая была ему заменена долгосрочной каторгой. В числе исполнителей были следующие лица: член севастопольской с.-д. организации *П. Шиманский*, вышедший из с.-д. организации и примкнувший к группе анархистов-коммунистов *А-др Кишло, Николай Лукьянов* и *Гр. Кохман*. Общее руководство выполнением взрыва в стене тюрьмы было сосредоточено у приехавшего из Москвы студента межевого института *Константина Цитовича* и жены *Кабанова — Анны Михайловны*. Цитович привез из Москвы и деньги на организацию побега. Местом сбора группы являлась квартира *И. К. Полотая* по Очаковской ул., где собирались для совещания и где хранились револьверы. В день побега

[1] «Никита Кабанов», — известный деятель Октябрьской революции, впоследствии член Реввоенсовета Красной армии и работник Наркоминдела — *А. Антонов-Овсеенко;* в Севастополь прибыл для работы в соц.-дем. военной организации. *Ред.*

все собрались в квартире *Марии Керберген* и уже от нее по одиночке направились по своим местам для осуществления побега.

Время побега было точно установлено: 4 часа 30 мин. дня 15 июня. В это время готовящаяся к побегу группа кончала свою прогулку и возвращалась в камеры. Согласно плана нужно было произвести взрыв выходящей на переулок стены, от которой группа не должна была особенно удаляться. Как было условлено, так все и произошло. Урегулированный часовой механизм опоздал только на несколько секунд. После страшного грохота густой дым наполнил весь тюремный двор. Образовавшаяся в стене брешь была вполне достаточна, чтоб в нее пролезть. Стоящий у стены часовой был ранен из револьвера, оказавшегося у заключенных. Когда дым рассеялся и все прояснилось, оказалось, что все 21 политических уже убежали [1].

Немедленно было дано знать в полицию. Через несколько минут полным карьером прискакали драгуны и за ними донские казаки. Тюрьма была оцеплена. Начались энергичные поиски. При осмотре стены выяснилось, что к ее основанию была подложена адская машина. Массовый побег, адская машина у стены тюрьмы, револьверы на руках у бежавших, — все это наводило на мысль, что у беглецов были сообщники среди самой тюремной администрации или тюремной охраны — надзирателей. Впредь до выяснения их «личности», по распоряжению прибывшего градоначальника были арестованы начальник тюрьмы Анисимов, один надзиратель и фельдшер тюремной больницы. Через час вернулись драгуны и донцы и привели с собой человека, задержанного недалеко от тюрьмы и заподозренного, как одного из организаторов взрыва. Никого больше не смогли найти кавалеристы. Градоначальник предписал полиции производить поиски всю ночь. До 3-х часов ночи в разных местах Севастополя производились обыски. Только в 3-ем часу ночи на горке по Корабельному спуску в Татарской слободке был обнаружен один из беглецов, но и он не пожелал сдаться и застрелился. К сожалению, нам неизвестно его имя. Остальные двадцать благопо-

---

[1] В числе бежавших были: *Кабанов* и *Мельников*, которым смертная казнь была заменена бессрочной каторгой; *Литвиченко*, обвиняемый в покушении на Думбадзе, *Макаров* — по обвинению в покушении на генер. Неплюева; *Поденко, Цимбал, Авраменко, Облачин* и *Корень*, анархисты — *Ушаков, Иванов* и др., обвиняющиеся в экспроприациях *Голленштен* и *Гейман*.

лучно скрылись. При обыске в камерах бежавших были найдены патроны и обоймы к ним [1].

Не успели еще севастопольские власти опомниться от побега политических, как боевая дружина совместно с анархистами-коммунистами устроила на Корабельной стороне западню, в которую 19 июля попали и погибли от взрыва пристав, жандармский вахмистр и околоточный надзиратель. Этим воспользовался контр-адмирал Вирен и обвинил портовых рабочих в организации покушения. В специальном объявлении адмирал предлагал рабочим одуматься и объявил, что «если и впредь рабочие будут принимать участие в терроре, то он закроет мастерские и вышлет их этапом». Вирен продолжал систему Скрыдлова, который также действовал на рабочих угрозой выбросить их и их семьи на улицу. Поскольку вопрос этот не разрешался, Вирен применяет и более решительные меры — высылки и арест.

3. Опять Тендра.

Уже со второй половины мая в Севастополе, незадолго до ухода практической эскадры на Тендру, стали распространяться слухи, что как только на суда будут выданы заряды и снаряды, начнется «восстание», все офицеры будут перебиты и т. д. Командир броненосца «Три Святителя» получил анонимное письмо, в котором автор обращался к нему с просьбой пожалеть офицеров и кондукторов и не итти на Тендру. По агентурным сведениям на матросских гуляньях в Аполлоновой балке из толпы иногда раздавались крики: «Тендра себя покажет, Тендра себя оправдает». Среди матросов замечалось брожение. Заметно энергичнее становятся действия уже распропагандированных матросов. На броненосце «Синоп» в правой носовой кочегарке по ночам стали систематически происходить собрания матросов, по преимуществу кочегаров и машинистов. Собрания эти начинались после полуночи, присутствовало на них иногда до 40 человек. Собраниями на «Синопе» главным образом руководили кочегарные квартирмейстеры *Ковалев* и *Воробьев*. Последние выдвинули и самый план восстания в Тендре. Согласно плана, группа матросов

---

[1] Адская машина хранилась на квартире *А. Л. Кобзева*. По его словам, он доставлял в организацию динамит и другие взрывчатые вещества, которые похищал, работая при подъеме затонувшего с взрывчатыми веществами транспорта «Буг».

в 30—40 человек должна была заняться офицерами и выкинуть их за борт, в это время остальные матросы захватывают пирамиды с ружьями и бьют «сверхсрочно служащих», если бы они оказали сопротивление. Ковалев и Воробьев считали, что команды броненосцев «Пантелеймон» и «Три Святителя» готовы присоединиться, указывали, что имеется связь с комитетом севастопольской организации партии с.-р., где им сообщили, что в Севастополе также все готово к восстанию. Кроме указанных двух матросов, чаще других в качестве докладчиков на этих собраниях выступали кочегары *С. Гамов, П. Олдырев, С. Умеренко* и кочегарный квартирмейстер *Х. Дюльдин.* Из активных можно указать: *И. Целлера, С. Остапенко, А. Блинова, Л. Спирина, М. Авралева,* минера *Ходченко* и матроса *Д. Прищепа.* За все время не было ни одного случая доноса со стороны матросов, не входивших в организацию, но знающих об ее существовании. Начальство ничего не знало. На броненосце «Три Святителя» команду подготавливал к восстанию *Ляш,* который уже на Тендре вместе с *Борисовым, Антоновым, Айбуком* и *Фроловым* составили судовой комитет, взявший затем на себя главное руководство движением и назначивший состоящих в организации матросов в боевую дружину.

22 мая эскадра, состоящая из четырех броненосцев «Пантелеймона», «Ростислава», «Трех Святителей» и «Синопа» и других более мелких судов, снялась с якоря и вышла из Севастополя в Тендровский залив для практических занятий. Переход был совершен вполне благополучно, настроение команд на всех судах, повидимому, было вполне спокойное.

25 мая по случаю праздника матросы (очередные отделения) со всех судов были спущены на берег на Тендровскую косу. Лейтенант Пущин, назначенный для наблюдения за командой с броненосца «Синоп», обратил внимание, что среди матросов, желавших на этот раз съехать на берег, было большое число машинных квартирмейстеров, обыкновенно не съезжавших на берег в таких пустынных местах, как Тендра.

Во время обхода ближайших мест на берегу, лейтенант Пущин, подойдя к баркасу, где помещалась станция радиотелеграфа[1], заметил внутри барака значительное число

---

[1] Радио-телеграф в русском флоте известен еще с конца 90-х годов, после работ проф. А. С. Попова. *Ред.*

матросов. Через окно он увидел, что часть из них крутила колеса, приводящие в действие мотор, другая часть работала около самого аппарата, остальные стояли между ними. Когда лейтенант вошел и спросил матросов, что они делают и куда телеграфируют, один из матросов ответил что-то несообразное, а присутствовавший линейный квартирмейстер сказал, что телеграф испорчен и они его исправляют. Лейтенант натолкнулся здесь на собрание с весьма оригинальной конспирацией, о котором и донес своему командиру. Тогда же на Тендре состоялся митинг, на котором присутствовала часть отпущенных на берег матросов. Все выступления на митинге касались организации общего вооруженного восстания на всех судах отряда, при чем выяснилось, что кроме «Синопа» к восстанию готова и команда «Трех Святителей». Что же касается «Пантелеймона» и «Ростислава», то оказалось, что команды этих броненосцев не особенно сочувствовали плану восстания.

На другой день рано утром один из матросов «Синопа» доложил лейтенанту Чайковскому, и. д. старшего офицера, о состоявшейся на берегу сходке и решении поднять восстание. Обходя затем палубы корабля, лейтенант Чайковский обратил внимание на то, что машинная и кочегарная команды собирались кучками, которые расходились при его приближении. Одновременно и старший боцман Сероус-Музыка доложил ему, что, обходя палубы, он застал в правом машинном коридоре около 30 машинистов, которые о чем-то говорили и прекратили разговор, когда он подошел к ним. Старший боцман еще не знал, что в это время здесь обсуждался план предстоящего восстания. Около 8 часов утра и. д. старшего офицера спустился в сухарное отделение и, пройдя через левый машинный и кочегарный коридоры, попал в правый коридор, в котором на уборке никого не было. Кочегаров лейтенант Чайковский нашел в помповом отделении, где они сидели без дела.

В 12 час. дня на «Синоп» прибыла в баню команда контр-миноносца «Звонкий». Машинисты *Спирин* и *Свиргун* спросили прибывших: «как у вас?». На что получили ответ — «у нас все трусы». На это Сирин или Свиргун сказал им: «а у нас строевая — сволочь». Утром 27-го мая два квартирмейстера вновь доложили старшему боцману, что комитет спешит с восстанием, пока «Синоп» не снялся с якоря и пока начальству еще ничего неизвестно. В этот день настроение и поведение матросов «Синопа» резко бросалось в глаза: матросы собирались большими группами и

о чем-то совещались между собою. Особенно ярко выразилось настроение матросов утром к завтраку. Команде была приготовлена уха из пойманной ею же рыбы. Между тем около камбуза столпились матросы, запрещавшие другим брать уху. Многие из машинистов и кочегаров, взяв уху, тут же выливали ее за борт. Особенно при этом выделялся горнист *Кравцов*, кричавший, что разобьет баком голову тому, кто осмелится брать уху. Нужен был повод, чтобы перейти в открытое восстание, но организовавшаяся часть не решалась это сделать, зная, что большинство команды броненосца было против или относилось безразлично к восстанию. Опорой начальству являлись ученики, строевые-квартирмейстеры и строевая команда «Синопа», почти не поддававшиеся никакой пропаганде. Учтя опасность настроения команды, командир «Синопа» капитан I ранга Мязговский поехал к адмиралу и доложил о волнениях, происходящих на корабле. По распоряжению адмирала Цивинского «Синоп» должен был немедленно сняться с якоря и итти в Севастополь.

Когда на «Синопе» стало известно, что отдан приказ итти в Севастополь, настроение машинной и кочегарной команд упало. Некоторые из них, главным образом, члены комитета — кочегарные квартирмейстеры *Ковалев, Воробьев, Дюльдин* и кочегары *Остапенко, Умеренко, Гамов* и *Олдырев* — приложили все усилия, чтобы помешать «Синопу» сняться с якоря. Однако, их призыв «отойдите от котлов», «не зажигайте котлов»—не произвел никакого впечатления. Тут имела значение сформированная на корабле боевая рота из учеников строевых-квартирмейстеров и расставленные повсюду часовые из вполне надежных людей. Осталась надежда на выступление «Трех Святителей», который не даст уйти «Синопу».

Между тем на «Трех Святителях» произошло следующее. На другой день после митинга *С. Ляш* стал уже более энергично призывать матросов к восстанию. 27 мая во время собрания команды на баке и скардеке (продолжалось с 8 до 10 часов вечера) он вновь повторил свой призыв совместно с *Борисовым, Антоновым, Айбуком* и *Фроловым* — убить офицеров и захватить корабль. После этого собрания для руководства восстанием составился судовой комитет во главе с Ляшем и была сформирована боевая дружина. В числе активных и революционных матросов броненосца были: *Спрыгин, Кандыба, Кондашев, Макаревич, Филатов, Торгев-Шебашев, Евтухов, Гаврилов, Иванов,*

Москаленко и *Власюк*. Последние три еще в Севастополе занимались агитацией за восстание, при чем Москаленко читал матросам революционные прокламации.

Благодаря принятым офицерами мерам восстание не удалось, и на «Трех Святителях» также ничего не вышло. Вот как описывал события в Тендре матрос «Пантелеймона» Н. Новиков, не предполагавший, конечно, что письмо попадет в руки полиции, и потому писавший весьма откровенно. Там встречаем такое место: «Не обошлось и без «очередного» бунта, на этот раз на «Синопе». «Синоп», — читаем дальше, — должен был итти в Севастополь с какой-то комиссией. В день ухода было замечено какое-то волнение среди команды, при чем утверждают, что с «Синопа» семафорили на «Три Святителя», на котором тоже предполагался бунт: «помешайте нам сняться с якоря». Дальше Новиков отмечает отказ команды разводить пары. «Однако, — пишет он, — я думаю, что это были отдельные заявления, ибо никаких проявлений бунта на самой «Тендре» не было».

В итоге план был нарушен, и «Синоп» беспрепятственно снялся с якоря. План произвести восстание по дороге в Севастополь также не представилось возможным осуществить, в виду мер, принятых командным составом (была попытка занять рубку). Странным кажется и план восстания во время молитвы, когда имелся ряд более подходящих моментов в течение ночи. 28 мая «Синоп» благополучно прибыл в Севастополь, где матросы, подготовлявшие восстание, были выданы командой и арестованы. По показаниям офицеров «Синопа», «бунт был ужасно серьезный и они проявили массу геройства и храбрости», хотя известно, что они выходили наверх не иначе, как под конвоем унтер-офицеров с ружьями. Офицеры всю последнюю ночь не смыкали глаз, сидя вооруженными в кают-компании, при чем все время депутаты от спокойной части команды докладывали о положении дел. Уже к 1-му июня с «Синопа» было списано и помещено в арестный дом 36 чел.

В виду брожения на всех больших плавающих кораблях и необходимости снять с них неблагонадежных матросов, Вирен отдал распоряжение начальнику практического отряда — прислать в Севастополь каждый броненосец в отдельности, через известный промежуток времени. Здесь матросов ждали аресты и следствие. Разобщение команд и на этот раз оказало помощь начальству. Вирен в своей телеграмме в Петербург 30 мая прямо так и сообщает:

«Сегодня прибыл «Три Святителя» для производства на нем следствия и выделения виновных, что произведу на каждом из судов по очереди». На «Трех Святителях» были арестованы 11 матросов. Познакомившись с материалом, помощник начальника севастопольского ж. у. шифром сообщал 20 мая директору Департамента полиции: «Зачинщики мне и властям уже известны. Должен доложить, что флот и порт мало надежны, пока спокойно». Через день, получив, как видно, новые сведения по «Тендре», жандармское управление телеграфирует: «Во флоте сильное брожение, можно ждать каждую минуту вооруженного восстания, меры предупреждения приняты, все начальство в известности». В этот же день севастопольское ж. у. в свою очередь получило телеграфное предписание Департамента полиции — принять самые быстрые и решительные меры к предупреждению беспорядков во флоте. «Направьте свои, — читаем в телеграмме, — и всего управления усилия к немедленному изъятию главарей движения». Того же 30 мая были получены в Севастополе на имя Вирена и севастопольского градоначальника телеграммы от министра внутренних дел Столыпина, который в первой просил, а во второй требовал «самых энергичных действий без всяких послаблений».

Между тем следствие установило существование совместного плана восстания флота и севастопольской крепостной артиллерии. Восстание должно было начаться 1-го июня, одновременно с выступлением артиллеристов. В числе арестованных было 5 человек с «Ростислава», также за подготовку восстания. На «Ростиславе», еще во время пребывания его в Севастополе, матросы *Левченко, Чугуринин* и *Шаповалов* занимались агитацией, предлагая — как только броненосец выйдет в море — выбросить офицеров за борт и соединиться с армией. После ухода «Синопа» и «Трех Святителей» на «Тендре» остался в числе других судов и «Ростислав». Здесь 5 июня после обеда под башней десяти-дюймового орудия те же три матроса стали обсуждать план восстания. Левченко вновь предложил перебить офицеров в то время, когда они выйдут к подъему или спуску флага или во время обеда, — Чугуринин предлагал напасть на офицеров ночью, а Шаповалов, говоря о роспуске Государственной Думы, предлагал напасть на офицеров с помощью «береговых людей».

Однако, и здесь дальше самого обсуждения плана восстания дело не пошло, а его инициаторы были арестованы.

Вслед за этим и на «Пантелеймоне» было арестовано шесть матросов.

Правительственные круги были весьма обеспокоены событиями в Севастополе. Это беспокойство отразилось и в Департаменте полиции, директор которого 1 июня предложил начальнику севастопольского ж. у. войти немедленно в соглашение с морским и военным начальством о допущении жандармских офицеров к следствию. Это распоряжение находилось в связи еще и с тем, что департамент, извещенный о даче некоторыми матросами откровенных показаний, опасался, что военно-морские следователи не справятся с этого рода материалом, и поэтому решил сам взяться за дело. «Посвятите этим опросам, — читаем в распоряжении, — все время для выяснения посторонних агитаторов, которых немедленно арестовывайте». Лопухин, директор Д-та полиции, даже обратился с просьбой (от имени министра внутренних дел) к командующему Одесским военным округом генералу Каульбарсу — усилить гарнизон в Севастополе.

На телеграмме севастопольского градоначальника Моренштильда, что «последние волнения морских команд очень встревожили население, пропаганда революционных агитаторов усиливается, настроение повышено», — Столыпин надписывает: «так оставить там нельзя. Нужны усиленные ликвидации. Запросить Вирена, не нужно ли прибавки войск». Вирен в своем ответе признал безусловно необходимым (в виду топографии окрестностей Севастополя, позволяющей укрываться) усилить кавалерию присылкою казаков или драгун; присылку же пехоты адмирал считал преждевременной.

Желая парализовать влияние, которое революционные организации имели на матросов, главный командир 5 июня, в связи с роспуском 2-ой Государственной Думы, дал распоряжение — объявить матросам и солдатам манифест о роспуске Думе (состав каковой «не оправдал ожидания его величества») — ранее, чем успели бы его использовать по своему революционеры.

Уже 6 июня Вирен смог протелеграфировать Столыпину, что следствие заканчивается. Участие крепостной артиллерии в предполагаемом восстании следствием не было доказано. В виду переполнения гражданской тюрьмы (вдвое больше нормы) и отсутствия в крепости и городе готового здания для помещения арестованных, Вирен распорядился — перевести 80 арестованных матросов на транспорт

«Прут». 14 июня следствие было закончено. В качестве обвиняемых были привлечены 21 матрос с «Синопа», 15 с «Трех Святителей» и 4 с «Ростислава».

Военно-морской суд, в составе председателя полковника Кетрица и временных членов — Бергеля, Уклонского, Колондса и Шельтинга — открылся 26 июня во временном помещении военно-морского суда в Лазаревских казармах. Приняты были особо строгие меры по охране здания суда. Между прочим, матросов-свидетелей не выпускали до окончания заседания суда, во время перерывов они оставались в здании суда, где и столовались. Через четыре дня суд признал виновными всех, за исключением *И. Кондрашева*. По приговору суда: *Ковалев, Воробьев, Дюльдин, Целлер, Остапенко, Ольдырев, Чугуринин, Аврамов, Пахомов, Вознесенский, Борисов, Антонов, Фролов, Спрыгин, Левченко, Ляш, Москаленко*, как «подстрекатели», были приговорены к смертной казни «через расстреляние». Однако, затем тот же суд уменьшил наказание каждому из 17-ти и приговорил к каторжным работам без срока: *Ковалева, Воробьева, Дюльдина, Целлера, Остапенко, Авралева, Пахомова, Ляша, Барисова и Спрыгина*, на 18 лет, Фролова и остальных — на 15 лет каждого. *Прищепа, Блинов, Спирин, Кандыба, Шаповалов* и *Иощенко* были приговорены каждый к каторжным работам на 12 лет; *Гамов, Умеренко, Свиргун, Власюк* и *Филатов* получили десять лет; *Семенов* — 8 лет; *Безруков, Науменко, Акулов, Макаревич* и *Айбук* — шесть лет; *Ходченко, Иванов, Торсев, Евнухов* и *Гаврилов* — четыре года; горнист *Кравцев* отдан в исправительные арестантские отделения на пять лет, а по отбытию срока наказания — еще на 4 года под надзор местной полиции.

Итого 288 лет каторги (не считая 10 бессрочных и Кравцова), хотя «восстание по независящим от них причинам не произошло и никто из подготовляемых из повиновения не вышел», читаем в приговоре. Вырвать с корнем революционное движение, вот задача, поставленная Виреном и проводимая в жизнь севастопольским военно-морским судом.

В середине июня начальник одесского охранного отделения сообщил в Департамент полиции, что «в настоящее время происходит совещание партии с.-р. по поводу подготовки вновь общего восстания». Немедленно от директора Д-та полиции последовало распоряжение направить все силы внутренней агентуры к полному и всестороннему выяснению

лиц, ведущих пропаганду и агитацию среди солдат и матросов. «Беззамедлительно ликвидируйте, постоянно ставя в известность, — читаем в распоряжении департамента от 20 июня, — обо всем военные власти, путем словесных докладов барону Каульбарсу и телеграмм адмиралу Вирену».

Однако, этим не ограничились выступления в 1907 году матросов действующего Черноморского флота. Указывает на это и целый ряд приговоров севастопольского военно-морского суда. Приведем некоторые наиболее интересные. В феврале за хранение прокламаций николаевского комитета партии с.-р., матрос *М. В. Литвак* приговаривается к 3 месяцам военно-исправительной тюрьмы, с переводом в штрафные. Постановлением суда от 4 сентября по делу о революционных организациях в экипажах на «Пантелеймоне», ряд матросов за распространение революционной литературы («За Народ», «Военный листок» и др.) и подготовку восстания были приговорены к каторжным работам, в том числе кочегар Федор *Судоргин* на 8 лет, матросы: Алексей *Уколов*, Иван *Лобачев* и Петр *Горбунов* — на 6 лет каждый и Гр. *Иванов* на поселение. При пересмотре дела 4 декабря *Уколов*, *Лобачев* и *Горбунов* были оправданы. Кочегар Стефан *Водолажский*, хранивший у себя в казарме прокламации, получил 1 год и 6 мес. дисциплинарного батальона.

Этот год был богат политическими процессами матросов — участников восстаний 1905—06 гг. Матросы судятся по одиночке и целыми группами. 9 лет каторги получил минер *К. С. Семернин*, в ночь на 16 августа 1906 г. совместно с матросом *Колбаса* (ставшим затем предателем и изъявившим даже желание работать в полиции) похитивший с миноносца «Зоркий» 2 пулемета и 4 винтовки. Арестованный на берегу в апреле, матрос Антон *Брюзгин* за агитацию на броненосце «Три Святителя», во время июньского восстания артиллеристов (1906 г.), было приговорен на 1 год в исправительные арестантские отделения. В декабре (19-го) был задержан матрос «Днестра» *И. И. Выскубов*, принявший активное участие на своем корабле во время ноябрьского восстания: стоял часовым у поднятого на корабле красного флага и т. д. 24-го мая 1908 г. Выскубов был приговорен на 4 года арестантских отделений с дополнительным четырехлетним полицейским надзором.

В декабре состоялся суд над группой матросов с «Потемкина Таврического». Приговорены были к каторге:

матрос *Бредихин* на 15 лет, комендор *Чиченков* на 12 лет и 6 месяцев. Из остальных — комендоры *Д. Е. Уваров, Ф. И. Гробанчук* (он же Захарчук), *И. М. Ленин*, кочегары *М. А. Мальнев* и *А. П. Ежиков*, гальванер *Ф. М. Краснихин* и матросы — *Д. Ф. Прищик, В. М. Шапошников, Ф. А. Ребров, В. А. Ильин, Е. Е. Свирсков, П. А. Шумейко, Н. И. Ситько, Д. Д. Фишер, К. А. Соловьев* и *И. Ф. Благой* — первые три на 3 года в исправительные арестантские отделения, Благой на 1 год и 6 месяцев, а остальные — каждый на 2 года в те же арестантские отделения. Из этой группы выделяется Бредихин [1]. Будучи уже в арестном доме, он занялся пропагандой среди своих товарищей по камере и среди караульных, выбрасывал из окна своей камеры на двор прокламации.

Весь 1907 г. не прекращались процессы матросов с бывшего «Потемкина», вернувшихся добровольно в Россию. Приятной вестью для севастопольского начальства явился арест 3 августа в Николаеве руководителя восстания на «Потемкине» Афанасия *Матюшенко*. За крепчайшим караулом «красный командир» был доставлен в Одессу, откуда в срочном порядке был отправлен для суда в Севастополь. Здесь Матюшенко был помещен в одной из специально устроенных камер в казармах 34 флотского экипажа. Несколько позже в эту же камеру был заключен и матрос *Заулошнов*, активный участник как потемкинского, так и ноябрьского восстания 1905 года. Надежды на спасение Матюшенко оказались напрасными. «Высочайший» указ от 21 октября 1905 г., по которому осужденным к смертной казни до 17 октября 1905 г. казнь заменялась каторгой, конечно, не был применен к Матюшенко. Чересчур уж ненавистен был он офицерству и властям. По приговору суда, утвержденному контр-адмиралом Виреном, Матюшенко был повешен.

Майские и июньские события заставили местных жандармов готовиться к полной ликвидации севастопольских революционных организаций. Первого июля начальник севастопольского охранного отделения сообщил местной полиции, что в 4 часа дня близ Инкермана должна состояться сходка. Вследствие этого наряд полиции, усиленный ротой 49-го Брестского полка и эскадроном драгун, оцепил так называемую «Третью балку», где действительно были задержаны 55 человек начавшие разбегаться при приближении

[1] По румынскому паспорту Василий Динга. *А. Д.*

полиции и солдат. В кустах, при обыске, были найдены несколько номеров газеты «За народ» и другие революционные издания. Обыск самих арестованных ничего не дал. В числе арестованных оказалось 10 военных — 9 матросов и ефрейтор крепостной минной роты *И. Е. Лошукаев*. Арестованные матросы оказались: *Н. П. Волохов*, чертежник 28 флотского экипажа, матрос того же экипажа *И. Г. Фронза*, трое с броненосца «Чесма» — баталер *С. И. Саваткин*, машинный содержатель *Гр. Л. Удод* и матрос *Н. М. Гуц*; затем *Е. С. Афанасьев*, минер с броненосца «Георгий Победоносец», телеграфист *А. В. Вахнин* с сигнальной мачты, кочегар *С. М. Водолажский* и с пловучего дока машинный содержатель *Н. А. Максименко*. Остальные арестованные[1] в большинстве были местные портовые рабочие и ремесленники.

На корабельной стороне собравшиеся рабочие сделали попытку освободить арестованных, но подоспевшей кавалерией были рассеяны. Арестованные матросы были переведены на учебное судно «Прут» — плавающую исправительную тюрьму Черноморского флота. Матросы эти считались поднадзорными и были помещены отдельно от судовой команды, составив особую роту. Здесь был введен самый жесткий режим. Поднадзорные увольнялись на берег с разрешения командира не чаще одного раза в месяц. Однако, и сюда проникла пропаганда. 21 ноября у сигнальщика *М. Кутько* сигнальщик *Филиппов* обнаружил революционную литературу и доложил об этом боцману.

---

[1] *С. Г. Суровцев*, портной; *В. О. Крутевич*, портовый рабочий; *И. М. Гуровой*, токарь; *Ф. П. Комзиков*; *И. Я. Островский*, рубильщик; *П. А. Орликов*, слесарь; *М. Ф. Гаврилов*, конторщик; *П. Д. Шумейко*, чернорабочий; *Б. П. Паникаровский*; *А. П. Чигаров*, чернорабочий; *Г. И. Семикин*, чернорабочий; *Н. И. Ковзинский*, машинист; *В. С. Симанов*; *А. В. Кривенко*, кузнец; *В. И. Трошин*, портовой рабочий; *А. А. Шлингер*, конторщик; *М. Кривенко*, токарь; *К. К. Кудиненко*, чернорабочий; *А. О. Богдаш*, чернорабочий; *С. Ф. Фомин*; *П. И. Рослан*, рабочий; *Ш. Л. Шафер*, портной; *О. А. Зехцер*, портной; *Гр. А. Лебедь*, рабочий; *П. К. Лысенко*; *П. Н. Орлов*, рабочий; *В. М. Дьяченко*, рабочий; *Г. И. Греков*; *А. М. Соломоненко*, кузнец; *Долина Петрова*; *К. А. Унд*, портниха; *И. А. Базалевич*, котельщик; *Н. Ф. Подобасов*, слесарь; *Д. С. Караляш*, котельщик; *Я. Д. Машкин*, молотобоец; *И. А. Левин*; *П. И. Радаев*, чернорабочий; *И. Ф. Симачен*, кузнец; *П. О. Такетжа*; *В. М. Рубинова*; *С. М. Горшуттер*; *А. А. Петрова*; *Ф. Ф. Попович*, столяр; *С. Т. Чебан*, чернорабочий. Обращает на себя внимание молодость арестованных. Младшему (Соломоненко) — 15 лет, старшему (Чебан) — 43. 22 человека от 16—19 лет, 17 — от 20—25 лет, остальные в возрасте 26—37 лет. По национальностям — поляков 3, евреев — 5, немцев — 1.

Имелась и вторая пловучая тюрьма — брандвахта «Бомборы» [1]—бывшее портовое судно. Тюрьма на «Пруте» показала, что в такой обстановке арестованные лучше всего изолированы и отпадает возможность побегов. Вопрос о превращении «Бомборы» в пловучую тюрьму был поставлен Виреном (по просьбе сухопутного начальства) специально для 45 неблагонадежных в политическом отношении солдат гарнизона, которые до этого содержались на форте литер А. Уже 23 мая (запрос был 10-го) Вирен получил согласие морского министра. Осенью, в виду освобождения мест в неотдельном учебном батальоне, все поднадзорные, переведенные с форта литер А на «Бомборы», были сгруппированы в особую роту. В дальнейшем на Бомборах» содержались лишь матросы. Почти одновременно в штабе Черноморского флота был поднят вопрос о создании специального морского дисциплинарного батальона, приспособив для этого один из устаревших броненосцев «Чесму» или «Екатерину II». Осуществления этот проект не получил, так как к этому времени уже действовала морская дисциплинарная часть в Архангельске.

4. Развал у социалистов-революционеров

Из существующих в Севастополе революционных организаций, как видно, сильнее всего [2] развили свою деятельность с.-р. Но и у них не было единства. Весной 1907 г. местная боевая дружина открыто заявила, что она не может работать внутри организации с.-р., и отказалась подчиняться директивам партийного съезда. Появилась новая организация, принявшая наименование «Свобода внутри нас». Кроме организационных расхождений, имелись и программно-тактические: группа отвергала с.-р. толкование права собственности и тезисы о терроре и экспроприации. В ответ на последовавшее 15 мая «извещение» отколовшейся группы о том, что «самостоятельную вне партии работу находим более продуктивной», севастопольский комитет с.-р., в своем июньском «Извещении» об отколовшихся дружинниках объявил о снятии с себя всякой ответственности за деятельность бывшей своей боевой дружины.

Во главе новой организации, насчитывающей на первых

---

[1] Б. линейный крейсер «Капитан Сакен».

[2] Авантюристский характер этой деятельности мы уже имели возможность видеть. *Ред.*

порах в своих рядах не более 25 человек, стояли Сергей Агафонович *Мартовский*, писарь 2-го гренадерского Ростовского полка, приговоренный к бессрочной каторге, и член группы, известный под кличкой «*Митрофан*». Мартовский в организации был известен под кличкой «Сенька» и руководил техническими и хозяйственными вопросами, а «Митрофан» заведывал складами, оружием и являлся главным руководителем по исполнению намеченных организацией планов. Основная деятельность группы свелась к экспроприации, упрочившей материальное положение организации, но зато и подготовившей в то же время почву для ее разложения и распада. Группа приняла участие в нападении 10 апреля на севастопольскую почтово-телеграфную контору, где было взято свыше 17.000 рублей, в похищении сумм на станции «Шестаковой» близ Елисаветграда и нападении на поезд около станции «Рассыпная», Екатерининской жел. дороги.

Первый удар группе был нанесен в конце июня 1907 г., когда на хуторе Карла Штальберга, в 25 верстах от Севастополя, была обнаружена лаборатория для изготовления снарядов, готовые бомбы, принадлежности для их изготовления и взрывчатые вещества. Там же был арестован и Мартовский, назвавшийся вымышленной фамилией *Калитина*. Вместе с ним был арестован и *К. Штальберг*, известный под кличкой «Карл», впоследствии освобожденный. В первой половине июля 1907 года группу «Свобода внутри нас» постигла новая неудача. При нападении на станцию «Рассыпная» деньги из почтового вагона не успели взять. Нападавшие были вынуждены бежать, потеряв члена группы «Сергея». Вскоре были задержаны и остальные участники нападения. После ареста С. А. Мартовского все руководство перешло к «Митрофану», который имел своими помощниками Геннадия *Рожановского* («Женька»), Макара *Шкуртило* («Макара»), Тимофея *Боздырева* («Тимофей») и др. 19 сентября был арестован активный член группы Т. Боздырев, у которого при обыске было найдено 11 вполне готовых бомб, оружие и патроны. При аресте Боздырев оказал вооруженное сопротивление — ранил околоточного. Боздырев был повешен. Через 10 дней в квартире сапожника *Козловского* были арестованы *Н. Китаев* и *М. Шкуртило*. В течение октября членам группы удалось под руководством технического руководителя, известного под кличкой «Гришка-художник» — Григория *Екимкина*, организовать на хуторе морского ведомства (близ Севасто-

поля) изготовление бомб, оболочками для которых служили части эмалированной посуды. В ночь на 3 ноября полиция вновь напала на боевой склад группы. В одной из пещер Кладбищенской балки удалось обнаружить 18 готовых бомб. После неудачной попытки экспроприировать купца Файнберга «Митрофан» и «Рябой» уехали в Киев, *Кучеров* в Симферополь, где все и были задержаны. Группа распадалась. Последние провалы и аресты ясно говорили, что внутри организации не все в порядке. Чувствовалось предательство. В середине декабря был арестован *Г. Рожановский* и «Жорж» — Федор *Соютинин*. 16 декабря, т.-е. через три дня после последнего ареста, на хуторе К. Штальберга, по указаниям севастопольской охранки, вновь был произведен обыск. В небольшой замаскированной пещере-погребе оказалась лаборатория взрывчатых снарядов. Найдены были 51 бомба, 125 жестяных трубок, 4 пакета гремучего студня и пр. Вновь были арестованы *К. Штальберг*, его жена и сестра последней. Как видно, Штальберг не выдержал нервного напряжения и заболел. Его поместили в Винницкую больницу душевнобольных, где он и умер 18 апреля 1908 года.

Последнее дело группы было рассмотрено в Севастополе временным военным судом 12 декабря 1908 года: два члена бывшей группы были приговорены к 10 годам каторги.

Распадалась и с.-р. организация. Причин к тому было достаточно: общая обстановка, состав организации, материальный вопрос, ставший особенно резким после отхода от партии дружины, и деятельность охранки. Поражение революции лучше всякой охранки несло с собой для менее стойких и всякого рода попутчиков полную ликвидацию. В первую очередь это отразилось на руководящей «головке» из интеллигентов. Начались выступления против всякой централизации и дисциплины. Отсюда самые широкие возможности для всяких анархических тенденций и организаций. Это особенно видно в вопросе о терроре. Комитет проводит линию партии, дружина занимает особую позицию, а отдельные члены гнут третью линию. Этот «уклон» привел к бесцельному растрачиванию крайне необходимых сил. За весь 1907 год состоялась (в апреле) одна общегородская конференция всех работающих в Севастополе с.-р. Нового конференция ничего не дала: был прочтен доклад о 2-ом партийном съезде, заслушан доклад местного комитета. После долгих прений по организационному и финан-

совому вопросам, был переизбран комитет. Кроме названных уже членов организации, следует еще назвать *Д. А. Суровицкого*, видного деятеля севастопольского комитета партии с.-р. Суровицкий был близок к руководителю боевой дружины, казненному *Н. Скрипниченко*. В комитет входил еще *А-др П. Малигонов*, у которого хранилось оружие и бомбы организации. К числу активных членов организации следует отнести и *С. Н. Блонского*, члена местного комитета, арестованного и высланного из пределов Севастополя.

5. В гарнизонном совете

Большого внимания заслуживает военная организация, состоявшая из кружков, значительная часть которых была создана и руководилась с.-р. Местная военная организация поддерживала связь с «Всероссийским союзом солдат и матросов» — организацией, созданной по инициативе ЦК партии с.-р. после февраля 1907 г. Сама военная организация была построена следующим образом. Распропагандированные солдаты каждой роты объединялись в кружок и выбирали от себя представителей, которые являлись одновременно и членами комитета. На собрании комитета присутствовал иногда и представитель партийной организации. Кроме того, комитеты выбирали от 1-го до 5-ти представителей в так называемый «гарнизонный совет», являвшийся высшим военно-революционным учреждением Севастополя. Кроме представителей от частей, в «гарнизонный совет» на равных началах входили представители партийных организаций, составлявшие так называемый «вольный состав» и в действительности руководившие всей работой «Совета». По положению, заседания «совета» должны были происходить еженедельно. Ознакомимся частично с характером вопросов, обсуждаемых на заседаниях гарнизонного совета.

В конце апреля состоялось очередное заседание «Совета». После обычной проверки присутствовавших от гарнизона и флота представителей, состоялся отчет по денежным сборам для арестованных солдат и матросов. Решено было образовать при революционном красном кресте особый военный фонд, пополняемый ежемесячными взносами. Пока же ограничились постановлением — выдать каждому арестованному от 70 коп. до 1 рубля. Следующим стоял вопрос об отношении к ряду лиц командного и некомандного состава, активно проявивших свою контрреволюцион-

ную деятельность, подозреваемых в шпионстве, предательстве и т. д. Решения по этим вопросам не подлежали опубликованию. 4-го июня «гарнизонный совет» опубликовал в «Военном Листке» обращение к солдатам и матросам, собирающимся бежать со службы. Совет доводил до всеобщего сведения, что «помощью организации будут пользоваться только те товарищи, которые, прежде чем бежать, заручались на это согласием гарнизонного совета через своего представителя». В экстренных случаях побег мог состояться и с разрешения комитета части. Благодаря своему смешанному составу, гарнизонный совет не был монолитным, единым. Это понимал и сам совет, который специально на одном из заседаний занялся этим вопросом и призвал «всех товарищей забыть свои личные дела и неприязни».

В 4-ом отчете гарниз. совета встречаем указание, что не все благополучно в крепостной артиллерии. Совет постановил усилить пропаганду и запросить местную организацию с.-р., чтоб назначили туда ответственное лицо. Судя по всему, большинство членов совета, т.-е. представители от гарнизона и флота состояли в партии с.-р. или примыкали к ней.

О севастопольской военной организации с.-д. сведений меньше. Известно, что она издавала газету «Солдат», имевшую хорошее распространение. Члены организации имелись как среди солдат, так и матросов. Деятельность организации говорит об ее слабости и ограниченных возможностях. Как видно, здесь сильнее всего сказались частые провалы и аресты, сыграли роль и вопросы материального порядка: у с.-д. не было таких «возможностей», как у с.-р., которые благодаря своей боевой дружине пополняли свою кассу экспроприациями. Все это отразилось на составе с.-д. работников, в большинстве приезжих, неподготовленных для работы в местных условиях. Последнее привело к тому, что значительная часть портовых рабочих стала поддерживать с.-р., и перед с.-д. встала задача — вновь завоевать эти массы.

Кроме гарнизонного совета, где деятельность с.-р. в значительной степени сводилась к увеличению своих фракций, были и другие моменты, когда обе партийные организации выступали совместно. Один из таких «блоков» относится еще к периоду генерал-губернаторства Скрыдлова и был вызван тремя случаями покушения на часовых. Эти покушения были немедленно использованы начальством для возбу-

ждения солдат против революционеров, якобы стрелявших в солдат. В связи с этим севастопольские комитеты РСДРП и с.-р. выступили в своей печати с официальными заявлениями, что во всех трех случаях нападения на часовых «члены этих партий не участвовали». Если бы нападения были сорганизованы какой-нибудь из групп местных анархистов или «Свободы внутри нас» то в таком случае это было бы известно. Остается предположение, что нападение на солдат носило чисто провокационный характер — вызвать озлобление среди солдат, использовать это настроение против революционного движения: к этому времени в городе уже действует филиал «Союза русского народа», который, конечно, чем угодно был готов восстановить солдат против революции.

Местные условия в Севастополе дали возможность укрепиться на некоторое время Северной федеративной группе анархистов-коммунистов, принявшей наименование «Черный террор». Образование группы относится к январю 1907 г. В конце года — 23 декабря — севастопольское охранное отделение произвело обыск у *М. Д. Полонского*, принадлежавшего к группе. При обыске была обнаружена литература и прокламации местной боевой дружины «Свобода внутри нас» и программа севастопольского отдела Южно-русской группы анархистов-синдикалистов. Наиболее ценной добычей для жандармов явились три записные книжки. В одной оказался оттиск печати «Сев[астопольская] гр[уппа] анархистов-коммунистов». По запискам Полонского выяснилось, что он принимал активное участие в деятельности организации. Благодаря несоблюдению Полонским элементарных правил конспирации, жандармам стала известна деятельность как всей группы в целом, так и отдельных ее членов. В одной из книжек оказались записи о времени убийства жандармского подполковника Рочальда, покушения на генерала Думбадзе и убийства агента охранного отделения. Кроме Полонского в группе состояли *Л. Л. Иванов* («Ленька»), сын заведывающего Алексеевским училищем, *Г. П. Лепесин*, *И. И. Кострубовский* — организатор севастопольской группы анархистов-коммунистов, убившей Рочальда, участвовавшей в 1906 г. в нападении на форт литер «А» и подготовлявшей покушение на адмирала Вирена. В письме, посланном Полонским уже из тюрьмы к матери (и перехваченном тюремной администрацией), он сообщает и о своей деятельности в партии эсеров. В итоге Полонский

был предан Одесскому военному-окружному суду и 16 ноября 1908 г. приговорен к 7 годам тюрьмы [1].

6. Новая авантюра

Частые провалы, указывавшие на присутствие в организациях провокаторов, выдвинули перед местной военной организацией вопрос: *организовать новое «восстание» или дожидаться сложа руки новых арестов и полной ликвидации и окончательно расписаться в своей несостоятельности. Севастопольская организация с.-р. решила готовить новое «восстание»* [2]. Для руководства восстанием «военное бюро» по соглашению с ЦК «Всероссийского офицерского союза» командировало в Севастополь известного по Выборгу штабс-капитана запаса *Глинского*. Ему стали помогать штабс-капитан Белостокского полка *Никитин* и Виленского полка поручик *Максимов*. Местное отделение «Всероссийского офицерского союза», зная истинное положение дела — выступило против этой авантюры, указывая на неизбежность поражения. Уже при разработке плана, организаторы также увидали всю безнадежность положения, но отказаться уже было поздно. Гарнизонный совет высказался за восстание во что бы то ни стало, даже без участия интеллигентов, если последние отказались бы от него. Создался «повстанческий комитет» в составе представителей от организации эсеров, «офицерского союза» и солдат, который и принял окончательный план восстания. Так как все бывшие восстания кончались неудачей, благодаря нейтральности одной части севастопольского гарнизона и контр-революционным выступлениям другой, построение плана восстания было несколько изменено. Главные надежды были на Брестский пехотный полк, где пропаганду вел вернувшийся из дисциплинарного батальона рядовой *А. Джемухадзе*, известный в революционных организациях под именем «Александр», обещавший в начале восстания дать из своей 5-ой роты до 200 человек вполне подготовленных солдат. Поэтому восстание должна была начать 5 рота Брестского полка. Решено было дождаться лишь назначения ее в де-

---

[1] 14 июля 1913 г. Полонский был условно-досрочно освобожден из севастопольской тюрьмы и остался на жительство в Севастополе.

[2] Курсив наш. Обращает на себя внимание исключительно авантюристическая постановка и решение вопроса севаст. орган. с.-р. *Ред.*

журство по полку и, выведя ее ночью из помещения, захватить пулеметы и перебить черносотенных офицеров. После этого предполагалось, что примкнут к восстанию и другие части: захватываются батареи южной бухты, одновременно полевая артиллерия захватывает Сухарную балку с ее боевыми запасами. Все это должно было сопровождаться полным истреблением всех несочувствующих революции офицеров и вообще всего начальствующего состава. Последним выступает флот.

Еще 11 сентября начальник одесского охранного отделения получил агентурные сведения, что в Севастополе готовится восстание. В сообщении было указано, что «к восстанию готовы»: брестцы, полевая артиллерия, минная рота и флот; «сочувствуют» белостокцы, крепостная артиллерия и пулеметная рота; преданы правительству крепостная пехота, 16-й полк, казаки и крымцы. 14-го сентября севастопольское охранное отделение сообщило властям и отдельным войсковым начальникам о готовящемся на 15-ое сентября восстании. Тогда же охранке стало известно, что в ночь на 15-ое сентября недалеко от Брестского кладбища, в окопах, «соберутся девять главарей военной организации партии соц.-рев.» Действительно Глинский и еще восемь человек собрались в указанном месте, чтобы затем отсюда около 3-х часов ночи направиться к полевой артиллерии, которая должна была дать для начала всеобщего восстания три орудийных выстрела. Между тем, по приказанию коменданта крепости, на Северную сторону для ареста Глинского и его товарищей был командирован жандармский ротмистр Полянский с крепостной жандармской командой и взводом Севастопольского крепостного пехотного батальона. Ротмистру было поручено арестовать всю группу и предупредить сигнальные выстрелы. Подходя к окопам, отряд задержал офицера, одетого в солдатскую шинель с погонами 13-ой артиллерийской бригады и в белой офицерской фуражке. Назвать себя арестованный отказался. При обыске у него нашли револьвер с 38 патронами, при чем под шинелью неизвестный оказался одетым в китель с пехотными погонами. Впоследствии удалось установить, что это штабс-капитан *Глинский*. Вместе с ним был арестован еще один, в штатском костюме, под которым оказалась матросская рубашка. Назвался последний *Никитиным*, Фостирьем Ксенофонтовичем. Кроме того здесь же по близости были задержаны и арестованы: *А. В. Ткаченко, П. О. Ликасов, З. П. Басов, А. Н. Аксенов, Г. И. Зытчи-*

нин, Д. П. Крисенков и Г. И. Толкачев. Итого всего девять человек. В то же время, неподалеку от казармы Брестского полка, *Максимов* совещался со своими помощниками, готовясь поднять восстание Брестского полка. В пятом часу утра (по другим источникам в четвертом и шестом) эта группа в числе трех человек (по другим источникам 10 человек), переодетая офицерами, не зная еще ничего про арест Глинского, проникла в расположение Брестского полка. Представителей 5-ой роты, которые должны были встретить Максимова, не оказалось. Тогда при помощи лица, у которого устраивались сходки солдат полка, был вызван из роты Джемухадзе и несколько представителей. Они заявили, что полк, по приказу начальства, в полной готовности, все офицеры на своих местах и что брошенная сигнальная бомба не разорвалась. Солдаты были в подавленном состоянии и считали дело проигранным. Как видно, о готовящемся восстании в полку имелись сведения и независимо от охранки. Ночью были собраны все офицеры, которые затем все время находились при своих ротах. Все прошло спокойно до 5-ти часов утра, после чего часть офицеров ушла домой, а остальные собрались в офицерском собрании. Этим воспользовался Максимов, который со своими товарищами с криками: «Скорей разобрать ружья и патроны», «Офицеры арестованы», «Командир убит» и т. д. ворвались в помещение 5-ой роты, и через несколько минут вся рота уже была в строю. Произошло это без пяти минут в 6 часов [1].

На глазах у солдат у фельдфебеля *Мхеидзе* был отнят револьвер. *Польковский, Боганов* и *Крахмальный* разломали пирамиду, и рота сразу вооружилась. Некоторые из черносотенных унтер-офицеров сделали попытку выскочить на двор и поднять тревогу. Только благодаря находчивости *Крахмального,* ставшего у входа с винтовкой в руках, прибывшие успели выстроить роту. Вслед за этим Боганов притащил откуда-то к ротному цейхгаузу инструктора и заставил его выдать патроны. Перед тем, как вывести роту из казармы, Максимов обратился к солдатам с речью, в конце которой спросил «готовы ли они итти с ними»? Рота, сделавшая уже все, чтобы получить обвинение в вооруженном восстании, замялась.

---

[1] Коллективное письмо *С. Польковского, Боганова, Крахмального* и *Джемухадзе,* напечатанное в № 41 «За народ» за 1911 г. и № 18 «Знамя Труда» за 1909 год.

«Готовы! Так точно, готовы!»—закричал Польковский и обратился к роте: — «Что же вы молчите?»

— «Готовы!»—закричала рота и по команде вышла на двор. В это время на шум стали выбегать из собрания офицеры, навстречу которым была брошена неразорвавшаяся бомба. По команде одного из офицеров-революционеров было произведено в офицеров полка три сорванных залпа. Двое упали, остальные кинулись обратно в собрание. Но и в роте произошел перелом. Недостаточно подготовленные к переходу от слов к делу, солдаты пятясь забились в ротное помещение. Была поднята тревога, показался караул. Посредине двора остались шесть человек: Максимов и его два товарища, Польковский, Боганов и Крахмальный. Они заряжали друг за другом винтовки и обстреливали офицерское собрание. Видя, что дело проиграно, Максимов предложил уйти.

— «Нет, — ответил Боганов, — итти некуда. Лучше останемся здесь и будем стрелять до последнего патрона».

— «Я вам приказываю, как начальник, итти с нами»,— закричал Максимов, и все шестеро прошли на глазах у всего полка по полковому двору, вышли в пролом в стене (часовые отдали им честь) и сбежали в окружающие казармы овраги. Здесь все расстались, чтобы не возбудить подозрения. Винтовки спрятали вблизи кладбища в кустах, и только у одного из солдат остался браунинг одного из раненых офицеров. Более неудачно окончилась попытка поднять артиллерийскую бригаду — вся прибывшая группа была сразу арестована.

Ожидаемый сигнал не последовал. Флот не выступил. Последнее дало впоследствие возможность севастопольскому ж. у. указывать на упадок революционного настроения у матросов. Конечно, дело не в этом. Пример с транспортом «Кронштадт», где матросы собрались в угольной яме и только ждут сигнала, чтобы начать восстание у себя на судне, говорит совершенно иное. А между тем команда «Кронштадта» была не из самых революционных. Хорошо это понимал и Вирен, немедленно отдавший приказ выйти всей эскадре в море. Флот остался внешне в стороне от участия в попытке восстания, благодаря недостаточно продуманному плану и неверной оценке настроения матросов: они оставались в общем революционно-настроенными, но стали более осторожными и не особенно верили в возможность оторванного от всей страны восстания. Отсюда пассивность и вялость в выступлениях.

Как только в столице были получены первые известия о «восстании», а именно 16 сентября, председатель совета министров послал на имя Вирена шифрованную телеграмму следующего содержания: «Рассчитываю на принятие в. превосходительством без колебаний мер самых решительных и самых суровых. Ст. 12 военного положения дает вам право в случае исключительном расправляться самолично без суда» [1]. Другую телеграмму по этому же поводу А. Столыпин послал командующему Одесским военным округом. Телеграмма заканчивалась: «необходим пример, надолго памятный» [2]. Вирена понукать к борьбе с революционерами не приходилось.

В Севастополе начались усиленные аресты и обыски. Не были арестованы только лица, вызвавшие выступление 5-ой роты. Все они счастливо выбрались в горы и покинули Крым. Боганов, Польковский и Крахмальный через несколько дней были арестованы на вокзале в Киеве. Их выдало неуменье носить штатское платье и соблюдать конспирацию. С. Польковский так описывает арест.

«Мы отправились в Киев, где нас шпик Педалка и пять других забрали в сыскное отделение. Я им накрутил целую кучу, так что сам чорт концы не связал, но мой товарищ Боганов, мягкой души. Стало скучно сидеть в одиночном карцере. На другой день, т.-е. 27-го сен[тября], привели нас на допрос. Он спрашивает меня, боюсь ли я сознаться. «Мне страшно, — говорит, — сидеть в одиночном, вдвоем лучше; сознаемся: что будет, то будет».

— «Все равно, как хочешь».

После того, как они сознались, их отправили 19 октября в Севастополь, где не трогали до 3 декабря. Всем дознанием руководил военный следователь Таврического участка Вирен, который сам наблюдал за всем делом. Усмотрев тесную связь между подготовкой восстания в Белостокском полку и в других местах, он предложил объединить все следствие в одни руки. Во время следствия выяснилась деятельность Глинского во время его пребывания в плену в Японии. Одновременно делом Глинского занялся прибывший в Севастополь и известный по Выборгскому делу подполковник Дацевич, который попутно имел поручение ближе ознакомиться и с настроением матросов.

---

[1] Департамент полиции 4-е делопроизводство № 71 № 12 т. 2 — 1907 г.

[2] Там же.

С разрешения штаба подполковник посетил броненосец «Пантелеймон» [1]. Пробыв на корабле 2—3 часа и ознакомившись с ним под личным руководством командира броненосца, Дацевич, наблюдая «дух и настроение матросов», отметил, что «дух матросов не вполне надежный». Вирен заверил Дацевича, что «борется всеми силами с революционной пропагандой в Севастополе и принимает все зависящие от него меры».

Между тем в севастопольскую тюрьму была засажена и вся 5 рота с главным организатором выступления А. Джемухадзе.

Все арестованные были обвинены в подготовке вооруженного восстания и по окончании следствия были преданы севастопольскому военному суду.

2-го октября (как видно, с приговором спешили) временный военный суд приговорил солдат Брестского полка *А. Липинского, К. Ковальского* и *Е. Гоголидзе* к смертной казни через повешение, несмотря на то, что Липинский и Ковальский не были во время стрельбы на дворе, а находились, как было установлено на суде, в коридоре казармы 5-ой роты. По делу о попытке восстания в 5-ой роте были привлечены еще 10 бывших офицеров и 59 солдат.

Суд происходил в казармах Белостокского полка, куда всех подсудимых водили со связанными руками, так что кровь шла из них. В 11 часов ночи был прочитан приговор: *Крахмальный, Польковский, Боганов* и *Джемухадзе* — к смертной казни через повешение. Фельдфебель *Мхаидзе* получил бессрочную каторгу. На суде Мхаидзе держался гнусно, показывал на свои медали, полученные им за усмирение матросов. «Я подал Думбадзе списки неблагонадежных» — читаем в его показании. Так же вел себя старший унт.-оф. *Вакуленко*. Кроме того были приговорены к каторге на 20 лет — 2 унтер-офицера, на 15 лет — 3 унтер-офицера, на 10 лет — 3 ефрейтора. К дисциплинарному батальону и арестанским отделениям было осуждено на сроки от одного года до 3 лет 13 человек. Всего осуждено 26 солдат и оправдано 33. На 1 год и 4 месяца крепости был приговорен командир роты капитан *Левковский*. Осужденные к смерти держались очень хорошо. В два часа ночи их под конвоем учебной команды, одной роты и казаков повели в каземат. Последние слова в прощальном письме четырех смертников:

«Товарищи, мы будем помирать, как богатыри», пол-

[1] Бывший «Князь Потемкин Таврический».

ностью оправдались. Солдаты умерли героями. Когда к ним подошел священник, они указали ему на гнусность его присутствия при смертной казни, отказались от напутствия и просили не завязывать рук. Палача один из них ударил изо всей силы ногой в живот так, что палач отлетел на несколько шагов. Все четверо перед смертью крикнули: «да здравствует революция, да здравствует свобода».

Этой попыткой закончилась цепь непрерывных «восстаний» и выступлений, имевших место в Севастополе в 1905—1907 году. Эсеровский метод борьбы, несоответствовавший общему положению в стране, неизбежно должен был вести к поражению, к бесцельному и преждевременному расходованию революционных сил. Судя по всему (постоянные провалы и деятельность провокаторов), севастопольский комитет эсеров не мог не знать, что план станет известным охранке. Прижатая к стене революционностью масс, требовавших выхода своему настроению, связанная традициями своей партии, оторванная от действительной жизни, организация эсеров бросается в авантюру, подытоживающую деятельность не только ее севастопольских сил, но и всей партии с.-р. в целом[1].

7. Отклики в портах Черноморья

Революционная деятельность матросов Черноморского флота не ограничивалась лишь одним Севастополем. Она имела место и в ряде других портовых городов Черного моря. В Одессе 8 февраля 1907 года матрос с крейсера «Память Меркурия» *Федор Крошка* бросил бомбу в одесского полицмейстера подполковника Гесберга. Этот же Ф. Крошка покушался на Думбадзе и убил в Севастополе кондуктора своего крейсера.

В том же году в Николаеве 26 июля около Ингульского моста было арестовано несколько матросов. Местное охранное отделение получило сведения, что на этот день в районе моста назначена сходка. Между тем в действительности сходка была отменена, и охранке весьма скоро пришлось выпустить всех арестованных матросов, в том числе и арестованного 27 июля квартирмейстера *Сигидина*, так как фактически не оказалось возможным предъявить им обвинения. В период своей наибольшей интенсивной деятельности ко-

---

[1] Курсив наш. Редакция вполне присоединяется к этому выводу автора. *Ред.*

митет николаевской военной организации партии с.-р. решил организовать похищения винтовок и патронов в одной из войсковых частей. Одновременно с этим строевой инструктор *Николай Шахматов* предложил устроить похищение оружия из флотского экипажа, которым он заведывал. В октябре возникло дело (затем прекращенное) о чтении матросам *Бондаренко* и *Ванцак* революционных прокламаций. Само чтение происходило в караульном помещении при пороховом погребе. В Николаеве был арестован и затем переведен на «Прут» матрос с крейсера «Память Меркурия» *Н. Филиндиш* за то, что одобрительно отозвался об участниках попытки восстания 15 сентября в Севастополе: «умные люди, которые хотели потребовать, что нам надо». Революционные выступления матросов имели место и в городе Керчи, куда обыкновенно списывались (как и в Батум) неблагонадежные в политическом отношении матросы. Судя по рапорту командира Керченского порта там 1-го августа произошел «бунт». В чем это выражалось конкретно, сведений не имеется. Там же в конце сентября (29) около 8 часов вечера в казарму 1 роты местной крепостной артиллерии пришел матрос транспорта «Пендераклия» *А. Бондаренко* и по предложению артиллериста *Захарова* рассказать что-нибудь из своей службы, воспользовался случаем и выступил с агитацией. «Россия страна бедная, податей же с жителей берут много; заставляют молиться неизвестно кому. Говорят «есть помазанник божий, но неизвестно, кто его помазал и т. д. Надо предполагать, что нечто подобное агитации Бондаренко и было принято перепуганным начальством за «бунт». В Константинополе эмигрантам удалось наладить пропаганду и снабжение литературой команды станционера «Терец». 19 июня на стационере был произведен поголовный обыск, но никаких результатов он не дал.

8. Движение не уничтожено

1907 г. закончился в Черноморском флоте событиями, с достаточной ясностью показавшими, что революционное движение во флоте не уничтожено. Событие, нарушившее покой севастопольской охранки произошло на транспорте «Кронштадт». 24 декабря 1907 г. старший офицер «Кронштадта», стоявшего на севастопольском рейде, капитан 2 ранга *Подушкин* обратил внимание на проходившего мимо него в рваной одежде матроса *Алексея Шабалкина*[1].

[1] Вероятно, был донос на Шабалкина.

Приказав Шабалкину итти к нему в каюту, Подушкин лично его там обыскал и нашел в фланелевой рубахе матроса № 12 газеты «Солдат», восемь с.-р. листовок и «отчет портового комитета с 16 ноября по 16 декабря». Опрошенный Подушкиным в присутствии еще двух офицеров, Шабалкин сообщил, что все это получил для распространения среди команды от рабочего минной мастерской (на транспорте же) *Ткачука*. Часть литературы Шабалкин уже успел передать машинисту *Волкову* и матросам *Большакову* и *Желтикову*. При обыске 28 декабря у рабочего П. А. Ткачука (проживавшего при родителях) ничего не было обнаружено.

На третий день после нового года Подушкин, обходя транспорт, обнаружил в верхней угольной яме два экземпляра № 11 «Солдат» и одну прокламацию группы «Свобода внутри нас». Обнаруженные подпольные издания и найденная у Шабалкина литература дали основание начальству предполагать о существовании на транспорте лиц, занимающихся революционной пропагандой. Более чем вероятно, что все это не обошлось без доморощенных шпионов. По предложению морского начальства, жандармским управлением было приступлено к производству формального дознания. Дознание дало неожиданные результаты. Оказалось, что еще в марте 1907 г. кочегар транспорта *В. Митянин*, вернувшись из отпуска, привез с собой около 30 экз. нелегальной и подпольной литературы, из которых часть дал для прочтения и распространения матросу *Рыженко*, а остальные спрятал в угольную яму. С этого же времени Митянин в угольной яме стал устраивать собрания, на которых кроме Митянина присутствовало до 20 человек. Собрания устраивались еженедельно, а иногда и по два раза в неделю. Читались разные революционные издания, преимущественно газеты «Солдат», «Рабочий», прокламации с.-р. и севастопольской боевой дружины «Свобода внутри нас». Читали чаще других Митянин, кочегар *Якушевский* и матрос *Горшунов*; присутствующие затем обсуждали прочитанное; почти всегда разговор переходил к вооруженному восстанию. На одном из собраний Митянин сделал сбор на нужды партии с.-р., при чем квитанция, выданная им в получении денег, имела печать группы «Свобода внутри нас». Два раза на этих собраниях присутствовал и П. Ткачук. Он же несколько раз приносил на транспорт газету «Солдат» и др. революционные издания и передавал все Митянину. 15 сентября ночью, когда должно было произойти

восстание, Митянин, матрос *Родюков*, *Горшунов*, *Лопанчук*, кочегары *Антипов* и *Янишевский* и машинист *Бахтин* собрались в той же угольной яме, где обыкновенно происходили собрания.

Это были самые активные и подготовленные из всей команды. Темой совещания было предстоящее восстание. Было известно, что в 2 часа ночи из крепости должны быть сделаны три пушечных выстрела — сигнал к общему восстанию. Митянин и др. пришли к решению, как только будет дан сигнал, поднять восстание на транспорте и первым делом перебить всех офицеров. Был выработан план, по которому убийство офицеров было возложено на Горшунова, Антипова, Родюкова, Лопанчука, Рыженко и Янишевского. Как известно, выстрелы не последовали, и ночь на транспорте прошла спокойно. В результате дальнейшей деятельности число организованных и распропагандированных матросов увеличилось. По окончании следствия обвинение было предъявлено 19 матросам, которые себя виновными не признали. 18 февраля 1908 года Д. Горшунов, Д. Янишевский, Вл. Митянин, М. Бахтин и А. Рыженко были разжалованы в матросы 2 статьи и переведены в поднадзорные на транспорт «Прут». Дальнейшая судьба их и остальных 14 матросов — неизвестна.

И. Андреев.

ВОССТАНИЕ МАТРОСОВ В ЛИБАВЕ В 1905 ГОДУ [1]

Дух восстания, непокорности и возмущения витал в 1905 г. над российскими городами, селами и полями, над портами и рейдами, где ветер трепал вымпела военных кораблей под андреевским флагом и где формировались целые кадры смелых, беззаветно преданных делу борьбы и революции — кадры моряков.

Целыми экипажами, броненосцами и крейсерами моряки открыто выступали в схватке с самодержавием. Но и последнее не оставалось в долгу; оно действовало по евангельскому правилу:

«По делам вашим — воздастся вам».

Много моряков подверглись смертной казни в 1905—1906 гг., еще больше пошли на каторгу, в дисциплинарные батальоны, арестантские отделения, военные и гражданские тюрьмы.

Самые смелые пали во время сражения. Их много пало, и наш долг перед ними — выявить каждого бойца, имя его записать на страницы летописей революции.

1. Одновременно с «Потемкиным».

В дни 15—16 июня 1905 г. Одесса готовилась к похоронам и хоронила матроса Григ. Вакулинчука, убитого офицером с броненосца «Князь Потемкин Таврический». Буржуа удирали из города, ибо революционный броненосец провозгласил:

«Мир хижинам, война дворцам».

[1] Очерк написан на основании архивных материалов: Главн. воен-мор. судного управления за 1905 г. № 167; Главного морского штаба №№ 26440, 26486, 28109, 28846, 27348; Управления порта «имп. Александра III» за 1905 г. №№ 9, 11, 13, 15; Штаба кронштадтского порта за 1905 г. №№ 24, 35 и 1906 г. №№ 2, 20; Министерства юстиции, 3-е уголовное отделение за 1905 г. № 17731 и др. источников, а также по воспоминаниям участников, имеющимся в распоряжении автора.

В эти самые дни под другой долготой и широтой, в других водах, разных даже по вкусу и цвету, движимые одним стремлением с «Потемкинцами», зараженные одним духом борьбы с самодержавием, восстали в порту «императора Александра III» (Либава) матросы в числе пяти флотских экипажей, количеством до 4 тысяч человек [1].

Здесь, как и на «Потемкине», поводом для возмущения было мясо с червями.

Вечером 15 июня для команды 1 флотского экипажа привезли мясо и сало. Игравшие в это время на дворе молодые матросы Дорофеев, Калитинец, Лебедев, Юдин обратили внимание на то, что мясо с «душком» [2]. При более тщательном осмотре были замечены черви.

Поднялся шум. Дежурный офицер мичман Тархов закрыл кладовую и распорядился отправить мясо обратно подрядчику Пляцану, но команда не дала этого сделать, потребовав командира экипажа и адмирала для объяснения. Фельдфебеля сделали попытку увести команду, каждый свою роту, но потерпели неудачу.

В разных местах раздавались крики:

— Выходи все на двор! Давай сюда адмирала! Если не дадите, сообщимся с 15 экипажем и с музыкой пойдем!

— Мясо — мясом, но нам свобода нужна! Если все мы

---

[1] 13-го июня, в день восстания на «Потемкине», в команде броненосца «Александр II» (4-й фл. экипаж) произошел такой случай: после обеда, когда команда по обыкновению отдыхала, ей было заявлено, чтобы не ложились спать, так как будет смена командиров экипажа: старый и новый командиры будут в команде. Начальство не прибыло, и матросов хотели без отдыха снова вести на работы в порт. Матросы заявили, что они не отдыхали, что они работают так много, что даже некогда сапоги починить. Командир экипажа разрешил отдохнуть до 3-х часов дня, но и после трех матросы не пошли на работу. Прибыл главный командир, и ему был заявлен ряд претензий. После этого инцидента начальство хотело предать суду до 200 человек, но благоразумие на этот раз взяло верх, и дело было прекращено. (Штаб кронштадтского порта, за 1905 г. дело № 24).

[2] Командир 15 флотского экипажа капитан 1-го ранга Куприянов так описывает качество мяса и сала: «Осмотренный мною жир, действительно, оказался нехорошего вида, хотя за наступившею темнотою я не видел червей, да и не особенно пытался рассматривать их, так как первой обязанностью считал принять меры к прекращению беспорядков».

На Купреянова матрос 15 экипажа Потуров навел винтовку, чтобы застрелить, но матрос Дедескул отвел руку Потурова, и получился промах. За это дело Дедескул получил 10 руб. и унтер-офицерское звание.

восстанем, и армия восстанет, тогда всю команду под суд не отдадите!

— Свободы мало!

— Кровопийца, голодом нас моришь!

— Знайте, ребята, без беспорядков ничего не добьешься.

— Эскадру погубил, а ему подлецу, Георгия повесили[1].

В это время команда соседнего 9-го экипажа взобралась на стену и своими возгласами поддержки и солидарности усиливала возбуждение.

Начальство, видя, что события развертываются и выходят из рамок обыкновенного недоразумения, двинуло было из 9-го экипажа боевую полуроту, но она была вынуждена отступить.

Подобно налетевшему внезапно урагану, ворота в стене, соединявшие экипажи, были сломаны.

Для боевой полуроты 1-го экипажа была пробита тревога, но никто не собрался, и полурота растворилась в общей массе. Вскоре обе команды, т.-е. 1-го и 9-го экипажей, соединились, но они были без ружей. Дежурный офицер, мичман Черняев снова сделал попытку парализовать выступление и еще раз выступил с боевой полуротой 9-го экипажа.

Восставшие матросы кричали полуроте:

— Разве вам не нужна свобода?..

— Кого вы защищаете? Ведь своих врагов! Опомнитесь!..

В мичмана Черняева полетели камни, он был ранен и вынужден покинуть строй.

Небольшая часть[2] людей оставалась в помещении, но их всех выгнали во двор и общей массой двинулись к 6-му и

---

[1] Этот возглас не мог относиться к адмиралу Рожественскому, так как он, как «герой» Цусимы, за этот «подвиг» креста не получил. Крест получил адмирал Алексеев, сидя в Мукдене. По авторитетному заявлению графа Витте, «хотя и не слышал в своей жизни ни одного выстрела... занимаясь более состоянием своего тела, нежели состоянием действующей армии, адмирал Алексеев носит... Георгия на шее... постоянно. Алексееву делает честь то, что он одновременно носит длинную бороду, которая и закрывает этот орден и таким образом не возбуждает... печальные мысли»... (из «Воспоминаний» Витте. Т. I, стр. 319).

[2] Трусов и дезертиров оказалось до 15 человек (на 4 тысячи человек), которые прятались, а частичка спаслась на транспорте «Борго».

15-му экипажам, по пути освободив из карцеров содержавшихся там матросов Лазарца, Анненкова и др., которые внутри помещения разбили все скамейки, выбив рамы и [illegible]

Вскоре присоединились команды 6, 13 и 15 экипажей.

В 15 экипаже была выведена боевая полурота, и ей приказано было командиром 6-го экипажа кап. 1-го ранга Арнаутовым для острастки дать залп в воздух. Но этот залп послужил сигналом к вооружению.

Ирецкой [1] был очень недоволен Арнаутовым за то, что он вмешался не в свое дело. Он запросил последнего: «Какая была цель и в кого стреляли? Если была необходимость стрельбы, то почему вверх?»

— Армейские идут! Вались, за винтовками! — закричали матросы.

— В нас будут стрелять, а мы будем стоять вместо мишеней, шалишь! Бери винтовки!

— Ломай будки! Разбивай арсенал!

В 6, 13 и 15 экипажах были немедленно разбиты будки, стоявшие во дворе, где хранились патроны. Ружья находились в ротных пирамидах. Теперь не страшны были и «армейские» [illegible]

Вечером 15-го же числа был обстрел офицерских и кондукторских помещений. Несмотря на то, что офицерство готовилось ко всевозможным событиям, оно растерялось при обстреле, и офицеры разбежались. За офицерами последовала и их верная опора — фельдфебеля, боцманы и «шкуры» [2].

«Один фельдфебель спрятался под койку и оттуда приказывал дневальным спрятать ружья; другой убежал в лес, оттуда на огороды, с огородов в город; ему все время чудилась погоня... Экипажные командиры... о них лучше не говорить... Что касается квартирмейстеров, то они были всегда на стороне матросов» [3].

2. Матросы и рабочие.

Дело, конечно, было не в мясе и не в червях, а в более опасных «бациллах». Начальство отлично это понимало, знали это и передовые, активные моряки-революционеры.

---

[1] Контр-адмирал, командир порта.

[2] Матросы всех сверхсрочнослужащих называли «шкурами».

[3] Из письма следователя по делу о беспорядках к гл. в.-м. прокурору. Дело военно-морского судного управления за 1905 г. № 167 л.л. 64—66.

— «Люди читают газеты, в городе рядом все время забастовки», — с возмущением пишет лейтенант фон-Шульц своему патрону, главному прокурору.

Командир 115-го пехотного Вяземского полка генерал-майор Токайшвилли, прибывший для усмирения матросов, так пишет в своем рапорте царю:

... «В общем вынес убеждение, что недовольство пищей послужило лишь поводом для тех матросов-агитаторов, которые были увлечены революционной пропагандой, и что агитация находит благоприятную почву».

Комендант крепости генерал-лейтенант Белявский более скромно замечает о влиянии посторонних сил на выступление:

«Имею основания полагать о связи этого движения с недовольными элементами Либавы. Офицерский состав не овладел своими матросами» ...

Командующий войсками Виленского округа ген. Фрезе (это все «прямое» начальство матросов, заботящееся об их «благе») дает краткую, но меткую характеристику матросам:

«Братание матросов с рабочими, дерзкое отношение к офицерам — эти явления в Либаве постоянные».

А командир порта контр-адмирал Ирецкой более подробно описывает подготовку к выступлению и причины его.

... «Недовольство привезенным дурным мясом в 1-й экипаж было только предлогом, а не причиною возмущения. Крики из толпы «Свобода» ясно указывают на заранее задуманное и решеное дело. Одновременное совпадение с позорным эпизодом в Черном море[1] еще более укрепляет меня в этом убеждении. Долгое пребывание в порту черноморской команды, разнузданность которой вызвала всеобщее негодование[2], очевидно имело влияние и подготовляло команду либавских экипажей к открытому и вооруженному неповиновению.

Несчастная мысль сгруппировать все 11 угольных транспортов в Либаве для несостоявшейся Аргентинской экспедиции[3], комплектование их отборными негодяями, при-

---

[1] Восстание на «Потемкине».

[2] На этом месте рапорта сделана пометка упр. мор. мин.: «а главное, полное отсутствие надзора и выполнение служебного долга».

[3] Царское правительство имело намерение купить аргентинские броненосцы. Достаточно было бы произвести эту покупку, как государства, бывшие в союзе с Японией, или по другим политическим мотивам, — увеличили бы японский флот. В этой области «подрабо-

сланными из Одессы... Сгруппирование купленных в Германии вспомогательных крейсеров — «Дон», «Урал», «Терек», «Кубань» и в особенности «Русь», комплектованных запасными нижними чинами, преставляющими уже сами собою недисциплинированную массу с прибавлением к ней всех отбросов Кронштадтских экипажей [1] и т. д., последовательное оставление всеми экипажами, уходившими из России, всего негодного элемента своего личного состава и замена их свежими лицами из порта, огромное накопление судебных дел и томление подсудимых в арестантском доме в ожидании суда, которого в порте нет и который приезжает периодически 3—4 раза в год, — все это также способствовало деморализации.

С прибытием черноморской команды и одесских бродяг [2], поведение их было настолько громко и возбуждало негодование, что при полном бездействии либавской полиции я получал только отчаянные заявления коменданта, полицмейстера, директора Департамента полиции, губернатора и других с просьбами принять меры против этой вольницы».

«... Главнейшею же причиною я считаю агитацию революционного комитета в Либаве, конечно, еврейского происхождения»...

Обычный припев российской реакции: при анализе общественного и революционного движения она упиралась в неизбежный тупик вроде: — «комитет еврейского происхождения».

Однако, Ирецкой во всех своих посланиях, как в главный морской штаб, так и упр. мор. мин. ни словом не обмолвился о том, что либавские матросы, еще до выступления «Потемкина», имели большие «грехи» и что им не впервые нарушать «святость присяги».

Возможно, что об этом не знали молодые мичмана или захудалые лейтенанты, но адмирал Ирецкой это знал. Он знал, что «во вверенном ему порту» в 1903 г. была забастовка портовых рабочих, имевшая политический и экономический характер. Он отлично знал, что тогда был послан наряд из вооруженных матросов 1-го флотского экипажа,

---

тал» адмирал Абаза и К°: были затрачены миллионы рублей на несостоявшуюся покупку. Раньше этой «идеи» вел. кн. Александр Михаилович и граф Гейден настаивали на отправке Черноморского флота на Дальний Восток. Достаточно было бы пройти Дарданеллы (Турция с большим удовольствием его выпустила бы), как в Черное море вошел бы английский флот.

[1] Пометка упр. мор. мин.: «это глубочайшая неправда».

[2] Пометка упр. мор. мин. «?».

который и в 1905 г. пошел первым в фарватер «Потемкину». Перед выступлением этого отряда для усмирения забастовщиков командир его, офицер Бадягин, сказал матросам речь, смысл которой был таков:

«Все, кто бунтуют, кто призывает к выступлению против существующего строя — являются врагами царя. Этих людей нечего жалеть, их надо расстреливать, их надо уничтожать. И вот нам выпала трудная задача — силой славного русского оружия заставить повиноваться этих вредных забастовщиков, играющих в руку врага, повиноваться закону и власти. И я уверен, я более чем уверен, что наряд исполнит это, исполнит — когда нужно будет расстрелять эту сволочь».

Вместо: «постараемся, ваше высоко-бродь», — Бадягин получил в ответ... гробовое молчание.

Матросы промолчали, офицер был сконфужен, его красноречие не нашло отклика...

А матросы дали знать рабочим, что их собираются силой заставить работать, и вместе с предупреждением заявили им:

«Делайте свое дело, а мы стрелять не будем в вас».

Позднее, осенью же 1903 года, в Либаве забастовали некоторые заводы. Для «водворения порядка» и острастки был составлен боевой отряд из 6-го флотского экипажа. Матросы категорически отказались от этой операции, и, как ни странно, начальство молча проглотило эту пилюлю, проглотило, — но намотало себе на ус, что за матросами надо еще усерднее следить.

После 9-го января в Либаве были волнения. Ирецкой, не надеясь на охрану порта матросами, просил у начальника гарнизона генерала Кршивицкого кавалерию, но получил отказ и указание: «охранять порт морскими командами». Тогда Ирецкой обратился к Авелану, чтобы последний оказал давление на генерала.

Подготовка к отправке эскадры Рожественского на заклание в Цусиму и спешность этой подготовки заставили морское министерство расширить рамки портовых мастерских, влить в них большое количество высококвалифицированных рабочих и матросов.

Так, весною 1905 г. на судостроительном заводе работало до 2-х тысяч квалифицированных рабочих и 500 матросов. Кроме совместной работы в мастерских, цехах и т. п. рабочие работали и на самих кораблях, где общение их с матросами было очень тесным.

В апреле 1905 г. была издана с.-д. листовка «О больных вопросах», которая широко была распространена. Либава, а в особенности порт, были насыщены революционной литературой, и, конечно, матросы наравне с рабочими читали ее.

Рабочие организации были уверены, что при всех выступлениях и столкновениях с властями, они найдут в матросах не врагов, а друзей. И портовое начальство всегда, когда надо было прибегнуть к военной силе или запугиванию военной силой, обращалось только к сухопутным войскам.

В апреле же месяце 1905 года в порту вспыхнула забастовка, основные требования коей были: 8-ми часовой рабочий день, увеличение заработной платы на 20%, контроль делегатских собраний при приеме и увольнении, выбор расценочно-конфликтной комиссии и т. п. Командир порта ввел в порт войска и силой хотел заставить рабочих работать, но из этой затеи ничего не вышло, и ему пришлось итти на уступки.

24 апреля 1905 г. Ирецкой сообщил шифрованной телеграммой управ. мор. мин., что:

«Мастеровые, прекратив работу, предъявили требования, с некоторыми пунктами согласился, о других, превышающих мои права, доношу».

Основной пункт, «превышающий» права командира порта, это был 8-ми часовой рабочий день, но он проводился фактически, хотя официально и не был признан.

Требования рабочих были удовлетворены накануне 1-го мая. Настроение рабочих было приподнятое, поэтому демонстрация 1-го мая вышла внушительная: помимо портовой территории рабочие прошли и по городу. Несмотря на принятые меры и всевозможные запрещения со стороны морского начальства, — *матросы шествовали в рядах рабочих.*

В этой удачной забастовке матросы сыграли не последнюю роль. Начальство знало, что, как военная сила против забастовщиков, матросы в счет не шли, напротив, они были на стороне рабочих и являлись реальной угрозой. В случае неудовлетворения требований рабочих, матросы, скорее всего также прекратили бы работать, ибо в этой области велась подготовка. Первое время забастовки, когда в порт были введены драгуны и последние иногда задерживали рабочих, разбрасывающих листовки, матросы силою освобождали их. Потом они повели другую линию по отношению

к драгунам и солдатам: развернули агитацию среди «усмирителей» и стали их «угощать» листовками, находили земляков и разлагали их. Лейтенант фон-Шульц доносил об этой агитации главному прокурору:

«На всех углах армейские патрули, с которыми беседуют матросы».

Те из солдат, которые ведут себя «вызывающе» и были грубоваты с рабочими, «получают угрожающие письма».

За время подготовки эскадры для отправки на Дальний Восток, дисциплина во флоте совершенно пала. Если уход эскадры адмирала Рожественского сопровождался рядом «недоразумений», то перед уходом отряда Небогатова город был во власти матросов. В порту были разгромлены полицейские участки, а жандармские будки сброшены в каналы. Ко всему сказанному надо еще добавить, что многие матросы состояли в революционных организациях и вели в экипажах пропагандистскую и организационную работу.

3. Вместо наступления — «перемирие».

Но вернемся к июньским событиям.

Командир порта, боясь, что транспорты присоединятся к восставшим экипажам, отправил их 15 июня в Кронштадт. В порту в это время остались два старые, никуда негодные броненосца: «Адмирал Спиридов» [1] и «Адмирал Чичагов» да пара миноносок. Командир порта не имел реальной силы не только для подавления восстания, но и для защиты порта. Портовая стража — «далматы» [2] большей частью также попрятались или разбежались.

«... Около 3-х часов времени было потрачено мною с комендантом крепости на телефонные и телеграфные переговоры о присылке войск», — пишет Ирецкой новому морскому министру адмиралу Бирилеву, — «и под утро были присланы из крепости 2 роты артиллерии с пулеметами и весьма незначительная часть пехоты. Этой горстью вооруженной силы я мог воспользоваться только для занятия главнейших стратегических пунктов в ограждение адмиралтейства, пороховых погребов и офицерского населения порта. К дикому буйству матросов я должен был ожидать еще присоединения рабочих адмиралтейства и нашествия городских

---

[1] На «Адмирале Спиридове» только 20 мая 1905 г. были произведены небольшие беспорядки и за это разжаловано 19 унт.-офиц. в матросы I статьи.

[2] Так матросы называли портовых сторожей.

рабочих через первый район порта, о чем мог судить по разбросанным прокламациям и глухому ропоту рабочих; почему слабые воинские части употребил только на удержание позиций».

В Петербурге были заняты восстанием на «Потемкине», и Либава стояла на втором плане. Поэтому на настойчивые просьбы Ирецкого о присылке войск гл. мор. штаб ответил:

«Командируются прокурор и два следователя... Относительно военной силы, рекомендуется снестись с командующим войсками и если он не исполнит, то... снестись с генералом Треповым, который непосредственно уже снесется с военным министерством» [1].

Николай II впервые узнал о восстании в Либаве 16 июня утром от министра юстиции Манухина, который кратко, отчасти неверно, изложил царю о происшествии:

«Считаю долгом всеподданнейше доложить е. и. в., что мною получено от прокурорского надзора Либавского окружного суда следующее донесение по телеграфу:

«Вчера вечером, в военном порте взбунтовались из-за пищи команды четырех экипажей до 5 тысяч человек [2]. Вооруженные произвели беспорядки, стреляли, избили трех офицеров. Были вызваны пехота, казаки, артиллерия. При подавлении беспорядков два матроса убиты, шесть ранено. Матросы в город и рабочие в порт не впускаются. В городе пока спокойно» [3].

Неутешительные известия получались в Петербурге, но и предпринять что-либо решительное для подавления восстания были здесь бессильны. Вскоре после выступления матросы с красными флагами направились в город, но порт от города отделен водою и попасть на противоположный берег можно было только на паромах. На городской стороне были выстроены сухопутные части. Матросы вступили

---

[1] Бирилев в недоумении написал против этого места: «Неужели это правда?» На этот недоумевающий вопрос вице-адмирал Безобразов ответил Бирилеву: «По получении просьбы командира порта о присылке войск я, с ведома б. управ. мор. мин. просил и. д. начальника глав. штаба об этом, получил обещание в содействии и, вместе с тем совет: при надобности командиру порта самому обращаться к командующему войсками, который будет всегда содействовать, если будет к этому возможность. Только в случае отказа о присылке войск, гл. мор. штаб указывает обратиться к генералу Трепову».

[2] Неверно: 5 экипажей, до 4-х тысяч человек.

[3] Мин. юстиции, 3-е уголовное отделение за 1905 г. дело № 17731, рукою Манухина написано: «его величество изволил рассмотреть 16/VI в Петергофе».

в переговоры о пропуске в город, но солдаты не решались пропустить. Тогда было достигнуто соглашение: солдаты стрелять в матросов не будут, матросы в город не пойдут [1]. Этим соглашением матросы сделали большую ошибку, так как переправу и сообщение с городскими рабочими надо было захватить в свои руки, тем более, что настроение либавских рабочих было приподнятое и от моральной поддержки они могли перейти к активным действиям.

В первый день выступления были убиты два матроса 9-го флотского экипажа *Владимир Винклер* и 15 ф. эк. *Григорий Тимофеев*. На месте убитых были поставлены два креста, и матросы готовились к торжественным похоронам.

Командир порта растерялся: только 16 июня около 2 часов дня он вспомнил, что надо телеграммою сообщить о происшествии царю и в морское министерство. Описав подробности восстания, он так заканчивает свое донесение:

«Положение чрезвычайно серьезное. Прошу немедленно телеграфировать командующему войсками о присылке военной силы, которой в Либаве крайне мало. Повторяю, положение крайне серьезное... В Либаве и порту много агитаторов и тайных агентов-иностранцев».

По поводу сообщения о «тайных агентах-иностранцах» Ирецкой потом сожалел. На этом докладе Николай II положил резолюцию следующего содержания:

«Агитаторов и иностранных агентов нужно арестовать и выслать».

А их наяву-то не было. В то же время департамент полиции «во исполнение высочайшего повеления» наседал на Ирецкого. В помощь последнему пришло либавское жандармское управление, которое составило список агитаторов из рабочих на 35 человек и просило министерство внутренних дел, вернее департамент полиции, об административной высылке их. Что касается «иностранцев», то оказалось, что на купленных в Германии 11 пароходах были поляки, которые казались весьма подозрительными в политическом отношении.

Не имея достаточной военной силы, начальство не делало попыток наступления на восставших матросов. Последние тоже, легко одержав победу и захватив порт в свои руки, не принимали никаких шагов к расширению базы,

---

[1] Комендант крепости ген.-лейт. Белявский, так сообщает Авелану: «отношение к войскам матросов было пассивное... указывалось на невозможность «стрелять собратьев». Из телеграммы от 18/VI. Дело гл. морского штаба № 26486.

укреплению занятых позиций, принятию оборонительных мер на случай наступления правительственных войск. Еще больший промах совершили не столько матросы, сколько революционные организации, которые не учли такие большие возможности и не взяли руководства в свои руки, хотя были достаточно сильны, особенно латышские с.-д. Рабочие при первом призыве были бы на стороне матросов. Захват Либавы и либавского порта — третьего по величине и значению в Балтийском море, в разгар потемкинско-одесских событий, общего революционого настроения в стране и полного недоверия к правительству после Цусимы не только со стороны рабочих, но и либеральных кругов, — более организованный и длительный захват Либавы имел бы большое революционное значение. Правительство могло наступать только сухопутным путем, флот оно не посмело бы послать, из-за боязни, что корабли перейдут на сторону восставших. Да и состав флота был слишком незначителен: из броненосцев только «Слава» имел боевое значение.

Так или иначе получилось как бы «перемирие».

4. Похороны и усмирение.

18 июня матросы готовились хоронить убитых товарищей, и в этот же день для усмирения прибыл 115-ый пехотный Вяземский полк из Риги.

На вокзале усмирителей встретили морские офицеры, и здесь был выработан план наступления и захвата порта.

Ирецкой был очень недоволен тем, что полковник Корсакевич не исполнил его пожелания, чтобы офицерам-усмирителям вяземцам был предоставлен салон-вагон. «Людям, идущим охранять порт от крамолы, пришлось ехать в грязных товарных вагонах».

Начальство боялось, что в день похорон убитых будут снова вспышки и более сильные. Ирецкой надоедливо просил у коменданта усилить состав войск... на время похорон. 18 июня он сообщил в морское мин.: «положение серьезно, ожидается тоже в артиллерии».

Похороны прошли спокойно: речи и словесные угрозы в счет не идут, и адмирал Ирецкой спешит обрадовать свое высшее начальство:

«Вчера (телеграмма от 19 июня) происходило погребение двух убитых матросов. Предполагалась демонстрация, но принятыми мерами все было тихо и спокойно»... и тут же, захлебываясь от радости, сообщает:

«завтра придут 2 эскадрона драгун».

По прибытии сухопутного войска первой задачей начальства было — обезоружить матросов, после чего можно было приступить к арестам и следствию.

Кольцо войск сжималось, а матросы не давали отпора. Прибывшие войска имели пушки, а моряки были вооружены только винтовками. При таком положении вещей было ясно, что много жертв будет как с той, так и с другой стороны... Начались переговоры между начальством и восставшими. Матросы предъявили требования из 27 пунктов: после занятий чести не отдавать, 5-летний срок службы вместо 7 лет, вежливое обращение офицеров и т. д. При удовлетворении этих требований матросы соглашались отдать оружие.

Требования были приняты, и к-р. порта обещал просить царя об удовлетворении их... Матросы были обезоружены, но держались дружно, сплоченно, надеясь еще постоять за свои права.

Так как следственный аппарат прибыл из Петербурга ранее, чем войска из Риги, то теперь и ему оказалась «работа». К 1 июля было арестовано 84 человека[1].

Власти стояли перед большими трудностями: куда запереть, куда изолировать арестованных?

Ирецкой запросил коменданта от 21 июня:

«Не представится ли возможность поместить в казематах... наиболее ненадежный элемент нижних чинов вверенного мне порта и в случае согласия... не отказать уведомить меня, сколько человек можно поместить в означенных фортах».

Комендант крепости ответил Ирецкому, что:

«Казематы на головках молов слишком тесны для того, чтобы в них можно было поместить арестованных матросов и караул».

Тогда к-р порта дал новую идею: приспособить один из броненосцев, а именно «Адмирал Чичагов», под тюрьму, поставить его в аванпорте под конвоем миноносца. При этом выражалось глубокое сожаление, что на «Адмирале Чичагове» можно поместить только 250 арестованных. За эту мысль ухватились и комендант крепости и командующий войсками Виленского округа генерал Фрезе.

---

[1] Комендант крепости сообщил Авелану, что ружей унесено 54 шт., а к-р 6-го экипажа донес к-ру порта, что в его экипаже нехватает патронов: холостых — 950 шт., боевых — 2.739, револьверных — 1.388. (Упр. порта, дело № 13 за 1905 г., л. 44).

Последний особенно настаивал на этом:

«Я настаиваю на том, — пишет Фрезе военному министру Редигеру от 25/VI — № 748, — чтобы все виновные были немедленно удалены из порта на разоруженный броненосец в аванпорте или иным порядком, т. к. присутствие их в порту будет служить постоянной угрозой порядку и поводом для новых вспышек волнения среди остальных матросов. Следствие, полевой суд и исполнение приговора должны отличаться быстротой и неумолимой строгостью»... Тем более долг обязывает, т. к. у либавских артиллеристов, имеющих более частое сношение с моряками, уже заметно повышенное нервное настроение».

Генерал Фрезе напрасно горячился и доказывал военному министру уже доказанное. Еще 24 июня морское министерство разрешило Ирецкому превратить старый броненосец в тюрьму, несмотря на то, что на «Чичагове» предстояли спешные работы. По поводу работ мор. министр положил такую резолюцию: «Отменить, конечно, это приказание было отдано до бунта».

Командиру порта, коменданту крепости, командующему войсками округа (последний жил далеко от Либавы) и прочим властям надоело сидеть на действующем вулкане и ждать ежедневно новых вспышек. Поэтому решено было разрядить атмосферу, очистить порт от неблагонадежных элементов: одних предать суду, других выслать из порта в армию, третьих — удалить в запас.

5. В поисках средств «оздоровления».

Следствие велось своим чередом, а в это время начальство выясняло причины движения и средства, чтобы в дальнейшем не допустить повторения «печальных событий». Возник спор: кто виноват?

Ирецкой всю вину сваливал на гл. мор. штаб, который не шел ему навстречу для оздоровления «атмосферы», а наоборот, — ухудшал положение. Ирецкой писал о крамоле, которая свила прочное гнездо в порту, и о том, что гл. морской штаб сделал Либаву местом ссылки «порочных». Адмирал Авелан с желчью пометил на рапорте против этого места:

«Крамола уничтожается постоянством наблюдения. Очень легко и просто полнейшим невниманием довести до беспорядков, а затем свалить крамолу другим... Было распоряжение, сделанное мною, чтобы дурного поведения

нижние чины были назначены на эскадру (Рожественского) — отчего оно не исполнено?»

Авелан был «прав» по-своему: зачем топить и калечить во время предстоящего боя с японцами «хороших» людей; крамольные были более подходящим элементом.

Изложив ряд грехов гл. морск. штаба и гл. командира флота и портов Балтийского моря, Ирецкой предлагает «немедля энергично приступить к следующему»:

... «в экипажах сгруппировалось около 4.000 матросов, между которыми много запасных и которые только увеличивают число недовольных. Этим людям решительно нечего делать, я не могу ничем занять их[1], т. к. они обезоружены и им нельзя доверять никакой полезной работы, не отвлекая для этой цели конвой сухопутных войск. Эта же мера прсвела бы только к еще большему возбуждению и отвлекла и без того незначительную часть войск ... поэтому:

1) Немедленно раскассировать весь 1-й экипаж, за исключением арестованных, причастных к делу возбуждения восстания, в войска действующей армии, где они будучи распределены по 3—4 на полк, совершенно затеряются в общей массе ... будет дана возможность смыть с себя позор[2] и заслужить помилование.

2) Уволить всех запасных нижних чинов сейчас же на родину, кроме привлеченных следствием.

3) Отобрать из 6, 9, 13 и 15 экипажей самый ненадежный элемент и раскассировать их тоже в действующую армию ... Вместе с 1-ым экипажем таких найдется около 1.400 человек.

4) Команду крейсера «Русь», находящегося теперь в Кронштадте, раскассировать по указанию его командира. Эта команда, будучи комплектована из отбросов (?) кронштадтских экипажей, представляет из себя некоторое подобие команды брон. «Князь Потемкин Таврический» ...

Далее:

«Признанных следствием виновных судить полевым судом и приговор привести в исполнение в Либаве[3] ... Если команды попросят через своих командиров моего прибытия[4] и принесут мне повинную с полным раскаянием, то та-

---

[1] Авелан сделал пометку: «А надо было их занять, это первая обязанность командира порта».

[2] У шайки героев Ялу и Цусимы хватало наглости говорить о «позоре» матросов-революционеров ...

[3] «Конечно», пометил Авелан.

[4] «Не то. Надо каждый день бывать в экипажах». — Авелан.

ковых я приведу вновь к торжественной присяге. Но надежды на это у меня мало.

Команда слишком сплочена и чувствует себя при отсутствии офицеров хозяином положения. Удерживает теперь свои страсти только потому, что видит в порту вооруженную силу, готовую ежеминутно прибегнуть к оружию. Эту воинскую силу нельзя держать в порту долго и, следовательно, придется опять раздать оружие для несения многочисленной караульной службы.

Настроение их таково, что как только сухопутные части уйдут, то толпа в 4.000 матросов с прибавлением к ним либавских и портовых мастеровых предаст полному разгромлению весь порт»...

С полной безнадежностью заканчивает Ирецкой:

«Если настоящий рапорт мой и требования мои вызовут негодование вашего высокопревосходительства, то прошу о смещении меня. Не имея возможности опираться на силу, я должен, к сожалению, сложить с себя всякую ответственность в том, что я неизбежно предусматриваю» [1].

Генерал Фрезе в рапорте военному министру, говоря о либавском восстании матросов и той активной роли, каковую сыграл военный округ в присылке войск, обвиняет гл. морск. штаб в бездействии при подавлении восстания:

«Вызванные в Либаву войска в течение нескольких дней должны были стоять в положении простых зрителей перед бунтующими и совершенно безнаказанными матросами».

25 июня контр-адмирал Ирецкой снова строчит весьма секретный и в. срочный рапорт упр. морск. министерством:

«...При двукратном разговоре с командами всех экипажей, а также из донесений командиров экипажей и тех сведений, которые известны мне из данных предварительного следствия, — я с уверенностью и твердостью могу доложить, что в командах экипажей вверенного мне порта нельзя усмотреть никакого раскаяния в сделанном ими поступке [2].

Внешний порядок, который теперь наблюдается в экипажах, является результатом пребывания в настоящее время сухопутных воинских частей в порте. С уходом этих частей из порта я ни на одну минуту не могу ручаться за спокой-

---

[1] Авелан написал такую резолюцию: «Заключение статского советника, а не адмирала, в порте которого произошел бунт. Очень легко и просто: или подай невозможного, или я ухожу».

[2] «А на какой рассчет это раскаяние»? — отметил Авелан.

ствие в командах [1], деморализованных совершенными ими беспорядками в ночь с 15 на 16 июня.

На мои предложения командам выдать зачинщиков, команды до сих пор ни одного *не выдали*..., обнаружено до настоящего времени около 50 виновников... Зараженные духом своеволия и беззакония [2], произведшие безобразное и бессмысленное возмущение, команды не могут, оставаясь при тех же условиях и обстановке, преобразиться в дисциплинированные воинские части, в особенности, если принять во внимание, что авторитет их ближайших начальников в глазах их является подорванным» [3].

Ирецкой опасается, что возможно будет еще выступление, но после первой репетиции оно будет более организованно и примет другие формы. Он настойчиво предлагает — немедленно убрать 1-й флотский экипаж и раскассировать остальные, оставив на усмотрение командиров $^1/_3$ часть состава. Пометка морского министра против этого места гласит:

«Читаешь и не веришь, а куда же деть остальных распущенных... и где выход? Конечно, если не будет людей, — то не будет и возмущения... Когда останутся одни ангелы, то можно и поручиться. Надо смотреть, а не избавляться от всего, что требует надзора».

---

5 июля прибыл в Либаву для водворения порядка, выяснения причин восстания и искоренения их вице-адмирал де-Ливрон.

Он делал опрос команды, последняя указала на ряд безобразий со стороны начальства.

Де-Ливрон согласился с местным начальством раскассировать 1-ый экипаж и предлагал оставить в Либаве не больше 2.000 человек.

«Удаление отсюда порочных и восприимчивых ко всему дурному, — пишет де-Ливрон морскому министру, — особенно настоятельно выполнить, принимая в соображение влияние сильно агитирующих здесь тайных агентов либавской социал-демократической революционной партии, которые будучи неуловимы, распространяют по порту прокламации»...

---

[1] «Упадок духа» — Авелан.
[2] «Надо было зорко смотреть ранее» — Авелан.
[3] «Это доносит командир порта?» — Авелан.

10 июля было закончено судебное следствие. Арестованные в числе 106 человек держались достойно. Следователь лейтенант фон-Шульц дает такую характеристику большинства обвиняемых:

— «Ничего не видал, ничего не знаю».

Характерно, что восстало почти 4 тысячи человек, привлекли к ответственности сотню, хотя фактически команда всех 5-ти экипажей была под арестом. Пехотинцы, казаки, драгуны крепко охраняли матросов, но последние не падали духом. Это подтверждает интересный документ — рапорт к-ра порта морскому министру Бирилеву от 9-го июля за № 398.

«...Представляя при сем один экземпляр разбросанных сегодня по всему порту воззваний одного из либавских комитетов к матросам [1], доношу, что подобные воззвания раз-

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

Товарищи матросы!

Недавно мужественно восстали мы против своего злодейского начальства. Долго и покорно терпели мы его бесчеловечное издевательство, грубый произвол, беззастенчивое воровство из нашей и так уже жалкой доли содержания. Долго смирялись мы с гнилым мясом и совершенно испорченным провиантом. Но переполнилась чаша нашего непомерного терпения, нашей ослиной выносливости и мы восстали гордо и смело... Затрепетало наше башибузуцкое начальство и забегало, закружилось в диком испуге... Но жалкие трусы и презренные пресмыкающиеся те из нас, которые бестыдно, бессовестно выдали на убой своих братьев, своих товарищей...[2]. Какими глазами вы, жалкие трусы, будете смотреть на выданных вами товарищей — борцов, когда их невинная, святая кровь будет проливаться при преступной казни — за вас, понимаете, — за вас. Неужели зверское начальство высосало из груди вашей последнюю капельку совести, чувство справедливости?.. Вечный позор и общее презрение будут спутниками вашими и слово «предатель» будет висеть над головой вашей, как страшный призрак. Только кровью своей вы можете очистить себя.

Товарищи! В ком не погасло еще светлое чувство товарищества и братства, в ком живо еще высокое чувство справедливости и сострадания к брату своему, те все, как один, единодушно восстанем и не дадим зверски казнить своих героев-товарищей и пролить их чистую кровь. Так пускай же льется и наша кровь, ведь за наше общее дело страдают они... Но, товарищи, если мы будем единодушны и, как грозная стена, будем стоять один за всех и все за одного, то гнусная шайка кровопийц наших не осмелится нас трогать своей преступной рукой. Если мы позорно дадим казнить своих лучших товарищей, то презренное начальство нас снова будет притеснять во всем

---

[1] Латышск. Соц. Дем. Рабочая Партия.

[2] (Это относится к сухопутным войскам. *Автор*).

и кормить никуда негодной пищей, ибо оно увидит, что мы боимся его. Но оно должно нас бояться, уважать и видеть в нас человека, а не животного. И так, товарищи, не забудемте же святого долга человеческого к своим невинным товарищам и ни за что не дадим их гнусно казнить — за то, что требовали они справедливости, только справедливости. Поэтому, товарищи, последуем примеру героев-одесситов, и в случае казни товарищей, первыми пулями поразим наше преступное начальство.

Долой преступное начальство! Долой бесчеловечную дисциплину! Долой самодержавие! Да здравствует справедливое и свободное народное правление!

4-го июля 1905 года.

Либавский Комитет.

брасываются почти ежедневно. При огромном количестве мастеровых строительства, а так же мастеровых адмиралтейства прекратить появление этих воззваний невозможно, для этого следовало бы распустить всех мастеровых и прекратить все работы. Подобная мера практически невозможна, т. к. увеличит только число недовольных и обездолит их существование и все-таки прокламации появляться будут, т. к. порт всегда связан с городом и крепостью.

Упорное нераскаяние матросов и их сознательное убеждение в том, что они правы в своих действиях, произведенных ими с 15 на 16 июня, поддерживается и всегда будет подогреваться действиями либавских анархистов, террористов и революционеров, против которых либавская малочисленная и крайне плохая полиция совершенно бессильна».

На этом основании Ирецкой просит:

...«немедленной присылки в Либаву и во вверенный мне порт возможно большего числа агентов, т. к. только этою мерою можно достигнуть если не совершенного прекращения влияния либавских комитетов на матросов, то, по крайней мере, значительного уменьшения этого влияния».

Далее предлагается объединить в одном лице жандармскую власть для успешности борьбы с революционными комитетами, как это сделано в Кронштадте.

6. Суд и приготовления к казни.

С судом власти спешили. В последних числах июля должен был состояться суд, но председатель в. м. суда в Кронштадтском порту ген.-лейт. Зеленой опоздал с выездом в Либаву на несколько дней, за что был потом привлечен к ответственности.

С 1-го по 11-е августа происходил временный военно-морской суд в порту под председательством ген.-лейт. Зе[illegible]

Членами суда были: д. с. с. *Певцов* и подполковник *Старк*, временные члены: капитаны 1-го ранга *Бергштрессер* и *Воеводский*, 2-го ранга *Юрьев* и *Мордвинов*, при прокуроре, полковнике *Крамаровском* и при пом. прокурора шт. капитане *Пик*, секретарях *Савицком* и *Андерсоне*.

Суд протекал в нервной обстановке. Властям уж очень хотелось отомстить, но они боялись, что несмотря на все принятые меры и усиление войск в порту вспыхнут новые восстания, которые опрокинут вместе с судейскими креслами самих судей и сметут все судебные атрибуты. Поэтому пришлось выбрать среднее.

Суд приговорил:

8 человек к смертной казни: — *Дорофеев* Павел, *Шпаковский* Игнатий, *Ткачев* Сергей, *Анненков* Андрей, *Субботин* Иван, *Лазарев* Иустин, *Тарасов* Павел, *Колесников* Гавриил.

19 человек получили срочную каторгу, из них *Токарев*, *Фомин*, *Рычков* и *Ланских* на 10 лет; *Хабибулин* на 9 лет; 4 человека по 7 лет, 1 на 6 лет, 1 на 5 лет, 1 на 4½ года и 7 человек по 4 года; 1 — дисциплинарный батальон, 2 — тюрьма, 26 — строгий арест. Остальные были оправданы.

Местное высшее начальство, — в лице коменданта крепости ген.-лейт. *Белявского* и командира порта контр-адмирала *Ирецкого*, — еще во время суда было озабочено организацией исполнения приговора. 9 августа Белявский пишет «весьма секретно» и с передачей «в собственные руки» поучительное письмо Ирецкому. Документ настолько интересный, что его следует привести почти полностью:

«Если придется приводить в исполнение смертный приговор, то местом для смертной казни необходимо избрать территорию морского ведомства по прибрежью, к северу от Северного мола.

Самый смертный приговор должен быть приведен в исполнение морскими командами, что и будет служить знаком отрешения последних от солидарности с содеянным злодеянием. Распоряжения по приведению смертной казни в исполнение могут быть, по моему мнению, возложены вами на начальника береговых команд или же на командира артиллерийского отряда.

Для каждого из подлежащих смертной казни на самом месте казни должна быть вырыта яма, с тем, чтобы по окон-

чании казни ямы эти были заравнены под общий уровень окружающей местности и без всяких внешних признаков могил; заблаговременно необходимо заготовить повязки на лицо приговоренных к казни[1].

В виду возможных осложнений при приведении в исполнение приговора суда, распоряжение по охране, как при отправке из порта осужденных к тяжким наказаниям, так и при совершении смертной казни возлагаю на генерал-майора *Косова*, которому и прошу вас передать об этом поручении. Я прошу передать генерал-майору Косову, что я жду от него подробно разработанных планов и соображений по охране на оба вышеупомянутых случая, по предварительному с вашим превосходительством совещанию».

Заготовка леса для столбов, выбор места, приготовление лопат и др. инструментов, шитье повязок для моряков, — все это оказалось напрасным трудом.

Морской министр адмирал Бирилев 17 августа заменил смертную казнь каторгою: *Дорофееву* и *Шпаковскому* — без срока, *Ткачеву* — на 20 лет, *Анненкову* — на 18 лет, *Субботину*, *Лавареву*, *Тарасову* — на 15 лет и *Колесникову* на 10 лет.

29 августа осужденных заковали и отправили в Москву в Бутырскую тюрьму, а 16 января 1906 года их перевезли в Нерчинск и Акатуй.

7. «Чистка» порта и флота.

После суда и отправки матросов на каторгу, начальство приступило к дальнейшему выполнению намеченной программы: удалению из порта 1.300 человек неблагонадежных матросов в армию, а также к отправке запасных на родину.

Главнокомандующий Линевич очень не хотел укомплектовывать «негодными элементами» свою армию, наоборот он сам намерен был выслать из Владивостока в Кронштадт политически неблагонадежных матросов. А тут сюрприз: 3.000 зараженных революционным духом моряков в армию. 14-го августа Бирилев сообщил Линевичу: «последовало высочайшее разрешение перевести неспокойный элемент... в числе 3.000 человек.. в армию»... Раз высочайше, на рожон не попрешь.

---

[1] «Около ям должны быть поставлены столбы, к коим и будут привязаны осужденные на смертную казнь».

«Чистка» была произведена во всех портах и на всех кораблях. Но чтобы матросы «не подумали», что их списывают за «политику», морской министр предписал Ирецкому провести «разъяснительную кампанию»:

«объявите нижним чинам, предназначенным к переводу в армию, что они переводятся за излишеством людей во флоте».

По соглашению с военным министром списанные должны прибыть в Петербург не ранее 19, а в Одессу (Черноморский флот) — 24 августа, где будет ждать конвой из гвардейской пехоты: на 1.000 человек матросов — 100 конвоиров. Последние (из числа архинадежных) должны остаться на Дальнем Востоке вместе с матросами.

«Августейший главнокомандующий» приказал сборный пункт устроить в Михайловском манеже, а в случае недостатка места — в казармах Павловского полка.

Целая флотилия под командой адмирала Тихоцкого: «Европа», «Африка», «Минин», «Герцог Эдинбургский», «Океан», двинулась из Либавы в Кронштадт, с рассчетом прибыть в Кронштадт 18 августа, где матросов должны переодеть в пехотную форму. Бирилев, давая наставления Ирецкому, пишет: «чтобы ничего не брали матросского с собою... 19 августа к рассвету они на баркасах должны быть отправлены в Петербург... В Кронштадте до своза людей сообщения с берегом не иметь»...

В числе списываемых «за излишеством людей во флоте» были георгиевские кавалеры и участники Цусимы, которые перенесли весь ужас разгрома и попали в Либаве в число ненадежных. Потом «разъяснением» гл. морск. штаба они были освобождены от отправки.

Неблагонадежные отправлены на Дальний Восток под жерла японских пушек, т. к. предполагалось для «искупления вины» двинуть матросов в бой с японцами. Запасных матросов отпустили на родину. Вяземский полк нес службу исправно и покинул Либавский порт только 2 сентября. Однако успокоения не было. Хотя либавские матросы активно и не проявили себя во время октябрь-декабрьских событий, но удаление из порта всего активного и передового, конечно, отразилось на движении.

Власти учитывали, что при выступлении рабочих матросы все же окажутся на их стороне. Поэтому морские команды были на положении «подозрительных». Ожидалось усиление революционного движения по прибытии кораблей с Дальнего Востока. Этому приходу уделялось боль-

шое внимание со стороны и революционеров и властей. Последние принимали все меры, чтобы парализовать выступление матросов и распылить людей.

К-р порта учитывал возможность нового выступления матросов, которое будет опаснее июньского, т. к. налицо будет в порту 9.160 человек, из них 2.860 «своей» команды и 6.300 человек пришлых — экипажи возвращающихся судов, запасные и пленные.

«Надо серьезно вникнуть в моральное состояние нижних чинов, возвращающихся из плена, — пишет Ирецкой в гл. морской штаб от 25/XI 1905 г. — Люди эти, переиспытавшие на себе все ужасы и, главным образом, неудачи последнего (Цусимского) боя, нравственно потрясенные при спасении с погибших судов, пережившие позор и всю тяжесть плена, а поэтому, надо думать, и озлобленные всеми неудачами, выпавшими на их долю, конечно, будут иметь деморализующее влияние на команду, а поэтому их присутствие среди последней является не только нежелательным, но крайне вредным и опасным» . . . .

«Вместе с тем в виду все более и более охватывающего всю Россию революционного движения, усиленно прошу . . . сделать экстренное распоряжение о задержке за границей строящихся там миноносцев и минных крейсеров и не отправлять их в Либаву до наступления более благоприятного времени».

Прибытие потрепанной эскадры с Дальнего Востока к-р порта оценивал, как «бич божий», а комендант либавской крепости генерал Порошин считал такой опасностью, что «перед этой опасностью все наши опасения — ничто».

Осень и зиму 1905—06 гг. Прибалтийский край был охвачен пламенем революционного пожара. Все намерения морского министерства двинуть в тот или другой пункт военные корабли для подавления движения терпели неудачу: часть судов была неприспособлена к плаванию. Кроме того, власти боялись и весьма основательно, что корабли перейдут на сторону восставших. Единственное, что царский флот Балтийского моря за этот период мог еще сделать, это быть пугалом, но не больше[1].

---

[1] «Еще иногда высылались военные суда для сторожевой службы — по наблюдению и поимке частных судов, перевозящих оружие для революционеров. Так крейсер «адмирал Корнилов» одно время крейсировал вдоль берега Курляндии до М. Домеснес — с целью воспрепятствовать подвозу оружия для повстанцев с моря». (Из письма генерала Бекмана Ирецкому).

Правительство это учитывало. 7 декабря Бирилев срочно требовал от Ирецкого: «готовить немедленно башенный фрегат для посылки в Ригу».

Ирецкой ответил:

«Спиридов» и «Чичагов» без котлов, «Лазарев» без холодника, исправление которого может быть готово через 2 месяца, «Океан» и «Прочный» отправил в Виндаву. Послать некого».

«Океан» был послан именно в роли пугала, но и это пугало 8 декабря у маяка Стейнорт село на мель, после чего судно было поставлено в док. (На донесении, что «Океан» сел на мель, Ирецкой написал: «еще одно судно на мели, чем все это кончится»?[1]).

А между прочим, этим военным судам приказано было бомбардировать город Виндаву, где «законной» власти в Октябрьские дни не было и город был захвачен восставшими. В начале восстания подполковнику *Станкевичу* было вручено требование революционного комитета города Виндавы — немедленно покинуть с войсками город, что и было им выполнено.

8. «Гидра» революции несокрушима.

В ноябре положение в Либаве было настолько серьезным, что считалось неизбежным столкновение.

5 ноября Ирецкой предписал командирам «Океана», «Адмирала Корнилова», «Хабаровска», «Пылкого», «Прыткого» и «Прочного» — «быть готовыми во всякое время выйти по назначению».

А днем раньше комендант крепости выяснял у Ирецкого запасы продовольствия в порту, на случай восстания, и был очень озабочен тем, что казаки квартируют в порту:

«В случае мятежа ночью и в случае солидарности караула (флотского) с мятежниками, — офицеры и казаки будут захвачены».

Но и в городе нельзя оставить казаков за их «дурные наклонности», которые «раздражают население».

Кроме матросов, на подозрительном счету у коменданта были артиллеристы и минеры... «На случай восстания рабочих и матросов в порту, — пишет комендант порта, — я выработал новое распределение войск... по тревоге

---

[1] Почти одновременно с «Океаном» сел на мель и миноносец «Прыткий».

в порт идут: Либавский батальон до 1.000 человек, батальон Волжского полка 325 человек и полубатарея с 4 орудиями из города. Независимо этого — с севера идут артиллерийская часть и минная рота, к этому отряду присоединяются 2 сотни казаков в порту, и, кроме того, в случае надобности я тотчас же направляю туда и 3-й эскадрон драгун... Прошу извещать меня, если не ежедневно, то раз в 2 дня о положении (флотских) экипажей, о положении в порту».

Как видим, власти готовились во всеоружии встретить восстание. По отношению к рабочим политика была выжидательного характера, на ряд требований портовых рабочих Ирецкой уклонялся отвечать.

10 ноября Курляндский генерал-губернатор *Бекман* письмом «в собственные руки» запросил командира порта:

«В виду продолжающегося тревожного настроения в Либаве и бывших ранее печальных событий... прошу вас сообщить мне совершенно откровенно ваше мнение относительно флотских экипажей... можно ли рассчитывать на моряков, как на военную силу в случае возникновения беспорядков в Либаве и не следует ли опасаться проявления беспорядков среди самих матросов»...

Адмирал Ирецкой, положа руку на сердце, более чем откровенно заявил, что он не может ручаться за матросов, тем более в «теперешнее переживаемое всею Россиею тревожное время», и на посылку матросов, как военной силы, рассчитывать нельзя.

В распоряжении командира порта было 53 пулемета. Эти пулеметы крайне тревожили коменданта крепости генерала Порошина. Он знал, что «во время Кронштадтского бунта [1] — матросы прежде всего бросились к пулеметам, поставили их на перекрестках и продольно обстреливали улицы. Та же картина, — пишет *Порошин*, — возможна у нас, и в этом отношении крайне необходимо принять меры заблаговременно... обезвредить ваши пулеметы».

Пулеметы были «оскоплены».

Нужно отдать должное коменданту либавской крепости Порошину: порт-артурский генерал Стессель и владивостокский — Казбек, взятые вместе, не сделали столько по обороне крепостей от нападения японцев, сколько Порошин сделал в Либаве для отражения «внутреннего врага».

В совершенно доверительном письме от 29/XI генерал

[1] В октябре 1905 года.

Порошин сообщил адмиралу Ирецкому сведения о положении в Либаве и крае. Эти сведения были тревожны.

«... События идут с головокружительной быстротой, а последние, полученные известия отодвигают далеко на задний план всякие конфликты с рабочими. Только что получена от генерала Бекмана телеграмма: «в крепости сосредоточить войска из уезда и дайте знать в Газенпот о немедленном сосредоточении войск в городе». Из этого видно, что ожидается общее возмущение жителей в крае, как это было в 1862 г. Я заготовляю приказ об объявлении крепости в осадном положении, назначаю Совет обороны и сегодня вырабатываю диспозицию и распределение отделов обороны. До получения упомянутой телеграммы Бекмана мною были получены сведения о готовящемся мятеже войск 5 и 6 декабря, при чем сигнал будет дан будто в порту и матросы предполагают двинуться на север, на соединение с артиллеристами... Прошу назначить 2 вестовых миноносца для постоянного общения крепости с портом... Назначить судно наиболее благонадежное, на которое можно было бы поместить семьи как порта, так частью и города и казенных денег; конечно, одного судна слишком мало, и это зависит от решения вашего превосходительства. Матросы могут быть верны, но могут быть и не верны в экипажах. О том, какую задачу следовало бы представить матросам, если они будут верны, я сообщу — дополнительно. Конечно, в эти наступающие, быть может, чрезвычайно тяжкие дни, должен быть со стороны Михеладзе[1] и кап. Форсейля[2] самый усиленный надзор и г.г. офицеры должны быть непременно в экипажах. Мы — ночь на пятницу и следующие будем, конечно, не спать и будем на своих местах...

С нами бог.

Порошин»

Командир порта только и мог сделать, что выделить два миноносца для связи. В то же время он из «соображения возможной солидарности рабочих с матросами» поставил в аванпорте корабли: «Кубань», «Русь», «Анадырь», «Океан» и «Корнилов». Такая мера, конечно, не давала гарантии, но что же мог он сделать больше?

5 декабря беспокойный Порошин снова напоминает:

---

[1] Начальник жандармской команды.
[2] Пом. к-ра порта.

«Я имею очень положительные сведения о беспорядках, готовящихся рабочими, а, быть может, и зараженными войсками. Сегодня — 5 и больше всего 6 декабря завтра... В случае волнений я буду действовать беспощадно».

Выступления, которого так ожидали высшие власти в Либаве, 5—6 декабря не было, хотя все предпосылки были налицо.

8 декабря либавские ж.-д. линии, в том числе и ж.-д. телеграф, прибегли к забастовке. Провода правительственного телеграфа были испорчены, и Либава оказалась отрезанной от всей России.

Комендант мечтал наладить связь с судов по беспроволочному телеграфу, но Ирецкой «успокоил» его: «При системе нашего гл. морск. штаба, вернее, без всякой системы, трудно что-либо устроить».

В Либаве не было ни одного судна, способного связаться с Петербургом.

Рабочие порта упорно наседали на портовую администрацию: конфликт затягивался. В 10-х числах декабря рабочими было подано новое требование об удовлетворении «насущных нужд». Комендант крепости признал, что требование «неприлично и уж слишком нахально», и дал наставление коменданту порта:

«Если вы решитесь предпринять что-либо против рабочих ваших, то во всяком случае не иначе, как по предварительному — дня за 2—уговору со мною, при чем необходимо принять во внимание, что я ожидаю 14—15 декабря некоторое увеличение либавского гарнизона из Газенпота и раньше, крайне желательно и даже необходимо по возможности прожить мирно. Уж очень тяжелые времена».

Войска в крепость стали прибывать, 12 декабря были двинуты в порт еще 5 рот Усть-Двинского полка. Тогда Порошин снова поучает Ирецкого:

«Еще больше завязывать узел на своей шее нельзя. Надо разрубить этот узел и стать хозяевами своего положения, но хозяином, который сделал уже много, готов сделать еще больше, но то, что нужно, а не то, что нахально требуют. Полагал бы на заявление [рабочих] составить вполне мотивированный ответ, корректный, но и вполне решительный ответ... и как можно скорее предъявить его рабочим [войска пришли]. Если ответ будет принят недоброжелательно, то мастерские закрыть. Закрыть—и начать энергичную перетасовку личного состава вольных служащих».

Ответ был дан — по выражению — мягкий, по сущности — правдивый и по смыслу — вполне твердый и решительный». Эта «мягкость» не удовлетворила рабочих.

«На днях, вероятно, в городе наступят события решительные», — отмечает «барометр» коменданта, — «они возникнут — и это можно полагать с уверенностью, вследствие мер, которые я решаюсь предпринять против главарей нашего нынешнего террорного состояния. Нужно быть готовыми ко всему».

Власти в это время усиленно готовились спровоцировать несвоевременное рабочее выступление и залить мостовые улиц кровью. Из агентурных данных они знали, что перевес борьбы будет на их стороне.

Те же агентурные сведения говорили, что из 5 флотск. экипажей только 3 примкнут к рабочим, да и то обезоруженные. Сухопутных же войск в Либаве было более, чем достаточно.

Рабочие и партийные организации это тоже учитывали. Поэтому предполагаемое в ночь на 19 декабря выступление не состоялось. В Либаве наступило «затишье» ... Менее, чем через год потребовалось вновь удалить отсюда еще 287 «беспокойных» матросов. «Гидра» революции оставалась несокрушимой.

И. Шабалин.

ДНИ «СВОБОД» ВО ВЛАДИВОСТОКЕ (1905—1906 г.)

1. «Безотрадная картина».

Более четверти века тому назад внимание всего мира было приковано к схватке на Дальнем Востоке, где на полях Манчжурии и в водах Тихого Океана боролись армии и флоты России и Японии. Победила Япония, выдержав экзамен на зачисление в ряды «великих держав». Поражение России снова подтвердило полнейшее бессилие и разложение царизма.

Цусимская трагедия послужила прологом борьбы армии в союзе с трудящимися против самодержавия. Эта борьба внутри страны еще более усилилась, когда на сторону рабочих и крестьян перешел броненосец «Кн. Потемкин Таврический», увлекший за собою другие корабли военного флота.

Вслед за ним восстали в порту «Александра III» [Либава] матросы пяти флотских экипажей, фактически захватившие порт в свои руки.

С легкой руки «Потемкина», моряки других флотов стали активными застрельщиками и вернейшим оплотом революции. В 1905—1906 гг. восстания происходили в Кронштадте, Либаве, Свеаборге, Севастополе и в Баку, где матросы Каспийского фл. экипажа 20/X 1905 г. ружейными залпами разгоняли «патриотическую» манифестацию с царскими портретами и иконами, организованную «Союзом русского народа».

Кроме этих портов, Владивосток, занимающий важное место на Дальнем Востоке, сыграл не менее видную революционную роль, чем другие крупные приморские города.

После падения Дальнего и Порт-Артура, Владивосток остался единственной морской базой на Дальнем Востоке, где имелся сухой док и ряд портовых сооружений и где

могли укрыться уцелевшие от разгрома крейсеры Тихоокеанской эскадры [1] и суда Сибирской флотилии.

В городе, помимо 38-тысячного гражданского населения, было сосредоточено в 1905 году до 65 тысяч военных [2] всех родов оружия, из них более 6.000 матросов.

Безотрадную картину, с военной точки зрения, представлял гарнизон Владивостокской крепости. Поражение за поражением в армии и во флоте, томительное ожидание внезапного нападения неприятеля и полная уверенность у всех, начиная от коменданта крепости и кончая последним рядовым, в невозможности обороняться, — наложили отпечаток уныния и духовного маразма на весь гарнизон.

К этому надо прибавить, что войска голодали в буквальном смысле этого слова: мука, заготовленная еще в 1904 году в количестве до 5 миллионов пудов, оказалась плохого качества, сырая и затхлая; приготовленные сушилки вышли негодными, и мука окончательно испортилась; при выпечке хлеба для вкуса добавляли до 15% бобовой муки и в результате получался не хлеб, а тухлая замазка.

С мясом дело обстояло не лучше. Свежее мясо поднялось в цене свыше 50 коп. за фунт, и войска получали гнилую солонину. Благодаря сильному ропоту и неудовольствию солдат, комендантом крепости генералом Казбеком была образована особая комиссия по обследованию выпечки хлеба и качества продуктов. Комиссия признала, что «хлеб в войсках выпекается небрежно, т.-е. сырой и с большим количеством воды . . . и впредь предлагается, чтобы войска принимали от интендантства $^1/_3$ топлой [3] и $^2/_3$ хорошей муки . . . Вследствие плохой засолки и отсутствия ледников, солонина и кета испортились, появились черви, и от солонины и кеты страшно воняло. Хотя во все полки и были прикомандированы врачи от неразвернувшихся госпиталей с целью усилить надзор над качеством продуктов, клавшихся в котел, но строевое начальство мало обращало внимания на заявление врачей и браковку ими солонины и кеты и своею властью приказывало класть в котел испортившуюся солонину и кету» [4].

Так описывает положение с питанием войск казенная

---

[1] «Громобой», «Россия», «Богатырь» и др.

[2] Из этого количества было 60% запасных.

[3] Гнилой.

[4] Из «Отчета о санитарном состоянии крепости Владивосток за 1905 г.».

комиссия под председательством инспектора госпиталей генерала Езерского, которая не была заинтересована в сгущении красок.

Нужно иметь в виду, что при плохом питании, благодаря «маленькому недосмотру» начальства, часть людей жила в палатках и землянках, не имея возможности просушить себе платье и сходить в баню, так как все время войска были заняты тяжелыми земляными работами по обороне крепости [1]. В результате на почве недоедания и изнурения появились цынга и другие болезни.

Как и действующая армия, Владивосток не избежал и других интендантских «шалостей»: помимо гнилой муки и червивой солонины, владивостокцы получали сапоги на картонной подошве, шинели из прелого сукна, неразрывающиеся снаряды. А в то время, когда «христолюбивое» воинство голодало и мерзло в сырых землянках, в тылу армии офицеры и чиновники всех видов и рангов, интенданты, подрядчики и «дамы света» справляли кутеж за кутежом, бал за балом. Это был «пир во время чумы». Раненые, искалеченные солдаты с фронта отправлялись в антисанитарных вагонах без надлежащего ухода и медицинской помощи, в грязи... В то же время коровы холмогорской породы, предназначенные для генералов Штакельбергов, путешествовали в хорошо оборудованных вагонах, под присмотром врачей и уходом санитаров.

«Нижним чинам» запрещалось ходить по главным улицам города, посещать культурные учреждения (для развлечения солдат начальство насадило дома терпимости, притоны-чайные и т. п.). Солдатам запрещалось посещать городской собор, где перед лицом боголепия и соборных икон могли стоять только господа офицеры и чистая публика. Письма распечатывались, и сокровенные тайны невест, друзей и матерей узнавались раньше адресата офицерами. Но и из этих процензурованных, слизанных писем солдаты узнавали об упадке хозяйства, о безобразиях в тылу, о начавшемся революционном движении во всей стране.

Еще в декабре месяце 1904 года высшее командование получило тревожные сведения и было обеспокоено состоянием умов среди матросов Сибирского экипажа.

---

[1] Война захватила крепость недостроенною, и солдаты на своих плечах вынесли тяжесть этой работы. Им полагалась в виде поощрения для скорости работ плата, для чего были отпущены большие деньги, но солдаты ничего не получали. Суммы где-то застревали.

«Главнокомандующий[1] получил сведения — сообщает шифрованной телеграммой от 28/XII 1904 г. за № 64 генерал-лейтенант Сахаров упр. мор. министр из Чансямутуня, — что агентом Рой и жандармским надзором во Владивостоке установлено наличие среди матросов Сибирского экипажа брожения, подготовляющегося вылиться в открытый и вооруженный бунт. Приказав об этом доложить вашему превосходительству, главнокомандующий просит сообщить, имеются ли у вас какие-либо по сему сведения и если имеются, то какие меры предполагается принять для предотвращения возникновения подобного случая».

Морское министерство немедленно сообщило сахаровскую телеграмму к-ру порта контр-адмиралу Греве.

Куропаткин решил подавить в корне предполагаемое возмущение матросов. Вслед за телеграммой Сахарова, он телеграфирует управ. мор. мин. Авелану:

«Вследствие данных, изложенных мною в телеграмме № 64, я послал адмиралу Греве телеграмму такого содержания: «предлагаю отстранить от командования Сибирским экипажем кап. 1 ранга Подъяпольского. Вместе с сим делаю распоряжение о назначении командующим Сибирским экипажем кап. II ранга фон-Шульца. На вас возлагаю производство немедленного подробного инспекторского смотра Сибирскому экипажу для выяснения: 1) насколько все чины этого экипажа подготовлены для выполнения боевой задачи, которая может выпасть на их долю при осаде или блокаде Владивостока; 2) насколько заботливо обеспечено размещение, довольствие нижних чинов; 3) какие приняты меры к поддержанию твердого внутреннего распорядка; 4) если среди нижних чинов были обнаружены неблагонадежные в политическом отношении, то какие приняты меры, дабы их дурное влияние не распространялось среди прочих нижних чинов; 5) какие будут заявлены претензии офицерами и нижними чинами.

Генерал-адъютант Куропаткин».

Какова была подготовка во Владивостоке к «осаде или блокаде», мы знаем из ряда источников.

Так в приказе от 2 апреля 1905 г. за № 2462 комендант крепости пишет:

«Во время моих неоднократных объездов позиций и батарей в течение марта, я убедился, что во Владивостокской

---

[1] Куропаткин.

крепостной артиллерии не только не существует никакого общего порядка в размещении и обучении, но даже нет никакого намека на элементарные требования, кои должны быть предъявлены к благоустроенной воинской части в период нахождения крепости на военном положении. Мои замечания были сделаны в присутствии н-ка артиллерии крепости и ему же указаны главнейшие требования для немедленного их исправления.

Каково же было мое удивление, когда сегодня, 2 апреля в полдень, посетив Безымянную батарею, я не нашел на ней не только какого-либо исправления ошибок, кои мною были указаны раньше, но увидел нечто совершенно невероятное . . .»

Дальше приводится ряд упущений:

«Командир батареи не знал, как приступить к командованию . . . Орудия и лафеты содержатся в грязном виде и при малейшем повороте скрипят; видно, не смазываются . . . прислуга совершенно не обучена . . . Командир батареи не имеет понятия о производстве стрельбы на движущиеся цели и показал полное незнание значения наблюдательных станций и дальномеров . . .»

В заключение генерал Казбек говорит:

«Все мною виденное убеждает меня, что Безымянная батарея, как военная сила, не существует».

Положение на других батареях было не лучше.

А ведь военные действия могли перенестись в район Владивостока, так как Рожественский приближался со своей эскадрою и был уже в Восточно-Азиатских водах, и в случае удачного прорыва высшее японское командование, конечно, не оставило бы в покое крепость и флот. Можно было бы привести сотни указаний на непригодность крепости к боевым действиям, но ограничимся еще одним-двумя.

Действующую армию, в том числе и Владивосток, посетил «высокий гость»—Леопольд-Фридрих, принц Прусский.[1]

---

[1] В своем дневнике генерал Линевич так говорит о «заслугах» принца: «Сегодня, 7-го июня, у меня завтракал принц Леопольд; пили за его здоровье и поздравили шампанским с боевым крещеньем».

По словам Линевича, все «боевое крещенье» принца заключалось в том, что он «слышал, почти за десяток верст, ружейную стрельбу. Но за это «боевое крещение» Леопольд получил крестик. От 2-го июня читаем: «Сегодня в 7 часов вечера обедал у принца Леопольда, он пьет шампанского очень много».

«Русско-Японская война». Из дневников А. Н. Куропаткина и Н. П. Линевича. Стр. 93.

Чтобы преподнести гостю «приятное с полезным», владивостокские власти устроили бутафорный бой. Были приспособлены две китайские шаланды, им придали вид трехтрубных броненосцев (под японцев) и на буксирах портовых пароходов потащили по Амурскому заливу. В течение часа плыли по шаландам из шести батарей боевыми снарядами, но при всем желании артиллеристов разбить «броненосцы», ни один снаряд не попал в мишень.

Были и другого рода «приятные развлечения» в крепости. Так, начальник воздухоплавательного парка письмом в газете просил командиров фортов отдать приказы по командам, чтобы не открывали любительской стрельбы по летательным аппаратам, ибо они являются русскими...

Если бы японское высшее командование решило тогда двинуться на Владивосток, оно взяло бы его «голыми руками».

2. Появление «крамолы».

Чем дальше затягивалась война, тем больше росло недовольство масс. Матросы были сильно распропагандированы и настроены революционно. Это и не удивительно, если учесть, что в казармах флотских экипажей вместе с матросами жили рабочие высших квалификаций, законтрактованные для обслуживания порта. В деле революционизирования моряков рабочие сыграли большую роль.

Департамент полиции, подобно барометру, отмечающему «тишину и волнения», был сильно обеспокоен положением во Владивостоке. Это беспокойство отчетливо вылилось в нижеследующем документе.

Тов. мин. внутренних дел Рыдзевский писал управ. мор. министерством адмиралу Авелану:

«По имеющимся сведениям среди матросов флотских экипажей, находящихся во Владивостоке, и местных портовых рабочих существует брожение, готовое будто бы разразиться открытым бунтом, подобным тому, который был в Севастополе[1]. Причинами волнения выставляется недовольство стеснением свободы, пищей, командиром Подъяпольским. В целях предотвращения беспорядков матросы, под предлогом периодического осмотра воинского снаряжения, разоружены, а наиболее крикливые из них размещены по фортам, среди некоторых частей».

Командир порта *Греве* ответил Авелану, что ружья,

[1] 3 Ноября 1904 г.

действительно, по распоряжению коменданта крепости, были отобраны от матросов. Для оздоровления атмосферы «из района экипажа удаляются постепенно помещенные там контрактованные из Петербурга мастеровые, внесшие, безусловно, дурной элемент... Окольные, негласные расследования продолжаются... У артиллерийского квартирмейстера 10-й роты *Шатунова*, прибывшего из запаса, найдены запрещенные издания. Шатунов передан в жандармское управление[1]».

Следствие выяснило, что главной причиной ожидавшихся беспорядков были рабочие, жившие вместе с матросами, которые подготовляли вооруженное восстание. После кровавых событий 9-го января в Петербугре, морским министерством было послано во Владивосток более 1.000 рабочих для портовых работ, в ожидании эскадры Рожественского. Большинство рабочих было из уволенных за январские забастовки и являлось элементом «неблагонадежным». Во Владивостоке начальство старалось изолировать их от матросов, но этого сделать нельзя было, благодаря совместным работам в порту Цусима, а затем восстание на «Потемкине» еще более революционизировали рабочие и матросские массы во Владивостоке. Осадное положение в городе, продолжавшееся до 26 сентября, давало себя чувствовать на каждом шагу. На печати лежал тяжелый пресс военной цензуры, без разрешения властей проникнуть в город было невозможно, суда строго осматривались и частным пароходам был запрещен вход в бухту.

Более для проверки настроения матросов, чем для осмотра жалких остатков эскадры и командования, в июне приехал во Владивосток адмирал Бирилев. Все виденное произвело на него жуткое впечатление. Но так как и у самого Бирилева было «рыльце в пушку» (он нес за Цусиму не менее ответственности, нежели Рожественский так как снаряжал «Армаду» на погибель), то он вынужден был о многом неприятном умолчать.

Боясь возмущения матросов, Бирилев приказал командующему отрядом крейсеров занять команду и уберечь от политики ежедневным крейсированием кораблей около Русского острова и Амурского залива, сжигая последние запасы угля.

---

[1] *Василия Шатунова* выдал комендор *Яков Гордеевич Волков*, что видно из дела владивостокской портовой конторы за 1905 г. № 46.

Эти меры не помогли. Только что Бирилев успел доехать до Петербурга и сесть в министерское кресло под адмиралтейским шпицем, как Линевич телеграфировал ему от 1/VII за № 683.

«Владивостокский комендант телеграммой сего числа № 724 мне донес, что черноморские события оказали разлагающее впечатление на матросов, между которыми последнее время явно обнаружилось брожение, и что он, генерал Казбек, принужден прибегнуть к крайним мерам выдворения из крепости вредных элементов. Он же испрашивает разрешения выслать неблагонадежных матросов и портовых рабочих, куда будет повелено. Сообщая вам изложенное для доклада его величеству государю императору, уведомляю, что я приказал всех неблагонадежных портовых мастеровых отправить на родину или же по их желанию во внутренние губернии России. Всех неблагонадежных матросов отправить в Кронштадт для предания виновных суду. Прошу вас также подтвердить во Владивостоке мое распоряжение.

Главнокомандующий генерал-от-инфантерии
Линевич».

Адмирал *Бирилев* дал характерный ответ Линевичу, который считаем не лишним привести полностью:

«На номер 683 имею честь доложить, что не могу согласиться с мнением коменданта крепости и полагаю, что комендант объявленной на военном положении крепости имеет огромные права и полномочия и может принять такие меры строгости и наблюдения, что не нуждается в выдворении людей, если они не подозреваются в шпионстве. Выселение рабочих меня непосредственно не касается, хотя от этого пострадает порт; относительно же матросов позволяю себе высказать, что казалось бы совершенно не удобным высылать неблагонадежные элементы в местность, находящуюся в 10 верстах от резиденции государя императора. Во Владивостоке есть военно-морской суд, в случае необходимости может быть назначен полевой и там же, не высылая виновных за 10 тысяч верст, может быть произведена расправа. 3441.

Вице-адмирал Бирилев».

Старик Линевич не знал, что вместо высылки из Владивостока неблагонадежных матросов, ему готовят сюрприз с переводом в армию тысяч матросов, революционно на-

строенных и замешанных в последних беспорядках на Черном море и в Балтике.

14 августа Бирилев телеграфирует в ставку:

«Последовало высочайшее разрешение перевести неспокойный элемент нижних чинов Балтийского и Черноморского флотов в армию в числе до 3.000 человек, что и будет исполнено до конца августа».

Если адмирал Авелан с горечью писал, что «армия не место ссылки», то его коллега вкупе с Департаментом полиции пришли к заключению, что этим бунтовщикам «типа Стеньки Разина» место только в окопах, где удачный налет японцев может навсегда «успокоить» беспокойных.

Для окончательного искоренения крамолы в порту Бирилев тут же предложил Линевичу, «не признаете ли целесообразным неспокойный элемент Сибирского экипажа перевести тоже в армию для распределения по частям и батареям», что шло вразрез с планом главнокомандующего, который решил (после несогласия Бирилева выслать матросов в Кронштадт) — эту вольницу уволить в запас.

Кроме Сибирского экипажа в это время и на крейсерах было неблагополучно. Комендант крепости Казбек предложил списать в армию с крейсера «Алмаз» 6 человек и с крейсерского отряда, преимущественно с «Громобоя», 20 — «где более суровые условия службы благодетельно воздействуют на этих нижних чинов, а самый их перевод послужит хорошим уроком для остальных».

Так обстояло дело во Владивостоке во время войны, начатой Абазо-Безобразовской шайкой для захвата новой территории, а по определению главы дворцовой камарильи Плеве — для «удержания революции».

— «Алексей Николаевич, — сказал Плеве Куропаткину, — вы внутреннего положения России не знаете. Чтобы *удержать революцию*[1], нам нужна маленькая победоносная война»[2].

Вместо «маленькой» войны, начатой без общего объединенного плана действий[3], получилось большое поражение,

---

[1] Курсив наш.

[2] Гр. Витте С. Ю. «Воспоминания», т. I, стр. 239.

[3] Вернее сказать, были два плана «бездействия». Сухопутный план рассматривался и утвержден был в Петербурге. Морской разрабатывался штабом наместника Дальнего Востока и утверждался адмиралом Алексеевым. В этот план морское министерство и генерал-адмирал не были посвящены и не знали его деталей. Мы знаем: стратегическими способностями во время войны Алексеев не отличался, но «заслуги» адмирала Алексеева перед «отечеством» были

вместо «удержания революции» — небывалый в истории революционный размах и потрясение всех «устоев».

3. Первые раскаты грома.

После заключения мира (23 августа) скопившиеся во Владивостоке в большом количестве запасные солдаты и матросы естественно жаждали скорейшей отправки на родину. Власти сначала не спешили с этим делом, будучи не уверены в прочности заключенного мира. Потом, когда полчища стали реально угрожать, власти были уже не в состоянии отправить войска, благодаря общей разрухе, революционным событиям, забастовкам на железных дорогах и т. п.

Эта задержка отправки запасных еще более усилила общее недовольство, а когда солдаты узнали о приказе главнокомандующего, в котором говорилось, что запасные будут отправляться лишь весною, взрыву негодования не было границ[1].

Кроме больного вопроса об отправке на родину, теперь во всей полноте снова всплыл вопрос о невыдаче денег за работу по укреплению крепости по 75 к. на человека за рабочий день. Матросы ультимативно предъявили требование контр-адмиралу Греве — выдать разницу за мясо и др. продукты, не полученные по положению. Греве уступил и выдал. (Он выдал также деньги за пропавшее обмундирование во время беспорядков 30—31 октября, хотя, согласно высочайшему повелению, он должен был выдать суммы

велики! Еще будучи молодым мичманом, он сохранил от публичного скандала члена царской семьи, дядю последнего царя, Алексея Александровича, будущего генерал-адмирала флота. За женитьбу на Жуковской царь в «наказание» отправил великого князя путешествовать. В Марселе, «в притоне трех бродяг», в обществе женщин легкого поведения, вел. кн. устроил грандиозный скандал: «Дескать, знай наших». Французские власти вынуждены были привлечь его к ответственности. Тогда явился в полицию Алексеев и заявил властям, что это он, Алексеев, «набедокурил» и что буйство по ошибке приписали великому князю, что созвучие Алексей и Алексеев ввело в заблуждение полицейских чинов. (См. об этом же у Витте в «Воспоминаниях», т. I).

Цусимская трагедия сняла с постов Алексея и Алексеева и уничтожила институт генерал-адмирала и наместничество.

[1] Это не относилось к матросам, так как морское министерство позаботилось поскорее избавиться от этой «вольницы», и в сентябре было отдано распоряжение об увольнении запасных по домам. Но эта мера не принесла успокоения.

за обмундирование лишь командам погибших в море судов)[1].

Кроме материальных вопросов всплыли все обиды, все издевательства и вместе с революционной агитацией делали свое дело.

Атмосфера сгущалась, в воздухе запахло грозою, и она вскоре разразилась.

Громадную роль во Владивостоке сыграл манифест 17 октября. Известие о нем получили 20 октября в виде агентской телеграммы, а опубликованию он подлежал лишь 23 октября.

Неожиданное появление манифеста еще более усилило движение, оно захватило все слои населения города.

Стали собираться митинги, открылись газеты, организовывались союзы, открыто велась агитация.

В день получения манифеста в городской думе состоялось торжественное заседание, на котором было много рабочих, матросов, солдат, интеллигенции. Заправилы думы предложили собравшимся послать от города благодарственную телеграмму Николаю II за дарование свободы. Раздались многочисленные протесты, и телеграмма была послана только от думы, а не от населения.

21 октября было назначено собрание членов О-ва народных чтений в здании музея. Это собрание вылилось в многолюдный митинг. Первым говорил Б. Д. Оржих[2]. Речь его о значении момента, о закреплении, удержании и развитии взятых прав произвела громадное впечатление. Решено было приступить к широкой агитации среди населения и устройству больших митингов. Эти митинги устраивались в цирке Боровикса. Все они были многолюдны, доходили до 3-х тысяч человек, где преобладали солдаты и матросы. На первом таком митинге присяжные поверенные Фихман и Зверев объяснили сущность манифеста, Оржих говорил о текущем моменте, доктор Борейша—о роли рабочего класса, об его сознательной борьбе и руководстве этою борьбою. Выступали и другие ораторы.

Устроенный затем вечер в честь В. Г. Короленко в театре «Золотой Рог», собрал так много людей, что не мог

---

[1] В Петербурге сочли это за слабость и за незаконную уступку «взбунтовавшимся командам». В 1907 году Греве привлекли к судебной ответственности.

Дело гл. в.-м. судного управления за 1907 г. № 71.

[2] Шлиссельбуржец.

вместить всех желающих. Прочитанная «Песня о соколе» Горького вызвала пламенный восторг.

Нужно отметить, что все руководители о-ва народных чтений и о-ва врачей были настроены мирно, революцию они думали делать в белых перчатках. Когда взбушевавшиеся революционные волны высоко поднимались, перепуганные власти прибегали к помощи этих либералов и спрашивали их совета, как поступить. Потом начальство опомнилось и, поняв, что нет твердого, организованного революционного руководства, что революционные организации не проявляют себя активно, как в других городах, оно сделало попытку наложить узду на военных. Власти решили, что нижние чины должны остаться нижними чинами и не выходить из рабского воинского повиновения. Был издан ряд приказов, воспрещающих нижним чинам посещать митинги, собрания и лекции без разрешения.

Эти приказы еще более подлили масла в огонь, и в результате 30 октября вспыхнуло военное восстание.

Выступили сначала матросы флотского экипажа.

На улице около казарм была выделена делегация с требованиями к коменданту крепости. Ничего не добившись от коменданта, делегация вернулась обратно на площадь к собравшимся в количестве 2.000 человек матросам и передала, что Казбек уклонился от объяснений. К этому времени толпа значительно выросла: подходили рабочие, отдельные солдаты, целые роты; наконец, к матросам присоединился Хабаровский резервный полк, насчитывавший до 10.000 человек, имевший запасных до 80%.

В этот момент, когда масса бурлила и негодовала и готова была вылить свой гнев против своих вековых притеснителей, на базаре произошел какой-то мелкий инцидент между солдатами и китайцами-торговцами. Группа подозрительных пьяных лиц воспользовалась этим и стала призывать громить китайские лавчонки и винные магазины, начала угощать вином солдат. Когда эта «вступительная» погромная часть была сделана и частичка малосознательных солдат подвыпила и поддалась провокационным призывам, пьяные хулиганы стали натравливать ее на разгром больших ресторанов, инородческих лавок, магазинов иностранных фирм и т. д. Здесь дело не обошлось без участия патентованных погромщиков из гнезда «Союза Михаила архангела».

Впоследствии черносотенная печать пыталась свалить

разгром лавок, грабежи, пьянство и дикий разгул на сознательную часть военных и рабочих.

Да, матросы в этот день подожгли часть зданий. Но каких? Военно-морского суда, морское офицерское собрание, четыре офицерских флигеля, квартиру командира флотского экипажа, и старшего помощника командира порта, притоны разврата. В квартире адмирала Греве были выбиты стекла. Но ведь все это были очаги притеснения. Подожгли потом и гауптвахту. В городе пострадало несколько зданий. Газеты того времени намного преувеличили размеры разрушения Владивостока. Официальные сообщения тоже грешили на этот счет и создавали ложное представление.

Так капитан 1-го ранга, Ван-дер-Шкруф [1] от 31/X в панике сообщает морскому министру:

«Владивосток сожжен на половину. Береговые команды принимали большое участие в разгроме. Дом, где жила комиссия (по перевозке пленных) ночью сожжен. Погибли все документы и наше имущество, сами едва спаслись. Подожгли матросы. При таких обстоятельствах привоз пленных сюда очень опасен. Они (пленные матросы) уже переписывались со здешними, обещая поддержать в бунте. Безусловное мнение к-ра порта и мое: перевоз пленных через Черное море».

Через день к-р порта сообщает тому же министру:

«30-го числа начались в городе беспорядки, представляющие войсковое возмущение, направленное против офицеров. В ночь на 31-ое около трети города выжжено, сухопутные патрули буйствуют и вообще полная анархия . . . »

Начальники одного ведомства, сообщающие своему главе, не спелись: у одного получилось — город выжжен на половину, у другого — на одну треть. На самом деле, этого не было.

Высшее крепостное командование сначала решило раздавить выступление, не дав ему принять широкие размеры. Для этого было вызвано 12 батальонов с пулеметами и артиллерией, под командованием ген.-майора Лашкевича. Но и из этих «надежных» частей, на которые рассчитывала власть, некоторые батальоны отказались открыть огонь по толпе, стреляли вверх, а часть солдат даже приняла участие на стороне восставших. Однако, перестрелка между восставшими и полицейскими и вне-городскими войсками была

[1] Уполномоченный по перевозке пленных.

большая. В этот день власти потерпели поражение. Чтобы выиграть время, комендант Казбек пошел на уступки. Одновременно с посылкой телеграмм главнокомандующему о присылке казачьего полка во Владивосток и с предложением сейчас же приступить к отправке запасных, он 31 октября вывел из города беспокойные батальоны, а сам явился к собравшимся матросам и солдатам выслушать их требования. Они были просты и ультимативны: 1) немедленно приступить к отправке запасных; 2) право матросам и солдатам посещать митинги и собрания; 3) немедленно освободить арестованных. Остальные требования были экономического характера.

Кроме этих категорических заявлений, генералу пришлось выслушать много горьких истин и упреков. Его заподозрили, что он распорядился напечатать неполностью манифест, и тут же его снова заставили прочитать вслух этот документ. Один матрос показал Казбеку коробку консервов, где стояло клеймо Красного Креста. Консервы были пожертвованы для войск, а целая уйма этих коробок была найдена в китайской лавке.

— «Не хорошо воровать у нас и продавать китайцам, чтобы мы покупали их потом на свои последние гроши!»

Комендант божился, что манифест напечатан полностью, что пропущены только заключительные слова: «Дан в Петергофе в лето и т. д.», что и это он уже распорядился поправить; «как могли его заподозрить в скрытии манифеста, когда он является сторонником свобод». По поводу отправки запасных, он немедленно будет ходатайствовать об этом перед главнокомандующим и заверил, что этот вопрос разрешится в благоприятном смысле[1]. Посещать митинги он лично не препятствовал. Самый крупный вопрос об освобождении арестованных получил неожиданный оборот. Приказано было явиться 2 военным оркестрам музыки, и толпа от собора двинулась сначала к гауптвахте, где освободила арестованных и подожгла деревянное здание гауптвахты. Затем пошли к тюрьме, где также были освобождены заключенные. Характерно, что в освобождении арестованных принимал участие сам комендант.

После таких уступок волнение моряков и солдат к вечеру улеглось.

Первый день выступления не обошелся без громадного

---

[1] Линевичем было разрешено немедленно приступить к отправке 7 тысяч запасных.

числа жертв. От 5-го ноября генерал Линевич телеграфирует морскому министру:

«Во время беспорядков во Владивостоке со стороны войск охраны было убитых: офицеров — 1, нижних чинов — 13; ранено офицеров — 6, нижних чинов — 22. В толпе убито: нижних чинов — 2, матросов — 13, разночинцев — 6, инородцев — 3; ранено нижних чинов — 32, матросов — 50, разночинцев — 22, инородцев — 12, всего — 116. Всего же убитых и раненых во Владивостоке за дни беспорядков 182 человека. Кроме того, имеются сведения, что из разночинцев многие раненые скрываются по квартирам».

Число жертв, конечно, было много больше.

Линевич тут же сообщает, что для прекращения беспорядков он отправил в Никольск-Уссурийск первую стрелковую дивизию, а во Владивосток назначаются два полка из Ново-Киевского.

Когда во Владивостоке происходила перестрелка, освобождались под музыку арестованные, горели ненавистные учреждения, притоны и дома терпимости, на ст. «Пограничная» и в близлежащем городе Мысловке тоже было выступление рабочих и военных, а в районе бухты Диомид выступили 1-й и 2-й Владивостокские крепостные, Восточно-Сибирская и Ново-Киевская минные роты.

Здесь еще до выступления велась революционная агитация, распространялись прокламации, и минеры чутко прислушивались к происходящим событиям. Вот как рисует Диомидовское выступление прокурор военно-окружного суда:

«30 октября около 7 часов вечера около казарм 2-й Владивостокской минной роты образовалась толпа минеров, которая с криком «ура» и другими возгласами с шумом направилась к казармам 1-й роты, где потребовала выхода солдат из казарм, предлагая итти к полковнику Золотареву и требуя его к себе. Фельдфебель 1-й роты подвергся насилию, но сумел прибежать к квартире полковника Золотарева с предупреждением. Толпа продолжала кричать и, разбивая окна камнями, двинулась к флигелю, занимаемому офицерами, с таким натиском, что все офицеры, бывшие во флигеле, едва успели через задний двор бежать, спасаясь кто в кусты, кто на транспорт «Смельчак».

Толпа, разгромив квартиру Золотарева, с криком «бей их, белоручек» и т. п., двинулась к флигелю, занимаемому младшим офицером. Видя это, группа офицеров вышла на-

встречу толпе, и один из них скомандовал «смирно». Намгновение минеры остановились, но затем из толпы был брошен камень в офицеров, и один из них был ранен. Этим офицером был произведен выстрел вверх. Двое офицеров вступили с минерами в объяснения, но крики «бей их, белоручек», «свободу надо», не хотели слушать — так камня на камне не оставим», — прерывали эти разговоры. Продолжая бить стекла в помещениях, минеры двинулись к караульному дому, где добились освобождения арестованных. Разгромив после этого дом командира транспорта «Смельчак», минеры направились в город, и на участке минных рот восстановилось спокойствие» [1].

В этот же день на транспорте «Тобол», стоявшем в «Золотом Роге», произошли следующие события:

Господа офицеры «свободу» поняли по-своему. В то время, когда все бурлило кругом и матросы пачками падали от казацких пуль, офицеры с «Тобола» устроили пьянку в кают-компании, пригласив на судно трех женщин легкого поведения. Пир приближался к концу, и вахтенный начальник, прапорщик Баумгартен отдал распоряжение спустить на воду шлюпку для отвоза «прекрасных дам». «В это время неизвестный матрос через иллюминатор сделал несколько выстрелов в кают-компанию», затем «вбежавший в кают-компанию минно-артиллер. содержатель Конякин ранил ножом прапорщика Семенова, а из иллюминатора были произведены еще несколько револьверных выстрелов в каюту: ранены прапорщик Богданович и две дамы в каюте и наверху у трапа вахтенный н-к» [2]. Раненые были взяты на «Алмаз».

Когда прибыл на «Тобол» для производства дознания лейт. Вяземский и команда была поставлена во фронт, подшкиперский юнга Прокопенко трижды выстрелил в Вяземского, но промахнулся. Матросы *Конякин* и *Прокопенко* были взяты на крейсер «Жемчуг».

11-го ноября во Владивостоке произошли еще небольшие беспорядки, но они были неудачны, так как в это время в распоряжении властей были надежные казацкие сотни: в результате было убито 9 человек.

Сам по себе напрашивается вопрос: какова же была

---

[1] За это выступление было предано военно-окружному суду 22 минера.

[2] Из рапорта лейтенанта Кнорринга командиру порта от 31/X 1905 г. Дело владивостокской портовой конторы за 1905 год № 16.

роль моряков крейсерского отряда и вообще роль судовых команд, если выступавшими были только матросы из флотского экипажа?

Еще 28 октября на крейсере «Россия» после вечерней молитвы лейт. Никитину (старший офицер, в этот день он сдал должность ст. оф., лейт. Григорьеву) сообщили, что команда желает видеть его и поговорить с ним. Когда он вышел, ему было заявлено, чтобы огласили манифест 17 октября. Кроме этого основного требования, были заявления мелкого характера, как-то: свободный пропуск газетчика на корабль, более строгое наблюдение за отпуском продуктов в камбуз и т. д.

На другой день вечером в батарейной палубе, когда команда собралась снова на молитву, после команды: «фуражки снять, на молитву», раздались голоса:

— Батю сюда, батю! (т. е. священника).

Старший офицер заявил, что священник на берегу. Тут выступил матрос *Махонин* и передал от команды следующие требования: сменить старшего боцмана Торопова, убрать с корабля священника (нравственные качества которого были ниже всякой критики), раздать на руки деньги от экономии крупы и муки, на основании приказа вице-адмирала Макарова, и пр. Махонин заявил, что если Торопов не будет списан, то его выбросят за борт, и крейсер утром (30 октября) не снимется с якоря.

За исключением двух требований, — списания Торопова и удаления священника, командир крейсера согласился выполнить все. За Торопова он горячо заступался и даже предложил команде извиниться перед ним. Команда, конечно, отвергла это предложение.

Махонина начальство не посмело списать во Владивосток, боясь выступления команды, и он продолжал вести агитацию.

Что касается «состояния умов» в командах на других крейсерах, то оно было довольно революционное, особенно на «Громобое».

Поэтому еще до выступлений, 30 октября, вернее за несколько часов до выступлений, командир порта контр-адмирал Греве отправил отряд судов . . . на Сахалин. Так, крейсер «Богатырь» вышел 29 октября, конвоируя транспорт «Селенгу» с войсками и грузом, «Громобой» и «Россия», имея на себе Сахалинский батальон в количестве 1.000 человек, вышли в 10 часов утра 30 октября. Транспорт «Шилка» тоже был отправлен в море «прогуляться» на

рассвете 30 октября. Таким образом, все, что было способно двигаться, было удалено, и шли срочные приготовления к выходу и других кораблей, но чувствовался недостаток в офицерах.

Греве 1/XI так сообщает морскому министру о положении оставшихся на рейде кораблей и об отравке крейсеров на Сахалин:

«Команды подводных лодок и «Жемчуга» ненадежны. Происходящие беспорядки производят разлагающее действие на судовые команды. В виду этого взял на себя ответственность отправить отряд за границу на соединение с Энквистом[1]. Офицеров, назначенных на суда, едва ли успею собрать. Крейсера «Россия», «Громобой» и «Богатырь» до беспорядков ушли на Сахалин, конвоируют «Селенгу» с войском и грузом. Этим крейсерам, безусловно, во Владивосток возвратиться нельзя, а потому телеграфирую, чтобы с Сахалина шли прямо за границу. При настоящем положении дел пленных везти во Владивосток, безусловно, нельзя».

Адмиралу Иессену в Де-Кастри Греве телеграфировал:

«Идите прямо за границу, во Владивосток заходить нельзя ..... (пропуск) крупные беспорядки».

На Сахалин, в Нагасаки, к чорту на кулички, в бессмысленные, никому не нужные, тяжелые походы, в осеннее время года изнурять людей непосильными работами, погрузками угля, тяжелыми вахтами, сжигать дорогостоящий уголь, — только бы изолировать команду от революции. Так стоял вопрос.

На этот раз контр-адмирал Греве и Иессену[2] частично удалась изоляция. Но и в плавании «по заграницам», как мы увидим ниже, офицерский состав жил, как на вулкане, неуверенный в затрашнем дне ...

Выступление 30—31 октября во Владивостоке было неудачным не потому, что было положено «пятно» на это выступление, в виде бесчинства хулиганов и малосознательных солдат. За каждой армией, за каждым отрядом по пятам идут мародеры, за передовым отрядом революции во Владивостоке тоже шли подобные элементы.

---

[1] Адмирал Энквист собирал интернированные в иностранных портах корабли: «Цесаревич», «Аврору», «Олег», «Диану», к которым должен был присоединиться Владивостокский отряд для следования в Россию. Но этого не произошло, главным образом, из боязни восстания на судах.

[2] Командующий отрядом крейсеров.

Основная из причин неудачи была та, что во Владивостоке, благодаря специфическим условиям, осадному положению и т. д., не успели еще сорганизоваться революционные центры. Не было в действии революционной партийной организации, а возможности открывались огромные, когда десятки тысяч революционно настроенных матросов, солдат и рабочих рвались состязаться с врагом. При первом натиске власти растерялись, и был момент полного безвластия, когда матросские патрули, добровольно сорганизовавшись, охраняли город от хулиганских выходок и черносотенцев. Поджоги домов были прекращены не властями, а этими добровольными матросскими отрядами.

В период полного безвластия, когда генералы и офицеры спасали свои шкуры, напялив на плечи шинели своих денщиков, и укрывались в чуланах за ящиками и пустыми бочками из-под вина, генерал Казбек в течение нескольких часов сделался вдруг «либералом». Это тот самый Казбек, который всецело повинен в пролитой крови и искалечении 30/X, по сведениям Линевича, 182 чел. Ожидая подкреплений казаков, Казбек созвал совещание граждан в городской управе, где решено было организовать самозащиту. Для этого выделен комитет под руководством отставного полковника Высоцкого. Казбек разрешил выдать комитету ружья. Постановлено также было уничтожить весь спирт в городе, но это постановление осталось на бумаге.

Руководители общественных и культурных организаций, в роде о-ва народных чтений, проявили слишком либеральную мягкость, если не сказать больше: даже в период безвластия они были как бы на побегушках у Казбека. Когда черносотенцы завели свою типографию и печатно «разъясняли» события и задержку отправки запасных связывали исключительно с беспорядками, даже такой известный деятель, как Оржих, не проявил достаточной энергии для организации печатного органа революции. Он поехал в . . . Японию за печатной машиной, думая, что события подождут. Но время не ждало: на улицах вскоре появились и гарцовали «удалые» казаки-верхнеудинцы, генералы повылезли из чуланов и «законные власти» силою стали восстанавливать себя в своих «неотъемлемых» правах.

Был упущен момент, когда можно было захватить Владивосток в свои руки и объявить революционную власть[1]. Правда, в дальнейшем предстояла бы масса трудностей,

[1] В казначействе хранилось денег до 10 миллионов руб.

так как ставка бросила бы сюда все наличные силы, «верные долгу». Продовольственный вопрос тоже сказался бы скоро. Впрочем, несмотря на ж.-д. забастовку, стачечный комитет и союз железнодорожников, конечно, могли бы приступить к разгрузке Владивостока от запасных... Взятие Владивостока имело бы большое значение в революционном отношении.

Конец выступления 30—31 октября был неожиданный и небывалый в практике российской Фемиды. Следствием по этому делу «матросская часть» была выделена. Следствие было настолько запутано и тянулось так долго, что Приамурский военно-окружной суд принужден был «с высочайшего соизволения» дело — в 1908 году прекратить в виду того, что часть виновных матросов убита, часть понесла наказание за восстание, бывшее позже, и многие уволились в запас...

4. «Мы придем вооруженные».

После событий 30—31 октября и 1 ноября в жизни Владивостока наступила полоса раздумья: что же дальше? Гарцование казаков и их ненависть к матросам еще не говорили о твердости власти. Если на первое время тысячи людей «успокоились», то это не значило, что они примирились. Если на второй день после выступления были сняты замки с некоторых орудий, это не означало еще, что крепость была обессилена. Такое положение продолжаться долго не могло: элементарные требования военных были удовлетворены только на бумаге.

Хотя 3 ноября комендант издал приказ об увольнении запасных по домам, но эшелоны двинуться не могли, и только благодаря ж.-д. забастовочному комитету этот вопрос получил реальное разрешение[1]. 3 же ноября был издан приказ об изменении и улучшении порядка вознаграждения военных за крепостные работы, но на деле получилась путаница: люди, идя в запас, считали казну долж-

---

[1] Союз железнодорожников, освещая в печати значение прекращения пассажирского и коммерческого движения, отмечает: «Перевозка войск и воинских грузов была усилена, имея общую цель предоставить войскам возможность скорее вернуться домой, а области тем самым скорее перейти на мирное положение».

Власти же заявляли:

«Мы, мол, рады вас, братики-солдатики отправить домой, да вот злодеи-забастовщики не везут, бунтуют».

ником и даже по прибытии на места заявляли воинским начальникам претензии о неполучении денег.

Нужно было ожидать нового взрыва, так как октябрьские события были только репетицией. Вдобавок стали прибывать пленные порт-артурцы, которые тоже застревали во Владивостоке. Этих людей, о которых так много кричали патриотические газеты, надо было встретить достойно и дать им сносные условия жизни и те «свободы», которыми пользовался владивостокский гарнизон. Пленные были сильно распропагандированы и крайне революционно настроены, так как в плену среди них, при нарочитом попустительстве японских властей, велась усиленная агитация, вплоть до чтения лекций на революционно-социалистические темы. Пленных забрасывали запрещенной в России революционной литературой. Здесь нужно отметить величайшую энергию, заслуги и способности доктора Николая Константиновича Русселя (Судзиловский)[1].

Он много поработал на этом поприще. Им издавалась в Японии, в Кобе газета «Япония и Россия». Он организовал систематическое получение революционной литературы от комитетов революционных партий из Европы, у него был кадр прекрасных лекторов, и благодаря этим стараниям пленные прошли большую политическую школу[2].

По прибытии 11 ноября первого парохода «Терек» с пленными комендант крепости распорядился изолировать их и поместить на полуострове Чуркин. На другой день по прибытии порт-артурцы, не испросив разрешения начальства, устроили у себя в казарме митинг. Митинг проходил бурно, и настроение у большинства было революционное. Это не понравилось дежурному офицеру, капитану Новицкому, и он решил разогнать митинг. Новицкий потребовал, чтобы люди разошлись добровольно, иначе,

---

[1] Студент петерб. и киевск. унив., в 1872 г. в эпоху народнич. «хождения в народ» работал фельдшером в Саратовской губ. В 1874 г. подлежал аресту по «делу 193-х» народников, эмигрировал. Жил в Европе, потом в Австралии, под фамилией д-ра Русселя. В 1905 г. переехал в Японию, в Нагасаки, где устроил базу для пропаганды среди пленных русских солдат. Умер в 1929 г. *Ред.*

[2] В это дело, по просьбе пленных русских офицеров и не без участия русского мин. ин. дел, вмешалось французское посольство и потребовало от японского правительства, чтобы доступ русским пленным этой литературы был запрещен. Японские власти только... обещали сделать это.

в случае отказа, будут вызваны войска. Капитана окружили пленные, завязался спор. Порт-артурцы ссылались на манифест, свободу собраний и т. п. Капитан же доказывал, что все это к армии не относится. В разгоряченной атмосфере один артиллерист ударил капитана Новицкого, последний выхватил револьвер и застрелил солдата на месте. Пленные от неожиданности растерялись. Этим воспользовался Новицкий и скрылся в здании военного собрания.

Солдаты скоро пришли в себя и густой массой окружили собрание, требуя выхода убийцы. Его коллеги стали уговаривать артурцев, завязался снова спор, в результате которого был ранен поручик Лилеев. Наступавшие силой ворвались в собрание, требуя капитана Новицкого. Не желая быть растерзанным, Новицкий застрелился. При общей свалке было ранено пять офицеров. На место происшествия власти вызвали 13-ю и 14-ю роты Владивостокской крепостной артиллерии и две сотни Уссурийских казаков. Часть артурцев была арестована.

Это столкновение заставило властей еще более усилить бдительность и строгость. Общественные и только что оформившиеся революционные организации считали, что такие частичные выступления вредят общему делу, тем более, что назревали новые события, новое выступление гарнизона.

Бодрость настроения как в революционных организациях, так и в гарнизоне, в осоебнности во флотском экипаже, поднялась при известии о выступлении иркутского гарнизона. В Иркутске митинг из 8 тысяч военных заявил о переходе на сторону народа и выдвинул ряд политических требований; амнистию, созыв учредительного собрания, всеобщую подачу голосов и т. д.

К этому времени во Владивостоке окрепли профессиональные союзы и стали проявлять себя более активно. 4 декабря организовался «союз союзов Уссурийского края», в который входили союзы: рабочих и мастеровых владивостокского порта, инженеров и техников, почтово-телеграфных служащих, железнодорожников, медицинского персонала, служащих торгово-промышленных предприятий, общество народных чтений, корпорация студентов, общество изучения Амурского края.

4 же декабря, кроме собрания союза союзов, были назначены собрания: рабочих и служащих порта, железнодорожников, делегатское собрание гарнизона на «Первой

Речке» и собрание офицеров. Первые два собрания прошли с большим подъемом, подведя итоги и наметив вехи на ближайшее время. Собрание офицеров (между прочим, созванное без разрешения коменданта) прошло оживленно. Явился Казбек и заявил, что о собрании гг. офицеров он узнал лишь из газет. Конечно, желание обсудить свои нужды понятно, но, согласно устава, нужно было взять у него разрешение. Казбек «простил» им эту недисциплинированную выходку и, чтобы не стеснять собравшихся своим присутствием, уехал. Офицерское собрание не было единодушно, хотя дух времени коснулся и этой закоренелой касты. Резолюция, предложенная «левой» частью собрания, в которой говорилось о присоединении к освободительному движению, порицалось употребление оружия против бастующих рабочих и мирных манифестаций и т. д., была принята 161 голосом против 52.

Казбек не оставил без своего внимания и собрание на «Первой Речке». О нем он узнал из газет, так как лично разрешил это первое делегатское собрание во Владивостоке. Но боясь всевозможных «последствий», Казбек настоял, чтобы собрание было не в городе, а в пяти верстах от него, там спокойнее... В своей вступительной речи он предложил собравшимся мирно обсудить наболевшие вопросы, не разжигать страстей и обо всем ему доложить. Затем он уехал. На собрании выяснилось, что от ряда частей нет делегатов, что делегаты не выбирались, а назначались фельдфебелями из свободных по ротам, что многие пришли с инструментами, с топорами и кирками, думая, что их назначают на работу, а не в солдатский «парламент». Поэтому решено было собрание перенести, подготовиться к нему и собраться 7 декабря в цирке.

«Патриоты» и полиция упорно распускали по городу слухи о том, что 6 декабря будет погром. Это делалось с целью сорвать намеченное делегатское собрание солдат.

7 декабря цирк был переполнен солдатами и матросами. Председателем собрания был избран А. А. Волкенштейн. Это было небывалое доселе зрелище... Выходили из общей массы ораторы, прекрасно владеющие речью, выходили бородачи, чтобы в корявых словах передать, как тяжело живется, как много надо сделать, чтобы перестроить жизнь. Для этого необходимо свобода, свобода в армии, на полях и заводах... За долгие годы бесправия, человеческого унижения, всевозможных наказаний, лишений и обид так много накопилось всего, что надо высказать, что,

конечно, для этого нехватило одного дня, и «парламент» заседал 7, 9 и 12 декабря.

На последнем собрании был избран из 12 человек *Исполнительный комитет нижних чинов*. «Ощупью солдатские массы подошли к правильным, необходимым и живым революционным формам. Пусть функции Исполнительного комитета были скромны, но два пункта имели величайшее практическое значение: созыв делегатских собраний и приведение в исполнение постановления этих собраний. Кроме того, были выработаны требования, «направленные к ниспровержению существующего в государстве общественного строя и к изменению порядка военной службы, между прочим, и о том, что армия до созыва учредительного собрания должна перейти на сторону народа, об отмене смертной казни, военно-полевых судов, военного положения и усиленной охраны, о полной амнистии политических преступников, об освобождении арестованных и различного рода экономических нововведений»[1].

В день, когда в цирке организовался Исполнительный комитет, Казбек устроил собрание офицеров. Цель этого собрания была для всех ясна: отменить резолюцию 4 декабря. На этом собрании блистали все высшие чины. Роль главного «шамана» играл председатель военно-окружного суда генерал Далинский. Он притащил для доказательства от лукавого целые фолианты допотопных законов, груду сенатских разъяснений и указов, бьющих в одну точку: армия — охрана царизма, армия — страж престола, она должна стоять вне политики. Несмотря на все заклинания, резолюция осталась старая.

Дальше пошли собрание за собранием. Их было много, остановимся на одном из них. 15 декабря состоялось многолюдное общее собрание рабочих, служащих и мастеровых владивостокского порта, на котором был избран Исполнительный комитет союза и выработаны требования: 1) урегулирование рабочего дня, который не должен превышать 8 часов в сутки, 2) защита всех прав членов союза, 3) обеспечение рабочих и служащих на случай болезни и увечья, 4) создание товарищеского суда, 5) создание фонда взаимопомощи, 6) установление периодических отпусков, 7) изыскание средств союза, 8) гласность союза, 9) обучение детей членов союза за счет казны, 10) воспитание сирот, 11) разрешение администрацией вступления слу-

[1] Из обвинительного акта.

жащих и рабочих порта в члены союза и участия в общих собраниях.

Революция пустила свои корни и нашла горячий отклик и в деревне. 28—29 декабря в Никольск-Уссурийске происходил съезд крестьян от 13 волостей в количестве 151 членов. Был принят ряд решений политического и практического характера.

Между тем на верхах признали, что Владивосток слишком далеко зашел в «революционном заблуждении», надо его снова призвать к порядку и вернуть войскам дисциплину. Признано было, что генерал Казбек слишком «слаб», якшается с разными комитетами, ездит на митинги и т. п. Конечно, он вернуть «спокойствие» городу и гарнизону не может. Казбек 16 декабря был уволен, и его место занял генерал-лейтенант Селиванов, сразу повернувший курс в сторону от всех «свобод, дарованных манифестом». Первым его дебютом на арене политической жизни Владивостока был приказ об отмене выборности, запрещении нижним чинам посещать митинги, собрания и т. д.

Принимая вызов коменданта, матросы и солдаты 26 декабря устроили на Мальцевской площади многолюдный митинг протеста, на который непрошеными «гостями» пожаловали генерал-губернатор Приморской области Флуг и комендант Селиванов, прибывшие под защитой гарцовавших казаков.

Стоя в стороне, им пришлось выслушать ряд горьких истин. Собравшиеся требовали, чтобы Флуг дал объяснения по поводу незаконных действий Селиванова.

«На бочку, генерал, на бочку! Пожалуйте. Не стесняйтесь, ведь свобода. Если трудно залезть — подсадим!» — раздались голоса. Бочка, стоявшая по середине площади, у фонарного столба, заменяла трибуну.

Решив взять твердый курс и разговаривать с массами только языком пуль, генералы уехали. Митинг продолжался в приподнятом настроении, так как ожидали его разгона вооруженными частями. Тут же решено было: 1) созвать общегарнизонное собрание выборных нижних чинов на 2 января, 2) обсудить вопрос о городском самоуправлении, назначив для этого общегородской митинг на 6 января.

31 декабря было совещание всех начальников гарнизона по поводу создавшегося положения. Командир флотского

экипажа капитан 1-го ранга Юрьев дал такую характеристику своей команды.

«Мною было заявлено в заседании о бессилии моем, как власти, по обстоятельствам принять что-либо реальное, вполне верное и достижимое, так как сбродная деморализованная команда экипажа представляет из себя ныне не войсковую массу, а разнузданную банду времен гуннов, безусловно способную на беспорядки всякого вида и рода, предусмотреть каковые в настоящее время нет возможности»[1].

1 января было заседание Исполнительного комитета нижних чинов, где выработана программа собрания на 2 января. Кроме того, была избрана делегация к коменданту с требованием освободить 400 человек артурцев, арестованных на Чуркине за события 12 ноября. Селиванов не выдержал «тона», и требование об освобождении было удовлетворено, за исключением 4 человек, которые остались под арестом.

Собрание 2 января состоялось. На нем собравшиеся полностью подтвердили основные требования 7, 9 и 12 декабря. Было выражено горячее сочувствие и пожелание, чтобы требования бастующих железнодорожников и почтово-телеграфных работников были удовлетворены. Свои решения собрание постановило довести до сведения начальства. В случае неудовлетворения требований бастующих — прибегнуть к *мирной забастовке*.

В этом решении сказались оппортунизм, двойственность и непонимание путей революции, политическая трусость руководителей Исполнительного комитета.

Мирная забастовка, когда весь гарнизон стоял на революционных позициях. *Мирная забастовка*, когда нужно было сделать решительный натиск и раздавить остатки реакции. Нечего было говорить о *мирной забастовке* восставшего вооруженного гарнизона, борющегося не только за свои элементарные права, но и за освобождение страны от царизма.

Как видим, гарнизон только еще учился на своих ошибках, как надо побеждать.

4 января был арестован, по приказанию главнокомандующего, д-р Ланковский — председатель железнодорожного союза. Еще раньше, 23 декабря была попытка арестовать председателя «Исполкома нижних чинов» Шпера.

---

[1] Владивостокский порт. Дело № 51. Лист 16.

Арестовывать пришел... сам генерал Селиванов, но солдаты, бывшие в помещении, не дали арестовать Шпера. Попытка арестования Шпера и арест Ланковского были провокационными действиями: власти думали вызвать несвоевременное, неподготовленное выступление гарнизона, разгромить его, залить кровью улицы Владивостока и этим покорить «под нози врагов и супостатов».

Но провокация не удалась. 6 января в цирке снова собрался многочисленный митинг. На этот раз присутствовало больше «вольных», это и понятно, так как основной вопрос был о городском самоуправлении. Вместе с тем, обсуждался вопрос об аресте Ланковского. Была принята резолюция: потребовать освобождения его из-под ареста. Избрана делегация в составе более 20 человек для вручения этой резолюции и передачи решения по поводу забастовки почтово-телеграфных служащих. Комендант был точно осведомлен о том, что происходит в цирке, и решил, если «цирковые митинговщики» выступят активно, он сделает «кровопускание для освежения организма».

Как и следовало ожидать, делегация не была принята.

Кипели революционные страсти, готовые вылиться в активные действия. Не преувеличивая и не уменьшая значения революционных сил во Владивостоке, можно смело утверждать, что если бы выступление состоялось сразу в ответ на непринятие делегации комендантом, выступающие были бы сильнее: генералитет был еще «в подготовительном положении» к предстоящим действиям.

Было решено — все протесты и действия перенести на 10 января, на день общего митинга, который решено было поддержать вооруженной силой.

Через день после митинга в цирке был арестован Шпер.

9 января, день расстрела рабочих в Петербурге, был отмечен во Владивостоке митингами [1] и усиленной подготовкой враждующих сторон к 10 января. Селиванов успел стянуть войска из вне-городских районов. Подготовился к этому дню и «внутренний враг», особенно матросы, которые решили, что они выйдут 10/\ только вооруженными.

В то время, когда рабочие, солдаты и матросы митинговали, у командующего 8-ой дивизией генерал-майора Алкалаева-Карагеоргиевича происходило особое совещание с участием командиров 4 полков и командира Сибирского

[1] В порту и в зале восточного института.

флотского экипажа кап. 1-го ранга Юрьева 2 (бывш. командира 1-го Балтийского флотского экипажа, посланного морск. мин. водворить порядок во флотских командах Владивостока). Основным вопросом в порядке дня было — изъятие всего огнестрельного оружия в морских командах. Капитан I-го ранга Юрьев так описывает свое выступление на этом совещании:

«Мною определенно и твердо было заявлено, что в виду уже давнишней и полной деморализации всех морских команд порта желаемая мера (отобранье оружия у матросов) может быть успешно проведена в исполнение единственно средством и под охраной сухопутных войск, не утративших еще основных понятий о долге службы, святости присяги и назначения армии для защиты государства от врагов отечества внешних и внутренних, а также намеченную меру необходимо успеть провести в исполнение вполне до наступления темноты, т.-е. не позднее 5 часов вечера. При выяснении вопроса в заседании ясно обнаружилась сравнительная свобода в данный момент полков дивизии»[1].

На этом совещании вынесено пожелание: «сегодня же» т.-е. 9/I изъять 3.300 ружей, 760.000 патронов к ним, револьверов 400 шт. и 15.000 револьверных патронов; 1 пушку Барановского со снарядами и 2 пуда динамита.

Но так как груз был слишком громоздкий, а времени было мало, то совещание приняло решение: изъять все патроны, револьверы, а также затворы и штыки от ружей. Это решение должно быть утверждено комендантом крепости, куда и направились к-р 8-й дивизии и к-р флотского экипажа. Селиванов одобрил эту операцию. Во флотский экипаж прибыли генерал Алкалаев-Карагеоргиевич и капитан I-го ранга Юрьев, чтобы на месте обсудить все детали. По словам Юрьева, генерал Алкалаев сделал ошибку так как в присутствии матросов сказал, что штыки и затворы будут взяты для осмотра специалистами и что осмотр их будет в 29 полку.

Узнав об этом, матросы немедленно сообщили в экипаж и побежали сказать своим товарищам, присутствующим на митинге.

«Ребята, марш домой! Живо в экипаж, у нас отбирают

[1] Дело владивостокского порта № 51 за 1905 г. Лист 13. Показания Юрьева.

ружья! Бегом в экипаж!» — запыхавшись, говорили прибежавшие матросы.

Операция по изъятию боевого снаряжения в экипаже уже подходила к концу, когда матросы прибежали с митинга. Бывшие в экипаже также вышли из казарм с твердым решением — воспрепятствовать и не дать обезоружить себя. Юрьев с горечью констатирует, «что же можно ожидать от этих людей, в большинстве широко усвоивших и практиковавших со времени октябрьского бунта понятия о своеволии, свободно с той поры ходивших повсюду в манзовских или иных шапках, игнорируя форменную фуражку; нераздельно с матросами появлялся и разный люд других элементов населения, периода почтово-телеграфной и жел.-дор. забастовки и общего падения власти в сфере крепостного района».

Матросы «помешали» операции, своим грозным окриком остановили изъятие оружия и оттеснили солдат. Юрьев и капитан 29-го полка подполковник Предко поскакали доложить коменданту крепости о «нахальстве» матросов. За это время без всяких инструкций матросы «похитили» большую часть оружия, погруженного уже на подводы.

На вечернюю поверку во флотский экипаж явился комендант города подполковник Сурменов. Он заявил, что по распоряжению коменданта крепости он прибыл с 2-мя сотнями казаков и 2-мя пулеметами на случай беспорядков. В случае надобности он немедленно прибудет, так как казаки стоят у оврага, за Мальцевской площадью.

Застращивание матросов не помогло.

5. 10 января.

Наступило морозное, тревожное утро 10 января.

На кораблях, в экипаже, ротах, батальонах, в порту рабочие готовятся к выступлению. В городе — тревога, чувствуется приближение грозы. На судах [1] с большим трением и препятствиями со стороны офицеров матросы взяли винтовки, но не везде удалось захватить патроны. Так, например, на «Тереке» после больших усилий матросы взяли ружья, патроны они получили в экипаже.

---

[1] 2 крейсера: «Жемчуг», «Алмаз», транспорты: «Аргунь», «Терек», «Шилка», «Камчадал» и «Алеут»; ледокол «Надежный», отряд миноносцев и др.

Когда матросы уходили, командир судна преградил им на трапе дорогу, но был отстранен. Уссурийский железнодорожный батальон приготовился в полном составе и вооружении выступить для охраны митинга. Выбрав из своей среды командиров, в лице унтер-офицеров *Кулимина*, *Глазкова* и *Куут*, батальон выступил утром 10 января.

В порту рабочие устроили утром летучий митинг, где тоже решено было — выступить по возможности вооруженными, но у них был большой недостаток оружия. На этом митинге были матросы. Узнав о решении рабочих и об отсутствии у них оружия, они принесли из экипажа револьверы и частично снабдили ими своих союзников.

Морозный до 23 градусов, с сильными порывами ветра тревожный день. Во втором часу к казармам флотского экипажа подошли вооруженные колонны рабочих. На дворе экипажа шли последние приготовления матросов... Раздалась команда... Загремела музыка, и стройными рядами выступили по Шефнеровской ул. вооруженные моряки, числом около двух тысяч человек без единого офицера. На Светланской ул. к демонстрации присоединился вооруженный винтовками Уссурийский железнодорожный батальон... Свернули на Алеутскую, где помещался штаб крепости. Селиванов наблюдал за проходившей демонстрацией, наблюдал и делал оценку. Проходя мимо штаба, демонстранты заметили выставленные пулеметы и сильное прикрытие. По городу сновали казацкие разъезды и двигались отряды. Ясно было, что власти решили пролить кровь. На Посьетской ул., где помещался цирк и где назначен был митинг, матросы расставили караульные посты и выслали дозоры на случай нападения со стороны правительственных войск.

В цирке, переполненном людьми, обсуждался вопрос: об освобождении Ланковского, Шпера и других арестованных.

Короткие речи... масса предложений... Нервное настроение и у всех одно желание — скорее разрешить этот вопрос.

Неудачные предложения общим хором отвергаются. Кто-то предложил послать телеграмму Линевичу. Раздаются голоса: «Послать... послать...» Тут же отвергается это нелепое предложение. Решено: послать делегацию из шести офицеров и трех солдат к генералу Флугу, переговорить с ним, предложить ему поехать к Селиванову и просить его об освобождении арестованных...

Флуг принял делегацию, заявил, что он поедет к Селиванову, передаст предложение делегации, хотя лично он не сочувствует этому предложению. Будь он на месте Селиванова, конечно, отверг бы это предложение. Делегация во главе с Флугом направилась на квартиру Селиванова. Коменданта крепости на квартире и в штабе не оказалось, и никто из штабных не хотел сказать, где он. В это время генерал лично руководил расстановкой пулеметов и отдавал последние распоряжения к боевым действиям, на случай, если покажется «толпа». У пулеметов стояли офицеры и надежные пулеметчики. Был отдан приказ — прекратить «игру» в запугивание и стрельбу холостыми зарядами и сразу применять боевые патроны.

Делегация вернулась обратно. Кроме неудачи в выполнении своей миссии, она передала о всех приготовлениях вокруг штаба и в городе.

Снова ряд предложений, противоречащих друг другу. Чувствуется, что нет твердого руководства, хотя все горят одним желанием с достоинством выйти из этого положения.

На трибуну поднимается стройная, пожилая женщина с прекрасными серыми глазами. Она заговорила скромно, без всякой аффектации. По рядам сидевших и стоявших в переполненном цирке пробежало:

— Это Людмила Волкенштейн![1]

Всем, кто ее знал, и тем, кто в первый раз ее видел и слышал, это имя было дорого. Сегодня, в этот тревожный день величайшего порыва, разве она могла не быть вместе с теми, за свободу и счастье которых она всю свою жизнь боролась.

Л. Волкенштейн говорила, что момент очень ответственный, надо тщательно взвесить все шансы, собрание слишком нервно настроено. При малейшей оплошности будут жертвы. Если нет уверенности в победе, лучше выждать время...

Решено всем митингом пойти к коменданту крепости и потребовать у него освобождения арестованных. Впереди пойдут невооруженные, сзади замыкая шествие — воору-

---

[1] Людмила Александровна *Волкенштейн* — дочь чиновника, родилась в Киевской губ. в 1857 г., здесь окончила гимназию и фельдшерские курсы. Участвовала в революционном движении с 1879 г. Арестована в 1883 году по делу 14 (с В. Н. Фигнер), за устройство военной организации «Народной Воли». Осуждена к смертной казни, с заменой каторгой на 15 лет. Отбыла этот срок в Шлиссельбурге, откуда была выслана на Сахалин. В 1905 году прибыла во Владивосток к своему мужу. *Ред.*

женные колонны. Кто посмеет стрелять в женщин, детей, учащихся? Кто посмеет стрелять в безоружных, кто посмеет повторить 9 января, осужденное общим возмущением народа?

Двинулись... впереди флотский оркестр заиграл марш... 1-я Морская улица... Гремит музыка... Шаги решительные... идут матросы, гимназисты, рабочие, женщины... Угол Морской и Алеутской, видно здание штаба, там шевелятся какие-то зловещие фигуры.

— Вперед, товарищи, вперед, смелее!

Гремит музыка.

Вот офицер поднял шашку. Горнист сыграл сигнал.

— Вперед! Не посмеют стрелять!

Шашка в офицерской руке опускается.

Затрещал один пулемет, за ним другие. Музыка оборвалась...

«Смерть... Люди гибнут... Передние ряды валятся, как скошенные. Образуются кучки упавших. Оттуда по временам поднимаются фигуры и пытаются перебежать. Одним это удается, другие поднимаются, но... остаются на месте. Все смешалось: крики и стоны раненых, плач женщин и детей»[1].

Вот упала женщина, вся в черном, шедшая рука об руку с матросами, с молодежью... упала и больше не поднялась. Это была Л. А. Волкенштейн...

«На Посьетской тоже действовал пулемет, производя свою смертоносную трескотню, калеча и убивая людей».

Матросы делали отчаянные, смелые вылазки: под пулеметным огнем они подбегали к этим дьявольским машинам. К сожалению, смазанные густым слоем сала и при сильном морозе некоторые винтовки не стреляли. Укрываясь за заборы, из окон домов матросы палили по пулеметной прислуге, наводя страх и выводя из строя пулеметчиков. Часть матросов бросилась на Тигровую батарею и оттуда открыла огонь по правительственным войскам. Некоторые, захватив здание окружного суда, стреляли по селивановским пулеметам. Генерал Селиванов мог радоваться своей «победе»: пулеметы дали богатую жатву. Казаки скакали по улицам, добивая корчившихся в предсмертных муках раненых, гонялись за отдельными матросами и к ним особенно были беспощадны. Одного, схва-

---

[1] «Владивостокский Листок» № 14 от 10/I 1906 г.

тив на седло, изрубили на части, другого умирающего, со слабыми признаками жизни, офицер бил шашкою по голове...

Силы правительственных войск в расстреле манифестации 10 января были невелики. Поэтому Селиванов и действовал в «ударном порядке». Участвовали пулеметные команды, у пулеметов стояли исключительно офицеры, казаки, учебная команда 32-го Восточно-Сибирского полка. Это был актив. Другая часть, выведенная на защиту «порядка», держала себя пассивно.

После расстрела власти немедленно приступили к массовым арестам и уже торжествовали полную победу.

6. На другой день после расстрела.

Утро 11 января принесло властям глубокое разочарование. Все планы и намерения Селиванова по дальнейшей ликвидации «результатов свобод» были перепутаны артиллеристами Иннокентьевской батареи, находящейся на Эгершельде. Утром значительная часть вооруженных артиллеристов отправилась на батарею Купера, сняла с постов караул, захватила из склада три пулемета и четыре ящика лент и все это взяла к себе на батарею. Были потребованы от командира ключи от погребов, и без большого сопротивления он выдал их.

В час дня Иннокентьевская батарея сделала орудийный выстрел, послуживший сигналом к новому выступлению... Через несколько минут батарея снова напомнила о своем выступлении и подняла красный флаг. В лагере властей растерялись. Поднялась паника в штабе: там никак не ожидали, что гарнизон, вчера поверженный «во прах», снова поднимется. Штаб крепости отчетливо учитывал свои слабые стороны, а главное — ничтожное количество войск на своей стороне.

Вся генеральская спесь коменданта отлетела. Боясь, что события развернутся не в его пользу, он решил поехать на батарею и своим «авторитетом» повлиять «на безумных» иннокентьевцев. Почти со всем штабом комендант поехал на восставшую батарею. На первый же вопрос генерала артиллеристы потребовали освободить арестованных товарищей. Комендант категорически отказал. Было заявлено, почему он не разрешает на основании манифеста 17 октября свободно собираться солдатам и матросам. Селиванов ответил, что манифест на армию не рас-

пространяется. Тогда солдаты указали на вчерашнюю расправу и расстрел не только военных, но и вольных. На это Селиванов ответил, что поступил правильно, что и впредь он так же будет поступать... Потребовали еще и еще раз освобождения арестованных и снова получили отрицательный ответ. Тогда иннокентьевцы предложили удалиться штабным офицерам. Они это исполнили; кольцо, замыкавшее Селиванова, разомкнулось... В тишине раздался треск пулемета... Комендант сделал попытку уйти с батареи, но залпом из винтовок он был ранен в шею и отправлен во 2-й госпиталь, где лежали десятки раненых и изувеченных вчера людей.

С быстротой молнии по городу разнеслась весть о происшествии на Иннокентьевской. Поступок иннокентьевцев еще более поднял настроение. По городу в большом количестве раздавалась листовка, с траурной каймой, описывающая расстрел 10 января.

«Наемные палачи старого режима повторили петербургские ужасы 9 января 1905 года во Владивостоке 10 января 1906 года. Безоружную толпу жителей, где были женщины и дети, расстреливали из ружей и пулеметов. Толпа шла с митинга в цирке, шла к коменданту Селиванову требовать освобождения арестованных выборных. Бывшие на митинге вооруженные матросы и солдаты остались сзади, чтобы манифестация не имела вида угрозы. Прежние митинги посылали депутации, генерал Селиванов не хотел принимать их. Теперь надеялись, что он выйдет говорить, когда к нему придет целый митинг. Трусливый убийца безо всякого предупреждения встретил доверчиво шедшую к нему мирную толпу выстрелами из пулеметов. Перебив и разогнав шедших, палачи не хотели тотчас прекратить эту бойню. Когда уже никакая воображаемая ими опасность больше им не угрожала, они расстреливали всех случайных прохожих, даже тех, которые оставались подбирать раненых.

Казалось, они задались целью истребить как можно больше народа. Теперь они будут говорить о восстании, которое они будто бы усмиряли. Они будут хватать, томить в тюрьмах, судить и казнить всех, кто стоял за свободу. Виновник убийств, палач беззащитных и его верные слуги останутся героями-победителями и исполнителями долга и присяги.

Но мы верим в конечную победу народа. Кровь убитых пусть лежит на совести тиранов. Суд народа и исто-

рии справедливо оценит их поступки. Позор же их именам и проклятье их памяти! *Группа граждан*».

Срок суда «истории» оказался очень коротким, меньше чем 24 часа.

Командир 32-го Восточно-Сибирского полка подполковник Гедеванов получил приказание от исполняющего обязанности коменданта крепости генерала Алкалаева-Карагеоргиевича — вывести полк и подавить восстание силой.

Гедеванову дежурный по полку офицер доложил:

«Солдаты не желают строиться, в ротах стоит ропот и раскаяние, что вчера уйму перебили людей» [1].

В полк приехал генерал Алкалаев. Он попробовал похвалить вчерашний поступок солдат и уговаривал их итти на новое преступление. На все усовещания генерал получил ответ:

— Строиться не будем, убивать людей не пойдем!

Только что успел убраться генерал Алкалаев, как полк с оружием в руках двинулся к гауптвахте, которую охраняли солдаты того же полка. По дороге к солдатам присоединились рабочие, саперы, артиллеристы, снова выступили вооруженные матросы. У гауптвахты тысячи голосов сливаются в одном порыве:

— Освободить арестованных! Немедленно освободить!

Появился комендант города подполковник Сурменев. На требование освободить заключенных Сурменев заявил, что без разрешения коменданта крепости он никого не освободит и, пока он здесь, не выйдет ни один человек...

Вырвались снова протесты и вместе с ними заговорили выстрелы. Подполковник Сурменев был убит. Караул, охранявший гауптвахту, влился в общую массу. Приступили к освобождению арестованных. В это время прибежал подполковник Гедеванов и заявил от имени коменданта об освобождении заключенных. Но в этом никто уже не нуждался. Арестованные — Ланковский, Шпер и другие были вынесены на руках.

---

[1] Частично полк принимал участие в расстреле 10 января. К-р полка так доносит в своем рапорте к-ту крепости от 14/I 1906 г. № 402: «...Доношу, что 10 сего января вверенный моему командованию полк защищал штаб крепости и крепостную гауптвахту от вооруженной толпы матросов и других мятежников, которые собрались на митинг у цирка...» только учебная команда, 1 и 6 роты имели в действии 10 пулеметов. «Н-к участка у дома коменданта крепости открыл огонь из 2-х пулеметов... После первых выстрелов толпа бросилась назад, оставив за собой убитых и раненых...»

Когда казаки узнали о новом выступлении гарнизона и о ранении коменданта, они решили спешно покинуть город. Н-к штаба полковник Май-Маевский последовал за казаками, уводя с собою 1 и 2 роты 32 полка, захватив и полковое знамя. Часть «мирного» населения, в роде редактора черносотенной газеты «Дальневосточный Листок», Панова и др. тоже сочли за благо оставить Владивосток.

Когда жалкие остатки правительственных отрядов проходили в окрестностях Владивостока, одна из батарей выстрелом остановила их. По телефону был запрошен Исполнительный комитет, что делать с убегающими казаками. Был дан ответ: отпустить их на все четыре стороны.

В городе было безвластие, но вместе с тем и полный порядок: ни грабежей, ни пьянства. Две недели город, первоклассная крепость и часть флота находились во власти восставших рабочих, солдат, матросов и их организаций. Это была республика, где нехватало, однако, опытного руководства.

После освобождения арестованных состоялся многолюдный митинг. Снова, как и раньше, настроение масс было приподнятое, революционное. Казалось, что эти тысячи восставших, захвативших крепость в свои руки и изгнавших властей из города[1], ценою крови будут защищать свои завоевания. Однако, руководители были достаточно осторожны, так как к этому времени московское, читинское, красноярское и ряд других восстаний были подавлены. Но положение обязывало ко многому, главное, к подготовке обороны на случай нападения, к расширению территории, обеспечению тыла, прочной связи с другими городами и т. д.

Митинг принял следующее постановление:

1) Потребовать строгого следствия для выяснения виновников предательской стрельбы 10 января.

2) Виновных в этой стрельбе предать суду с применением законов военного времени.

3) Объявить газете «Дальний Восток» порицание за подстрекательство.

4) Благодарить солдат за их содействие революционному народу.

На митинге встал вопрос о похоронах жертв 10 января. Весь город, вся крепость, остатки флота были заняты

[1] Во Владивостоке был призрак власти в лице генерала Модля, который автоматически ставил штемпеля «согласен» на все постановления Исполнительного Комитета.

этими похоронами. Убиты, пали, погибли «чужие люди», но эти «чужие люди», теперь покойники, стали близкими, родными, своими. Каждый чувствовал и понимал, что они погибли за свободу, за раскрепощение человека, за избавление от ужасной эксплоатации, за право на свободный труд на вольной земле.

13-го состоялись похороны Людмилы Александровны Волкенштейн[1] и Заренсдорфа (гимназист). При большом стечении масс с особой торжественностью похоронили эти две жертвы.

16-го состоялись похороны матросов, солдат и других убитых. Модль наложил штамп — салютовать 101 выстрелом, да и без этого штампа, конечно, салют был бы произведен.

При 20.000 стечении народа, при море знамен и плакатов, флагов, при оркестрах музыки, в 10 час. утра двинулась печальная процессия из морского госпиталя к братской могиле вблизи вокзала. Впереди верхом конно-охотничья команда с обнаженными шашками. Дальше несли большой плакат с надписью:

«Вечная память борцам за свободу».

Дальше венки, знамена, музыка, хоры певчих, море голов и гробы. «Вечная память» чередуется с «Вы жертвою пали в борьбе роковой».

На половине пути процессии — с Тигровой батареи загремел орудийный салют. Через каждую минуту выстрел...

В это время один из членов «союза союзов» выкинул флаг с надписью:

«Да здравствует республика!»

Этот лозунг напугал Шпера, за освобождение которого из тюрьмы погибли люди, которых сегодня хоронили. Шпер чуть ли не с кулаками набросился на «смельчака», осмелившегося напомнить о том строе, за который боролись и умирали лучшие люди. «Республику» убрали.

Речи... клятвы на общей братской могиле. При опускании в землю гробов роты производили троекратный залп...

В таком же стройном порядке, без единого инцидента разошлись тысячи по казармам, батареям, экипажам, кораблям и квартирам... Впечатление от похорон и вместе с тем неясность политического положения наложили осо-

---

[1] На Покровском кладбище.

бый отпечаток на эти тысячи... Расходясь, они ставили вопрос: Дальше что? Что же дальше?..

7. Удар с двух сторон.

На другой день после похорон генерал Модль устроил совещание начальников всех частей для выяснения положения и настроения солдат. Вопрос о матросах уже не поднимался, на них махнули рукой, как на «безнадежно погибших». Совещание констатировало падение дисциплины, полный переход команд на сторону революции и при создавшемся положении невозможность влияния на солдат. Узнав о результатах совещания, Линевич решил силою восстановить порядок во Владивостоке. Если за все время военных действий с Японией не удалось выиграть ни одного, даже маленького, сражения, надо завоевать, хотя бы... Владивосток.

Решено было послать сильный отряд под командою «популярного» генерала Мищенко с правами начальника всех вооруженных сил на полуострове Муравьева-Амурского, в составе: 1) 3-ей Восточно-Сибирской дивизии, 2) Пластунского батальона, 3) Терской казачьей бригады и 4) 1-й Забайкальской казачьей батареи. В ударном порядке отряд должен быть переведен из Харбина в Раздельное — место сборного пункта, — оттуда эти банды должны двинуться для... завоевания «неприятельского» города.

16 января прибыл и приступил к исполнению своих обязанностей новый комендант крепости, начальник 53-ей пехотной дивизии генерал Артамонов [1]. С появлением его на заборах г. Владивостока появилось «обязательное постановление» о прекращении солдатских вольностей за подписью Приамурского генерал-губернатора, командующего войсками округа генерала Хрещатицкого. В этом постановлении от 15 января он использовал весь несложный лексикон черносотенцев.

«Последнее время в городах и других местностях высочайше вверенного мне края появилась шайка злонамеренных лиц (по большей части не русского происхождения), которые под видом радения о благе народа и проведения

---

[1] Генерал «с лисьим хвостом и волчьими зубами», как называли его кронштадтские матросы в бытность Артамонова главным н-ком Кронштадта.

в жизнь дарованных последнему великих реформ высочайшего манифеста 17 октября 1905 г. неправильно истолковывают последний с целью поселить смуту в народе, вызвать беспорядки и, пользуясь обстоятельствами, посягнуть на собственность мирных граждан. Пагубное последствие его видно каждому...» — так начинается «литературный продукт» генерала-от-кавалерии.

«Для ограждения нижних чинов войск округа от возможности вовлечения их агитаторами в преступную пропаганду и участия в беспорядках... предписывается... о безусловном воспрещении нижним чинам посещать всякие сборища, сходки (митинги) и участвовать в каких бы то ни было собраниях и обществах...»

Союзы, общества, собрания и т. п., привлекающие в свои организации нижних чинов, привлекаются к ответственности: высылке из края, штраф до 3 тысяч руб. или тюрьма до 3-х месяцев.

Все требования администрации и полиции, в случае возникновения беспорядков, должны исполняться беспрекословно, за ослушание виновные «подлежат преданию военному суду для суждения их по законам военного времени». Дальше говорится, что если «толпа или отдельные лица не разойдутся после троекратного повторения о немедленном прекращении беспорядков, «против них будут употреблены силы и оружие...»

Этот документ в духе Трепова не вызвал во Владивостоке никакого отпора. Как бы авансом подчиняясь всему, что вытекает из этого постановления, председатель Исполкома Шпер вошел с заявлением к коменданту крепости об амнистии всех участников событий с 30 октября по 17 января.

Это в тот момент, когда еще не было власти во Владивостоке, когда в руках восставших была первоклассная крепость, с «преступным» гаризоном и рабочими.

14 января Линевич отмечает в своем дневнике:

«Мищенко сегодня уехал во Владивосток укрощать мятежных моряков и солдат...»

Немного позднее Исполнительный комитет выпустил прокламацию. Не подумайте, что она призывала к борьбе с генералом, идущим «укрощать мятеж»:

«Нижним чинам владивостокского гарнизона.

Товарищи! На место генерала Селиванова приехали к нам ген. Артамонов и Мищенко. Говорят, что генералы

Артамонов и Мищенко — боевые генералы и честные люди, а потому мы надеемся, что они вполне заслужат любовь всего гарнизона и граждан города, действуя на основании Высочайшего манифеста 17 октября, т.-е. не препятствуя нашим собраниям и не заставляя солдата, матроса или казака быть убийцей, Каином своего же брата солдата или гражданина».

Так усыпляли гарнизон и рабочих.

Городская управа тоже выпускала свои воззвания в еще более успокоительных тонах: перепуганный буржуа был рад избавиться от революции.

«Боевые генералы» сначала стали на путь дипломатии: своим красноречивым языком они расчищали путь к нагайкам и штыку. Осторожненько Артамонов налаживал бездействующую машину «законной власти» и смазывал, пригонял все винтики правительственного аппарата.

В своем «либерализме» он вступил в состязание, или вернее, в соревнование с Исполнительным комитетом.

20 января состоялись похороны коменданта города Сурменева. По возможности, Артамонов обставил их по-военному. Правда, Тигровая батарея молчала, но на похоронах были солдаты. Проходя мимо братской могилы, Артамонов махнул рукой, и процессия остановилась. Он произнес речь в духе примирения и забвения обид, заклинал от имени павших и похороненных в братской могиле, простить друг друга... Сурменев тоже жертва... Артамонов попросил, чтобы в знак полного примирения убрали с братской могилы плакаты с надписями: «Позор палачам и убийцам», «Мы отомстим за вашу смерть» и т. д.

Попутно с последними приготовлениями к выступлению на Владивосток, Мищенко изощрялся в «либеральном творчестве», насыщая свои послания с Раздельного словами «всепрощения», «забвения», «любви» и «христианского долга». Он писал, что цель его прихода во Владивосток — не репрессии и расправы, а в виду перегруженности ж. д., не могущей справиться с перевозками, он должен морем отправить войска в Россию.

Артамоновская машина заработала эластично. Прежде всего надо было вывести неспокойные воинские части из города. Но надо это сделать незаметно, не с окружением казаков, а по-другому. Мы знаем, что Май-Маевский, уводя 2 роты 32 полка, захватил с собою полковое знамя. И вот, поскольку состоялось «примирение», а полк

без «полковой святыни» не может быть, то был отдан приказ:

«Выйти навстречу своей полковой святыне».

Вышли... идут... идут... Святыни нет. Вместо святыни... верхнеудинские казаки, которые окружили полк и повели его дальше под конвоем в селение Иман. Запросили «Исполнительный комитет нижних чинов» с берегового форта крепости (в 16 верстах):

«Пропустить ли Мищенко с отрядами?»

Был дан ответ: «Пропустить».

Полк пластунов прежде всего внезапно занял флотский экипаж.

Одновременно в разных типографиях печатались приказ и воззвание.

Мищенко в своем приказе сбросил маску «доброжелателя»: он объявил крепость и район на осадном положении, с запрещением выходить на улицу после 8 часов вечера, а Шпер в своем *последнем* воззвании подхалимствовал:

«Товарищи... Прибывающие к нам товарищи казаки и пластуны это не те убийцы, которые убивали беззащитный народ. Эти до сих пор не запятнали своих рук кровью борцов за свободу и, вероятно, никогда не запятнают их. Они идут только в виду неимения в крепости регулярной кавалерии, и будем надеяться, что они никогда не подымут оружия против товарищей и народа».

Общественная и политическая жизнь замерла. Революционные партийные работники ушли в подполье.

Колеса правительственной машины завертелись.

Сибирский флотский экипаж и часть судовых команд были вывезены в село Спасское. До 60 человек матросов были арестованы и содержались в той самой гауптвахте, из которой они 15 дней тому назад освободили своих вождей.

Иннокентьевцев и куперовцев в числе 194 чел. изолировали на полуострове Чуркине. 1-ю роту жел.-дор. батальона отправили в урочище Барабаш. Часть активных работников успела скрыться и даже выехать в Японию и на Сандвичевы острова. Некоторые матросы рассыпались по станциям и продолжали вести агитацию. Так унтер-офицер *Н. Непомнящий* вел агитацию среди казаков и за слова: «Мы, матросы, во что бы то ни стало добьемся свободы, отберем у господ землю и будем иметь свободные собрания» он был арестован. На ст. Кетрицево жан-

дармский вахмистр арестовал матроса с «Терека» *В. Стрелкова*, который разъяснял солдатам и гражданам события во Владивостоке.

Начала работать «военно-следственная комиссия». Подводились свежие, «неразложившиеся» войска.

27-го января был отдан приказ — вернуться обратно на гаптвахту всем, освобожденным 11-го января.

«Миролюбивый» генерал не забыл и своих мертвых врагов. Братскую могилу, над которой Артамонов давал клятву о забвении обид и о прощении друг другу, в одну февральскую ночь китайские кули кощунственно разрыли и под усиленной охраной вывезли тела...

С апреля по июнь включительно «работали» военные суды.

С 6-го июня в селе Спасском в составе председателя генерал-майора Книппер, врем. членов: полковника Славинского, кап. 2-го ранга Балк, Карказ, лейт. Гомпер и при пом. прокурора Андерсон состоялся врем. военно-морской суд.

Обвинялось 402 моряка за вышеописанные «прегрешения». Из них 33 человека были в бегах и в «неизвестности», один умер во время следствия, 2 ушли в запас, 4 — больных и 7 — в плавании на «Тереке».

Часть «обвиняемых» была освобождена в первый же день суда, так как выяснилось, что они были в плавании или на маяках и участия в движении не принимали. Всего судилось налицо 353 человека.

В первый день суда бежал машинный содержатель *Кальниш*, несмотря на то, что была сильная охрана.

Фельдшер Федор *Жарков*, кочегар Иван *Малышев* и матрос Михаил *Титов* были приговорены к смертной казни через расстреляние, замененной 15 годами каторжных работ.

В каторжные работы были осуждены: Дм. *Андреев* — на 10 лет; *Иванов*, *Рубисов* и *Сизов* — на 6 лет; *Архаров* и *Племянников* — на 4 года и *Марченко* — на 5 лет[1]. Остальные были приговорены к арестантским отделениям и дисциплинарным батальонам.

Так закончились во Владивостоке дни тревог и «свобод», дни волнений, жертв и крови.

---

[1] Эти осужденные отбывали каторгу в Акатуе и в Горном Зерентуе Нерч. каторги. *Ред.*

8. «Бич божий» в плавании.

Нам остается проследить хотя бы вкратце судьбу Тихоокеанского отряда крейсеров, уведенного из Владивостока адмиралом Иессеном на Сахалин, в день начавшегося возмущения.

Вот как описывает положение дел его начальник — в конфиденциальном и особо-секретном рапорте от 29/III 1906 г. за № 23, морскому министру:

«... Ненадежное состояние духа команды на судах вверенного мне отряда при выходе его из Владивостока не представляет ничего удовлетворительного. Люди на крейсерах с начала войны беспрестанно менялись, перемешиваясь постоянно с нижними чинами запасными и Сибирского флотского экипажа. К этому же дух команды на крейсере «Богатырь» и в особенности на «Громобое» еще до начала войны был нехорош.

Постоянная перемена командиров, старших офицеров и остального офицерского состава оказала прямо пагубное влияние на команду. В особенности это было заметно на крейсере «Громобое» после смены на нем в январе месяце 1905 г. старшего офицера капитана 2-го ранга Виноградского, который оказал на команду этого крейсера самое вредное влияние, не стесняясь пользоваться для достижения своих целей относительно неудобных ему нижних чинов и даже офицеров избранными им нижними же чинами для шпионства. Кроме того, весьма продолжительные стоянки в доке крейсеров «Богатырь» и «Громобой» также оставили неизгладимый след в их команде».

«От 5/I с. г. я доносил о том тлетворном влиянии, которое оказывали на состояние умов в команде широкоорганизованная мятежная пропаганда во Владивостоке и последние политические события внутри империи. Владивостокские агитаторы, ведя свою пропаганду, прекрасно понимали умственную и политическую неподготовку возбуждаемых ими нижних чинов и для достижения своих мятежных целей старались главным образом вызвать у команды не столько недовольство государственным строем, сколько недовольство их военною судовою обстановкою и ближайшим начальством. Красною нитью через всю пропаганду проходит фраза: «Начальство вас обманывает ...» Надо было только вызвать недовольство и недоверие к начальству и могущим произойти от того беспорядкам уже легко будет придать желаемое».

В таком «неотрадном» состоянии увел Иессен отряд на Сахалин, а затем и за границу.

Командиры боялись прочитать манифест 17 октября, хотя матросы и знали его содержание. Командир крейсера «Россия» кап. 1-го ранга Лилье, так объясняет это «упущение», т.-е. задержку объявления манифеста:

«Неожиданно и неподготовленно вышел во Владивосток манифест 17 октября 1905 г. Растерявшееся начальство не объявило его командам. В команде крейсера стали объяснять свободу очень своеобразно, и я, не получив разрешения *дословно* прочесть манифест, объяснил сущность его команде и его отношение к военнослужащим».

Только 3-го ноября во время стоянки в Александровском порту на Сахалине на крейсере был прочитан официально и полностью манифест, и лейт. Доливо-Добровольский дал соответствующее объяснение ему.

В перехваченном письме матроса *Адабеско*, служившего на крейсере и списанного в армию за неблагонадежность, капитана 1-го ранга Лилье поразила одна фраза: «Мы скоро восстановим свои права».

Чтобы выяснить, чего добиваются матросы и какие хотят они восстановить права, Лилье приказал «пользующимся в команде доверием»[1] мичману князю Щербатову, лейт. барону Гревениц, священнику Станкевичу и старшему судовому врачу Бологовскому — заняться выяснением в порядке частных бесед.

Конечно, команда не сказала «сиятельным доброжелателям», каких она добивается прав.

Из де-Кастри отряд пошел в Нагасаки. Здесь адмирал узнал, от капитана 1-го ранга Стельмана[2], что на «Воронеже» пленные произвели беспорядки, что среди пленных ведется сильная агитация и распространяется революционная литература. Решено было: пленных не допускать на крейсера, а также агитаторов, не увольнять команду крейсеров на берег, пока не будут отправлены пленные. Решено было в Нагасаки сделать маленькую чистку от неблагонадежных элементов. Здесь удалось списать с «России» *Махонина* (чтобы команда не могла воспрепятствовать, ее в большом количестве уволили на берег в деревню Инаса; были небольшие протесты со стороны машинной команды). Арестованного Махонина че-

---

[1] Так и сказано...
[2] Заведующий отправкой пленных в Россию.

рез консула отправили в Сибирский флотский экипаж. На «Богатыре» к-р кап. 1-го ранга Бострем предложил разжаловать в матросы II степени 13 квартирмейстеров и списать во Владивосток 15 человек, чтобы «сразу освободить судно от беспокойных элементов».

Адмиралом было санкционировано это предложение. Также было списано 12 человек и с «Громобоя».

После этих операций команду стали увольнять на берег. Офицерам было приказано, чтобы они тщательно следили за матросами на берегу. Несмотря на всю бдительность надзора, матросы встречались с эмигрантами-революционерами. Были устроены собрания, на которых решено: по выходе из Нагасаки в Гонгконг произвести восстание на крейсере, захватить корабли в свои руки и вернуться во Владивосток, чтобы участвовать в общем революционном движении. Среди команды ходил слух, что во Владивостоке после ухода отряда береговыми батареями потоплены крейсера «Жемчуг» и «Алмаз» и что власти беспощадно расправляются с захваченными матросами, участниками восстания.

О подготовке к выступлению и решению выступить в переходе Нагасаки — Гонконг адмирал узнал из разных источников: будучи на берегу в отеле «Нагасаки», адмирал принял Гревениц и Щербатова, которые были посланы старшими офицерами крейсера «Россия» с важным докладом, и в присутствии своего флаг-офицера лейтенанта Смирнова выслушал их. По словам Гревениц, к нему пришли в разное время гальванерный квартирмейстер Яков *Харциз* и комендор Ив. *Мошинюк* и заявили следующее (прося не говорить никому, что они донесли): на «Громобое» решено, как только «якорь с грунта», поднять восстание, по условному сигналу должен последовать и «Богатырь. На «Россию» у матросов была слабая надежда и решено было заставить ее силою присоединитъся или расправиться с экипажем судна. Князь Щербатов аналогичные сведения получил от фельдфебеля Корейша, да и сам он слышал на берегу разговор между матросами с «Громобоя» и «Богатыря» по поводу восстания.

«В Нагасаки адмиралу, — пишет в своем рапорте Бострем, — стал известен из достоверных источников существующий и, вероятно, предложенный извне план завладеть силою тремя крейсерами с целью пройти во Владивосток».

Благодаря тревожным сведениям и полной возможно-

сти восстания, 20 ноября было совещание командиров под председательством адмирала.

На этом совещании выяснилось, что на «Громобое» до 90 человек неблагонадежны, остальная команда пойдет за зачинщиками[1].

На «Богатыре» дело обстояло не лучше.

Только «Россия» считалась более или менее «надежной». Командир Лилье так распределил свою команду (в 805 человек):

«1-я категория благонадежных — 100 человек.

2-я категория, которых можно сбить с толку — 650 человек.

3-я категория «в духе Стеньки Разина» — 50 человек».

Между прочим, «благонадежные» с «России» выработали контрплан восстания: чтобы обмануть «громобойцев» и удрать от них, они предложили инсценировку убийства офицеров — сделать чучела, одеть их в офицерские мундиры и выбросить за борт, а офицеров спрятать в угольных ямах и потом ночью удрать от восставших крейсеров. Этот план офицерами был отвергнут. Оно и понятно: стоило только залезть добровольно в ямы, и «разинцы» дремать не стали бы.

Положение дел в отряде совещание признало критическим. Оставаться в Нагасаки это значит «заразить» всю команду. Итти в поход и ждать «ежеминутно ожидаемых беспорядков» было невыносимо тяжело.

Все же решено было итти, при этом попытаться расстроить план восстания и принять меры самообороны.

Лилье предлагал «временно учредить на всех кораблях усиленный в палубе караул с заряженными ружьями, избрав для сего надежных людей», но другие командиры отклонили эту меру, заявив, что они не могут найти у себя вполне надежных людей.

На случай возмущения команды на крейсерах «Громобой» и «Богатырь» при выходе из Нагасаки на совещании были приняты следующие меры:

«Послать крейсер «Богатырь» отдельно от других крейсеров в Гонконг, а «Громобою» и «России» следовать туда же сутками позже. По выходе из Нагасаки крейсеру «Россия» быть в полной готовности, в случае мятежа на «Громобое», потопить его минами.

---

[1] Это кроме списанных. На «Громобое» были и раньше «чистки»: подозрительных два раза отправляли в армию.

Поэтому минные аппараты на «России» были заряжены по-боевому.

Лейтенант барон Гревениц с крейсера «Россия» в своем показании дает более точные детали приготовления на случай восстания:

«... Для этой цели мины на «России» были приготовлены к вкладыванию в аппараты и проверены из наиболее надежного контингента команды (комендоры), тайно от нижних чинов были назначены два караула, вооруженных револьверами. По пробитии полной боевой тревоги (при возмущении на «Громобое») назначенные люди вместо своих орудий идут и берут в условленных местах (каюта ст. арт. офицера и арт. содержателя) револьверы и становятся охраной у минных аппаратов в распоряжении ст. минного офицера лейт. Никитина и лейтенанта Егорьева...

Мины, как орудие, были избраны потому, что в артиллерийском вооружении в смысле защиты «Россия» несравненно слабее «Громобоя». Что же касается мины, едва ли при возмущении на «Громобое» при полном беспорядке и безначалии на нем подумают о минах.

Подорвав же крейсер миной, нельзя рассчитывать на его потопление, возмущение же на беспомощном корабле прекратится само собой».

Топить минами свой корабль, на это горе-вояки были способны... Как видно, знаменитая телеграмма царя о потоплении «Потемкина» была известна адмиралу Иессену.

Отделение «Богатыря» и ряд других мер, принятых командным составом, явно бросались в глаза и говорили командам, что о восстании известно начальству. Списание еще в Нагасаки с «России» Махонина, безусловно смелого, твердого человека (еще будучи во Владивостоке, Махонин имел связь с революционными кружками), а также удаления с «Громобоя» и «Богатыря» более активных матросов, конечно, повлияли в худшую сторону. Таким образом, путь Нагасаки — Гонконг — Сингапур — Сабанг прошел благополучно. При удалении от Владивостока, восстание теряло и свое практическое значение, так как цель восстания была, как мы знаем, итти во Владивосток и вместе бороться.

По приходе в Сабангскую бухту 12 декабря, командиры крейсеров снова и в более настойчивой форме предложили адмиралу: если угодно довести отряд благополучно до Либавы, необходимо списать запасных, как наиболее

неспокойный элемент. Адмирал телеграфировал в Коломбо русскому консулу, чтобы он в срочном порядке приготовил до 300 мест на пароходах.

В Сабанге, где отряд встретил новый год, на крейсерах, в особенности на «Громобое», было сильное возбуждение среди запасных из-за задержки отправки на родину. Возбуждение было готово вылиться в открытое возмущение.

Адмирал вынужден был чуть ли не клятвенно заявить, что он немедленно отправит запасных в Россию из Коломбо (о. Цейлон).

5 января отряд прибыл в Коломбо.

Консул не приготовил мест на пароходах, так как пассажирские суда не принимали матросов, а на грузовых — не было мест. Недовольство росло, матросы задержку списания ошибочно объясняли обманом. На самом деле командиры и адмиралы желали избавиться от запасных, разрядить атмосферу и остальной путь пройти спокойно. Ведь за всю войну офицерский состав не принял столько треволнений и страха, как за это время, начиная с октября, когда мир с внешним врагом был заключен и начались действия с «врагом внутренним».

Видя неизбежность роковых последствий, адмирал Иессен пошел на крайнюю меру: он решил отделить крейсер «Богатырь», списать на него запасных с остальных крейсеров, а также и неблагонадежный элемент («растут, как грибы»), и прямым рейсом направить судно в Либаву.

24 января Иессен телеграфирует морскому министру:

«Вышел Джибути. Во избежание серьезных осложнений, счел необходимым отправить людей набора 1899 года на «Богатыре» прямо Порт-Саид и дальше».

В Либаве, куда отряд шел и где он должен был застрять на долгое время, местное высшее начальство смотрело на его приход, как на величайшее несчастье, как на «бич божий».

Этот ужас виден из самой наисекретной, своего рода интимной переписки, «без исходящих и входящих», передаваемой в «собственные руки», между комендантом либавской крепости генерал-майором Порошиным и командиром порта, контр-адмиралом Ирецким.

От 12 декабря 1905 г. Порошин пишет:

«... Ваша весть, что с января будут приходить в Либаву суда, возвращающиеся с Тихого океана, да еще

с 6.500 человек утомленных и озлобленных — просто ужасна.

«Нам грозит несомненный разгром. В этом уж не может быть никакого сомнения. Неужели этого невозможно избежать? Кого надо просить? Все, что можно, я сделаю. Ради бога, подскажите? За это дело нужно приняться *немедленно*. Перед этой опасностью все наши опасения — ничто»[1].

Ирецкой ответил:

«Направление всех судов с озлобленной и деморализованной командой считаю бичом божьим. Но разве можно в чем-либо убедить наш главный морской штаб. Чрезвычайно легко увязать на бумаге, на деле невозможно при существующих условиях».

«Богатырь» пришел в Либаву 6-го марта, «Громобой» и «Россия» — 26 марта.

Несмотря на все принятые меры, офицерство не могло быть спокойно, и на каждом корабле были два враждующих лагеря. Дело дошло до того, что был поднят вопрос удалить команду в запас или отправить в армию, а суда поставить в порт на хранение, пока «бич божий» окончательно не будет устранен.

В отряде Энквиста с «бичом божьим» обстояло не лучше, чем у Иессена. На броненосце «Цесаревич», стоявшем в Коломбо, обнаружен заговор, согласно которого — по выходе из Коломбо в Джибути — будет устроено восстание и броненосец захвачен в руки восставших. 28 человек было арестовано. У губернатора Коломбо был совет, на котором присутствовали английский адмирал, русский консул и кап. 2-го ранга Максимов. Решено было заговорщиков свезти на берег, а «Цесаревич» после отправки заговорщиков через час должен сняться с якоря и покинуть Коломбо. Английские власти взяли от русских обязательство, что если матросы пожелают остаться в Коломбо, их не заставят силою вернуться в Россию.

На пристани был выставлен отряд войск и наряд полиции. На пароходе «Курония» 2 декабря (на второй день после своза на берег) арестованные были отправлены в Россию.

6-го января «Курония» прибыла в Либаву, и арестованные были взяты под стражу.

---

[1] Управление порта «Императора Александра III», д. № 15 л. 92—93.

В марте был разбор дела в военно-морском суде в либавском порту. Суд, боясь возмущения матросов, оправдал всех подсудимых. Небывалое явление, но это было именно так.

Из ряда других эпизодов приведем еще один:

Командир крейсера «Аврора» кап. 2-го ранга Барщ сообщил телеграммой в гл. мор. штаб от 9/I 1906 г. из Шербурга:

«Получены сведения от французской сыскной полиции, команда русских военных кораблей в Алжире и Шербурге закупила большое число револьверов. Так как обыски на корабле не дают результатов, желательно внезапно осмотреть вещи команды при отправлении ее в экипажи в Либаве».

Да, можно было обыскать и осмотреть чемоданы, сундуки и карманы матросов, но даже вместе с французской сыскной полицией и полицией всех стран русская реакция не могла изъять тот гнев и ту ненависть, к отживавшему строю, которую матросы привезли с собой в Россию.

Революция 1905—1906 гг. для масс не прошла даром. Только «сыскных дел мастера» и их хозяева ничему не научились.

Заключительным аккордом революционного движения 1905 г. во Владивостоке, «безумством храбрых», но не лебединой песней революции было смелое, почти легендарное выступление моряков 16—17 октября 1907 г. Как бы желая напомнить, что революция жива, что она грядет, матросы снова захватили почти все корабли, стоявшие в «Золотом Роге», героически боролись и умирали под пулями правительственных войск и во время расстрела по приговору суда [1].

---

[1] Было расстреляно 19 матросов.

Архивист.

ОТМЕНЕННЫЙ «ПРИГОВОР»[1]

После Цусимы миноносец «Решительный» был захвачен японцами[2]. Командир лейтенант Рощаковский и команда после захвата жили в Чифу сначала в помещении русского консульства. За это время «команда была почти нагая, босая, без портов»[3]. Затем был снят отдельный дом за городом, и Рощаковский устроил в нем казарму. Чтобы отвлечь команду от политики и безделия, он даже босых и почти нагих матросов выгонял на работу.

«Команда полола консульский сад, посыпала песком дорожки, чистила колодец, гребла на шлюпке, стояла в ночном карауле... Строевое учение также устраивалось... А когда прибыло оружие (10 винтовок), то явилась возможность, придать нашему устройству военный вид».

Рощаковский устраивал целые парады. Он выдумывал русские «победы» над японцами, говорил выстроенной во фронт команде о гибели японских кораблей и т. п. В честь этих мнимых «побед» окрестности Чифу оглашались криками «ура».

Четыре с половиной часа в сутки команда занималась строевым делом, законом божьим и т. д., Рощаковский завел даже игры в теннис и танцы. Команда пила чай

---

[1] Материалами для очерка послужили — архивное дело главного военно-морского судного управления за 1904 год № 427 и др. документы.

[2] После неудачного боя 28 июля 1904 г. Порт-Артурской эскадры с японцами, часть русских кораблей была вынуждена укрыться в иностранных портах. Так броненосец «Цесаревич» с пятью миноносцами нашел «тихую пристань» в Киао-Чао, крейсер «Аскольд» и миноносец — в Шанхае, крейсер «Диана» — в Сайгоне и миноносец «Решительный» — в Чифу, куда он прибыл 29 июля. 30 июля в Чифу вошли 2 японские миноносца и крейсер и пытались захватить «Решительный», но его успели подорвать. После этого весь экипаж жил до заключения мира на берегу.

[3] Из рапорта командира миноносца лейтенанта Рощаковского.

три раза в сутки, в обед и ужин подавали щи. «Кок чудесный, наши щи великолепны», — захлебываясь, восклицает Рощаковский в своем рапорте. Но «несмотря, однако, на столь хорошие условия жизни, я часто наблюдал, что матросы вовсе не ценят тех забот, которые о них имеют. Между прочим, из Пекина был выписан священник» . . .

«Становится затруднительным держать в повиновении эту команду, состоящую главным образом из мастеровых, а не из землепашцев, не имеющую этой здоровой, деревенской простоты. Много критикующих умов, развитых в отрицательную сторону».

Чтобы унять «критикующих», командир без корабля за малейший проступок жестоко наказывал. Это не мешало ему потом играть в теннис, давать уроки танцев, танцовать кадриль и т. п.

Из одного пустякового случая, какие часто случались на кораблях, лейтенант Рощаковский разыграл трагикомедию.

Между унтер-офицерами и матросами царил разлад. Однажды один унтер-офицер взял во время обеда матросскую скамейку. Матросы потребовали ее обратно. На этой почве вышел шум. Матросы обвиняли унтер-офицеров в подхалимстве перед офицерами и т. п. В этой словесной схватке особенно выделялись трое матросов: машинист *Галкин*, кочегар *Лифанов* и минный машинист *Холкин*.

Рощаковский этот спор подвел под категорию «бунта». Так как в отряде у него не было достаточного количества офицеров, чтобы составить временную комиссию суда и не было «свода морских постановлений» (японцы, захватив миноносец, завладели и этим атрибутом власти), то лейтенант решил действовать «в упрощенном порядке».

Послушаем самого «героя» — следователя, судью и прокурора в одном лице.

«Весьма секретно.

Начальнику главного морского штаба.

РАПОРТ.

Представляя при сем вашему превосходительству дело о бунте против начальства вверенной мне команды машиниста I ст. Петра Галкина, кочегара I ст. Василия Лифанова и минного машиниста Дмитрия Холкина, доношу:

I. Отсутствие книг свода морских постановлений принудило меня действовать, полагаясь исключительно на свою память и некоторую служебную практику; поэтому настоящее дело, вероятно, заключает в себе ошибки, и приговор, касательно числа лет каторжных работ, не определен.

II. Настроение команды и необыкновенные условия, в коих она находится, требовали принятия решительных уголовных мер.

III. Я рискнул и не расстрелял виновных тотчас же; но снял с них знаки воинского звания и заключил в тюрьму, написав в приговоре своем, что казнь заменяется каторжными работами, а не тюремным заключением, потому что наши законы смягчают смертную казнь именно каторжными работами».

Приказ-приговор от 2 октября 1904 г. был очень любопытен. Конец его гласил:

«Приговор этот обжалован быть не может».

Не расстрелял Рощаковский этих троих матросов (виновки были) потому, что:

«государя императора, а с ним всю землю русскую постигла недавно милость божия дарованием его величеству сына и наследника».

Когда узнали в Петербурге о «подвиге» лейтенанта, гл. военно-морской прокурор запросил русского консула в Шанхае адмирала Рейценштейна:

«Благоволите телеграфировать, где содержатся матросы «Решительного»?

Рейценштейн ответил:

«Матросы... содержатся в здешней тюрьме».

19 декабря была снова дана консулу телеграмма за подписью Авелана:

«Высочайше повелено матросов... освободить [от] уголовного преследования. Распоряжение Рощаковского отменяется со всеми последствиями. Освободите их, зачислением [в] команду».

Нелепый «приговор» был отменен, «осужденные» снова вернулись в команду. Но матросы несколько месяцев содержались все же на каторжном положении — в иностранной тюрьме.

Е. Никитина.

МАТРОСЫ-РЕВОЛЮЦИОНЕРЫ НА КАТОРГЕ.

I

Восстание 14-го июня 1905 г. на броненосце черноморской эскадры «Князь Потемкин Таврический» было подготовлено общим политическим и экономическим крахом империи после японской войны, негодованием матросов и солдат на палочный казарменный режим и в частности ненавистью, которую сумел внушить к себе со стороны нижних чинов командный состав российского флота. Тем не менее, неожиданно восставший броненосец не встретил, как предполагалось, поддержки в остальных судах эскадры. Более того, растерявшиеся повстанцы не сумели использовать, а революционные партии не успели направить как следует страшную силу, очутившуюся в их руках. Был упущен драгоценный момент, и возможности всеобщего военно-морского восстания отодвинулись еще на 12 лет...

Но взбудораженную выступлениями «Потемкина» матросскую массу уже нельзя было удержать: в течение 2½ лет после героических потемкинских дней в различных частях флота вспыхивали отдельные «бунты» и «сопротивления властям», разгораясь иногда в грозные, но уже запоздалые восстания (Кронштадт, Свеаборг, Владивосток).

Последовательность революционных вспышек во флоте, начиная с 1905 г. была такова:

1) 14 июня — 3 июля 1905 г. — восстание на броненосце «Потемкин-Таврический", миноносце № 267 и частично на броненосце «Георгий Победоносец» и учебно-машинном судне «Прут» (Севастополь и Одесса).

2) 18—20 октября 1905 г. — волнения в казармах Каспийского экипажа (Баку).

3) 24—28 октября 1905 г. — восстание в военном порту и в морском экипаже форта Кронштадта.

4) 4—15 ноября 1905 г. — восстание в порту и в морских экипажах форта Севастополя, на крейсере «Очаков» и частично на броненосце «Пантелеймон» (быв. «Потемкин»).

5) 9—10 января 1906 г. — восстание в порту и морских экипажах форта Владивосток и на судах сибирской дальневосточной эскадры: крейсера «Жемчуг» и «Терек», транспорты: «Аргунь» и «Шилка», миноносец «Бодрый» (Владивосток).

6) 30 января 1906 г. — «бунт» на канонерской лодке «Донец» (Одесса).

7) 30—31 января 1906 г. — «сопротивление властям» при аресте на транспорте «Аракс» (Баку).

8) 10 февраля 1906 г. — «сопротивление приказу» об аресте в части команды Каспийского флота (не указано место).

9) 4 июня 1906 г. — «сопротивление аресту части команды» на броненосце «Слава» (Ревель).

10) 7 июня 1906 г.—«беспорядки» на броненосце «Три Святителя» (Севастополь).

11) 21 июня 1906 г. — «сопротивление приказу» на учебном судне «Европа» (Балт. м.).

12) 18—20 июля 1906 г. — «второе восстание в порту и на фортах Кронштадта; отказ принять участие в усмирении на броненосце «Александр III» (Кронштадт). Восстание в порту и экипажах морской крепости Свеаборг; «бунты» на крейсерах «Эмир Бухарский» и «Казанец» (Свеаборг). Крейсер «Память Азова» (Ревель).

13) 23 июля 1906 г. — «бунт» на учебном судне «Рига» (Либава).

14) 16 декабря 1906 г. — «сопротивление приказу начальства» на броненосце «Адмирал Лазарев» (Балт. м.).

15) 25 мая 1907 г. — попытка восстания на броненосцах: «Синоп», «Ростислав» и «Три Святителя» (Черное море).

16) 30 июня 1907 г. — «бунт» на учебном судне «Рига» (Балт. м.).

17) 15 сентября 1907 г. — подготовка к восстанию и обнаружение с.-р. пропаганды на транспорте «Кронштадт».

18) 16—17 октября 1907 г. — восстание команды порта Владивосток и миноносца «Скорый» (Владивосток).

Отражение этого длительного возмущения мы находим в работе военно-морских судов за соответствующий период. «Всеподданнейшие отчеты по морскому министерству» рисуют достаточно рельефно обхват и глубину революционного движения во флоте, с одной стороны, и беспощадную жестокость при подавлении его — с другой.

Предлагаемая ниже таблица построена на основании ма-

териалов этих официальных отчетов. Она дает нам итоговые числа матросов, осужденных за участие в восстаниях, за время с 1905 по 1907 гг.

Место восстания	приговорено человек			
	К смертной казни	Каторге	Другим наказаниям	Всего
1905 г.				
Учебное судно „Прут" (Черн. м.)	4	16	8	28
Бронен. „Кн. Потемкин Тавр." Крейсер „Очаков" Порт Кронштадт, 1-е восст. (Балт. м.)	11	107	312	430
1906 г.				
Канонерка „Донец" (Черн. м.) Транспорт „Аракс" (Касп. м.) Учебн. судно „Европа" (Балт. м.) Бронен. „Слава" (Балт. м.) Бронен. „Адмир. Лазарев" (Балт. м.)	—	9	91	100
Крейсера: „Жемчуг" и „Терек" Транспс. „Аргунь" и „Шилка" Бронен. „Три Святителя" (Черн. м.) Убийство адмир. Чухнина (Севаст.)	3	9	339	351
Бронен. „Имерат. Александр III, Кронштадт 2-ое востание	19	180	1252	1451
Порт Свеаборг (Балт. м.)	17	56	22	95
Крейсер „Эмир Бухарский" и „Казанец", уч. судно „Рига" (Балт. м.)	—	39	13	52
Крейсер „Память Азова" (Балт. м.)	17	12	28	57
1907 г.				
Миноносс. „Скорый" (Владивост.) Бронен. „Синоп", „Ростислав" и „Три Святителя" (Черн. м.)	26	36	72	134
Транспп. „Кронштадт" и уч. судно „Рында" (Балт. м.)	—	54	35	89
Всего	97	518	2172	2787
В %%	3,6	18,8	77,6	100

Революция 1905 г. отличалась, как видим, обилием военных восстаний, и немудрено поэтому, что 40% осужденных на каторгу за политические преступления составляли «лица военного звания». В большинстве своем это были солдаты сухопутной армии — пехотинцы, саперы, артиллеристы, даже кавалеристы (восстания казачьего Урюпинского полка и Осетинского дивизиона на Кавказе). Общее количество осужденных в каторжные работы по политическим делам за период с 1905 по 1912 гг. составляет 7.532 чел.[1]; их них солдат 2.495 чел.[2] и матросов-каторжан 518 чел., т.-е. едва 7%.

II

Первые месяцы после поражения матросы-повстанцы провели так же изолировано, как изолировано они жили и боролись до сих пор. Заключенные в специальные плавучие тюрьмы или крепостные казематы, они не имели никаких сношений с волей и лишь на суде мельком видели старых товарищей, родных и знакомых. Самая обстановка военно-морского суда, с генералами-судьями, офицерами-защитниками и заранее предрешенным приговором, была мучительна и полна унизительных для «нижних чинов» деталей: они не смели садиться и все время долгой судебной процедуры были на ногах, к ним обращались на «ты», не позволяли говорить, не вызывали их свидетелей и т. д.

Несмотря на все это, подсудимые держались мужественно и приговор встречали стойко, в иных случаях с пением революционных песен. На суде матросы сдавали свой первый экзамен классовой солидарности, и они его выдержали блестяще.

После осуждения моряков-каторжан отправили в общегражданские тюрьмы, и тут они попали в совершенно новую для них и очень сложную обстановку. Два фактора вошли в их жизнь: тюремная администрация и уголовные арестанты.

Тюремное начальство, состоявшее в большинстве своем из выгнанных за растрату или пьянство офицеров и чиновников, не желало принимать во внимание «претензии» вчерашних «нижних чинов», которые требовали к себе уважения и справедливости.

---

[1] См. ст. того же автора «Торная дорога» в сборн. «Девятый вал» 1927 г., изд. О-ва политкаторжан. *Ред.*

[2] Сюда мы засчитали и несколько офицеров-революционеров, попавших на каторгу за участие в восстаниях. *Е. Н.*

В глазах тюремщиков это были просто взбунтовавшиеся солдаты и их надлежало усмирять дальше на каторге.

Уголовные, среди которых приходилось теперь жить военным каторжанам, тоже не признавали за ними прав и преимуществ «государственных преступников», тем более, что в представлении арестантской массы политические до сих пор были в большинстве из привилегированных классов и обязательно «образованные». Матросы же и солдаты, простые полуграмотные «мужики», настойчиво отгородившие себя от уголовного мира своими собственными законами и требованиями, раздражали арестантов не меньше, чем тюремную администрацию. И началась глухая, скрытая, но напряженная борьба.

У матросов-каторжан оказалось могущественное оружие против объединенного натиска новых врагов: их крепкая товарищеская солидарность.

«Угол отражения равен углу падения». В данном случае оказалось нечто подобное: ряд ударов, обрушившихся на матросскую массу, расширил ее кругозор, оформил революционное сознание и в среде самых бунтарей произвел отбор лучших и сильных. Судовая жизнь, суровая морская дисциплина, вынужденная изолированность во время плавания, долголетняя служба в одном тесном кругу людей, — все приучало матросов к кружковому коллективу и к усилению товарищеского общения. Волна восстаний сблизила раскиданные по отдельным кораблям и портам революционные очаги; они вспыхнули грозным пламенем бунта, — и этот свет на долгие годы озарил дальнейший путь пробужденных революцией «нижних чинов». Затем тюрьма свела их вместе и сблизила в одну большую братскую семью.

В сущности, казарма и кубрик девятисотых годов мало чем отличались от тюрьмы того времени: та же тяжелая и бессмысленная дисциплина, то же бесправие подчиненных и бесконтрольная власть начальства, те же замки, стены, часовые и отупляющее однообразие казарменной жизни...

Против этих особенностей российской военной службы и восстали моряки. Мыслимо ли было им снова подчиниться старому режиму, ради уничтожения которого они пошли на бой и платили теперь такой дорогой ценой?..

Естественно, что на свою тюремную борьбу они смотрели, как на продолжение поднятого восстания; недаром первые побежденные моряки в 1905 г. называли себя «пленными» и входили в тюрьмы с революционными песнями,

сомкнутым строем, щеголяя своей военной выправкой. Свою боевую спайку они ревниво охраняли всюду, где можно было создать хоть какой-нибудь коллектив, твердо веря, что в этой спайке их главная сила и защита. Вскоре им пришлось показать преимущества такой организации.

III

Первыми по времени осуждения каторжанами были матросы с машинно-учебного судна «Прут»: восстание произошло 1 июля, продолжалось три дня, затем восставшие были арестованы, и 12 августа вынесен приговор. В сентябре, после расстрела 4 осужденных к смертной казни, каторжан направили в Москву, и здесь их [1] застала великая октябрьская забастовка. Она вырвала у правительства указ об амнистии политическим преступникам. С утра 18 октября огромные толпы, среди которых было немало военных людей и вооруженных дружин, брали приступом тюрьмы. Перепуганная администрация выпускала всех привлекавшихся по политическим делам по спискам «революционных комитетов», а то и по устному требованию представителей народа — с наганами в руках. Музыкой, пением революционных песен, красными знаменами и горячими речами встречали освобожденных тотчас же за воротами тюрьмы, и радостный гул слышен был через стены в самых дальних камерах.

Слышали его с замиранием сердец и каторжане-матросы, содержавшиеся в Московской пересыльной тюрьме . . . Слышали, ждали, надеялись — и не дождались: *о них забыли*....

И даже, может быть, не забыли, а просто не знали. Никто не уловил прибытия в Москву партии осужденных в каторгу черноморцев, никто не встретил их на вокзале, не проводил до Бутырок, не связал с волей . . . А сами они, очевидно, не сумели этого сделать. В результате произошла невероятная вещь: матросы-революционеры оказались за гранью новой жизни.

Прокуратура и администрация, понятно, не сочли нужным вмешиваться.

И мы, пожалуй, не скоро узнали бы о совершившейся несправедливости, если бы сами матросы не дали о себе знать: в ноябрьском (1905 г.) выпуске еженедельника «Право» появилось их письмо из Бутырок.

---

[1] Вместе с матросами, осужденными в Либаве.

Записка матросов, заключенных в московской тюрьме.

«Товарищи! Мы, нижеподписавшиеся, бывшие матросы, находящиеся в настоящее время в московской центральной пересыльной тюрьме для следования в каторжные работы, слезно просим вас, товарищи, и свободных граждан обновленной России о нижеследующем:

Мы почти ежедневно читаем газету «Русское слово»; мы следили с тревожным чувством за теми волнениями русского общества, какие происходили в памятные для всех борцов за свободу дни октября месяца. Мы с радостью в сердце прочитали манифест от 17 октября с. г., дарующий полную свободу[1] гражданам многострадальной нашей матушки России. Но вместе с тем, мы глубоко страдали, видя и слыша то радостное волнение г. Москвы, которое происходило 18 октября перед стенами нашей тюрьмы-могилы, когда товарищи-граждане пришли освободить своих товарищей, попавших в несчастную тюрьму в борьбе за свободу. Мы глубоко страдали, у нас у каждого слезы на глазах стояли, но принять участие или разделить то радостное волнение, которое охватило всех находившихся около стен тюрьмы при освобождении товарищей, мы не могли. Одна радость в октябрьские дни была у нас, хотя и недолго. Мы думали, что при амнистии несчастным страдальцам за правду не забудут и нас. Но надежды наши не оправдались, не сбылись наши глубокие думы о свободе. Нас не только забыло правительство, нас забыли даже те, кто были вожаками в нашем революционном восстании. Они не только что не потребовали нашего освобождения, они даже не напомнили правительству о нас. Описать горе, которое охватило нас, никакими словами, никаким пером невозможно. Все наши надежды рухнули, как сраженный бурею дуб. Все, все наши мечты, заветные мечты и думы разлетелись, как дым, невозвратно. Спрашивается, где же правда? Где ее искать? К кому обратиться за нею? Ответа на это мы всю долгую службу не получали, не получим, думаем, и теперь. Горько писать эти строки, но еще мучительнее все это переносить. У нас у всех сердце кровью обливается, руки опустились. Мы люди темные и не сведущие, не знаем, куда итти? К кому обратиться за помощью? И вот по неизъяснимому влечению, мы решили обратиться к вам, товарищи, в надежде

[1] Заключенные в тюрьме матросы, конечно, не могли знать по «Русскому слову» действительной оценки царского «манифеста», какую ему давали революционные партии. *Ред.*

на вашу помощь, чтобы на ближайшем митинге вы напомнили о нас, прочитав эту записку, и тем помогли бы нам материально и нравственно.

Вместе с тем мы просим вас, чтобы вы напомнили, что в общем движении революционных партий флот сыграл немаловажную роль: он первый из всех категорий военных поднял открыто знамя восстания. Мы первые с оружием в руках поднялись против существующего деспотизма, хотя и с некоторыми своим требованиями, но сводящимися к одному девизу — свобода. И последствия этих восстаний, мы думаем, вам известны: некоторые наши товарищи расстреляны, многие уже томятся в Сибири; нас тут сидит 35 человек, а сколько еще впереди жертв из Кронштадта и с «Потемкина»?

Где же эта столь прославляемая у нас правда? Где же, скажите, куда обратить свои взоры за помощью? Не сон ли это? О нет! Это горькая, мучительная действительность. Кандалы, побрякивая на ногах, напоминают ясно об этом.

Товарищи, простите нас за все вышеизложенное. Это стон наболевшего сердца, стон измученных страдальцев за святое дело родной земли. Но довольно об этом. Мы хотели бы через вас, товарищи, напомнить о себе всем свободным гражданам и просить себе материальной помощи. Мы все люди бедные, не имеем ничего. Самое необходимое — чай, сахар и табак — давно вышли, а на одной тюремной пище трудно прожить.

Затем, до свидания. Остаемся с уважением к вам моряки-страдальцы: Николай Хинц, Иван Егоров, Константин Волоснухин, Шамсуд Хабибулин, Иван Фомин, Иван Токарев, Владимир Петров, Степан Лудков, Леонид Котиков, Гавриил Колесников, Сергей Ткачев, Иван Орлов, Яков Иванов, Григорий Оболенев, Николай Рычков, Яков Смирнов, Иван Субботин, Андрей Анненков, Алексей Комков, Михаил Темнов и др.»[1].

Это послание живым упреком стало перед русской общественностью: партийные комитеты, военные ячейки, либеральные организации спохватились и начали искать путей к бутырским пленникам. Но момент был упущен, и то, что легко могло совершиться вчера, сегодня оказалось немыслимым: реакция оскалила зубы.

Матросов поспешили увезти из Москвы раньше, чем к ним подоспела товарищеская помощь. А вскоре события

---

[1] «Право» 1905 г., № 47, стр. 3824.

величайшей важности заслонили собой все отдельные фигуры вчерашнего дня: разгорелось пожарище декабрьских восстаний.

IV.

Часть черноморских моряков, а именно 15 человек из числа осужденных по делу о восстании на «Пруте», уже была доставлена в Сибирь, на Нерчинскую каторгу, и поселена в старой Акатуевской тюрьме. Об этом скоро узнала через казаков и солдат конвойной команды социал-демократическая военная организация, работавшая среди читинского гарнизона и войск дальневосточной армии: разбитые, голодные и обозленные солдаты, возвращаясь с позорной японской войны, проходили сквозь систему умелой пропаганды и несли дальше, через всю Россию, семена гнева и протеста.

В ноябре на Сибирской дороге началась вторая почтово-телеграфная забастовка, а 20 числа в Чите образовался и начал действовать совет солдатских и рабочих депутатов. Губернатор Забайкальской области генерал-лейтенант П. В. Холщевников, остававшийся все время на своем посту в этой удивительной «республике», благополучно сносился со своим законным непосредственным начальством в Питере.

26 ноября 1905 г. отношением за № 8888 он доносил министру внутренних дел:

«24 ноября в 5½ часов дня к моему дому прибыла демонстративно огромная толпа, представители которой явились ко мне и предъявили требования от составлявших толпу рабочих, солдат и казаков Читинского гарнизона и некоторых граждан города об освобождении бывших матросов с транспорта «Прут», находящихся в Акатуевской тюрьме, а равно и всех пострадавших за политические дела (из Читинской тюрьмы)» [1].

Губернатор выпустил своей властью читинских заключенных, а об акатуевских каторжанах предложил снестись с главнокомандующим ген.-ад. Линевичем, очевидно, рассчитывая выиграть время. Но читинцы, не дожидаясь ответа от Линевича, на собрании 15 декабря выбрали делегацию из пяти солдат и одного штатского, члена РСДРП, Виктора Курнатовского, снабдили их соответственными

---

[1] «Былое» 1917 г. № 5—6. П. Переверзеев, «Карательные экспедиции генерала Ренненкампфа», стр. 164 и сл.

мандатами и отправили в Акатуй. 20 декабря депутаты прибыли на место, вызвали начальника тюрьмы Фищева и от имени революционного гарнизона города Читы потребовали освобождения «прутовцев». Их было всего 6 человек безоружных и неизвестных посланцев «революционного гарнизона», а в распоряжении Фищева находились 70 казаков конвойной команды и свора вымуштрованных надзирателей. Но таково было обаяние «революционного правительства», что ни старый тюремщик, ни его подчиненные не оказали никакого сопротивления: 15 матросов-каторжан были сданы представителям и благополучно доставлены в Читу, где рабочие и солдаты устроили им торжественную встречу. Вскоре матросы уехали из Забайкалья в родные места; часть их была потом арестована и снова попала на каторгу, но большинство скрылось, неизвестно куда.

Однако, история с освобождением матросов на этом не кончилась. Как только спала революционная волна, наступила расплата: 21 января 1906 г. к Чите подошел карательный поезд генерала Ренненкампфа и начались аресты, военно-полевые суды, расстрелы, каторжные приговоры....

10 марта в спешном порядке слушалось «дело фельдфебеля Шемякина и других», всего 32 человек, по обвинению:

«1) в том, что в г. Чите в конце 1905 г. участвовали вместе с другими необнаруженными лицами в преступном сообществе, составившемся для учинения насильственного посягательства на изменение в России установленного основными законами образа правления;

2) в том, что 15 декабря 1905 г. там же, в г. Чите, после митинга, собранного их единомышленниками, на коем было постановлено освободить из Акатуевской каторжной тюрьмы содержавшихся там за бунт бывших матросов транспорта «Прут», они избрав из своей среды делегатами нижних чинов: Всеволода *Чистохина*, Андрея *Лопатина*, Григория *Белякина* и Егора *Полубояринова*, отправили их в Акатуевскую тюрьму, куда те, снабженные выданным им от имени Читинского комитета российской социал-демократической рабочей партии требованием об освобождении всех политических арестантов, с полномочием на приведение этих требований в исполнение, отправились, и, прибыв в Акатуевскую тюрьму 20 декабря 1905 г., явились к начальнику тюрьмы Фищеву, предъявили ему свое полномочие и под угрозой, в случае неисполнения, употребить в дело вооруженную силу, потребовали от него освобождения вышеуказанных матросов, что испуганный Фищев и исполнил;

3) в том, что они вместе с подсудимым *Курнатовским* принадлежали к боевой социал-демократической революционной партии, участвовали в митингах, совращали местный гарнизон от долга присяги путем пропаганды и угроз, призывали к вооруженному восстанию, с целью ниспровергнуть основными законами установленный образ правления и ограничения прав священной особы царствующего монарха, что и привели в исполнение, возмутив Читинский гарнизон и местное население и освободив посредством избранных делегатов, путем насилия и угроз, содержавшихся в каторжной тюрьме 15 матросов с транспорта «Прут».

Подсудимого Виктора *Курнатовского* в том, что 20 декабря 1905 года, совместно с нижними чинами Чистохиным, Лопатиным, Белякиным, Полубояриновым и еще неразысканным лицом, добился от начальника Акатуевской тюрьмы, путем угроз, освобождения из каторги вышеупомянутых бывших матросов с транспорта «Прут».

Подсудимого *Фищева* в том, что он освободил из тюрьмы 15 каторжных матросов с транспорта «Прут» по случайной ошибке и обману, получив на то ранее распоряжение начальника края»[1].

Обращаем внимание на исключительную малограмотность блестящих ренненкампфовских судей: сперва они записывают всех участников собрания в «боевую социал-демократическую революционную партию», а через несколько строк делегаты этого самого собрания преображаются уже в представителей от комитета РСДРП г. Читы:

— 20 декабря 1905 года подсудимый Фищев получил от делегатов читинского комитета российской социал-демократической рабочей партии требование освободить 15 матросов . . . и т. д.[2].

Между тем, как мы говорили выше, членом партии был один В. Курнатовский[3] и поехал он в Акатуй именно в ка-

---

[1] «Былое» 1917 г., № 5—6, стр. 205 и сл.

[2] Там же, стр. 107.

[3] *В. К. Курнатовский* — один из самых ранних марксистов в России. В конце 90-х годов был в Минусинской ссылке (Енис. губ.) вместе с В. И. Лениным, который очень ценил В. К. В 1903 г. был снова сослан в Якутскую область, где активно участвовал в известном «Романовском» процессе якутян и за это получил 12 лет каторги. По амнистии был освобожден с каторги в 1905 г. Организатор Читинской республики. После суда Ренненкампфа Курнатовский бежал из тюремной больницы в Японию, затем в Австралию, где заболел воспалением в ушах. Умер после ужасных страданий от своей болезни в Париже в 1912 г. *Ред.*

честве партийного представителя при гарнизонной делегации. Солдат посылал военно-революционный штаб, вернее общее собрание гарнизона. Поехали они, как мы уже подчеркивали, без оружия, понимая бесполезность его при таком неравенстве сил. Угрожать им, следовательно, было нечем, насилие производить — тем более. От Акатуя до Читы более 500 верст, три дня пути на лучших тройках, и, конечно, Фищев мог, если бы пожелал, и арестовать, и доставить депутатов, куда надо, раньше, чем Чита двинулась бы на выручку. Но Фищев не захотел, вернее — не посмел.

И ни с каким «высшим начальником края» он не сносился — не было на то ни времени, ни нужды у делегатов. Все произошло очень просто и быстро: предъявили требование, начальник поглядел на страшные подписи и печати и отдал соответственный приказ своему помощнику.

Наконец, если распоряжение свыше имелось, стало быть, никакого «обмана и ошибки» не было, а исполнялось распоряжение начальства.

Но все эти нелепицы нужно было нагромоздить, чтобы иметь какой-то повод вынести заранее предрешенный приговор. В 4 часа утра 10 марта заключенные получили обвинительный акт, основную часть которого мы привели выше, и тогда они узнали, что суд состоится в тот же день. Оставшиеся на воле штабные и войсковые писаря были извещены еще позже, а именно *за час* до начала заседания. Ни о какой защите не могло быть и речи на суде генерала Ренненкампфа.

В 10 часов началось заседание военно-полевого суда под председательством полковника Тишина, а в 6 часов был вынесен приговор: начальника Акатуевской тюрьмы Фищева, его помощника Островского и трех казаков — оправдать. Всех остальных, в числе 27 человек — *к смертной казни через расстреляние.* По конфирмации казнь заменена: 6 делегатам и фельдфебелю Шемякину — каторгой без срока, 8-ми обвиняемым — по 15 лет, 5-ти — по 10 лет, остальным от 4-х до 6-ти лет каждому.

«Инцидент» с освобождением матросов-каторжан из Акатуя был закончен.

V

«Генеральная репетиция» русской революции окончилась, на сцену вышли усмирители — полиция, жандармерия и судьи. Тюрьмы быстро переполнились молодым,

буйным народом, захваченным по самым разнообразным признакам: за участие в забастовке, и за знакомство с забастовщиками, за захваты помещичьей земли и за шутку над урядником, за террористический акт и за сходство фамилии с предполагаемым террористом...

В 1906 г. через русские тюрьмы прошло *более 1 миллиона человек*, т. е. каждый 120 житель или каждый 30 взрослый мужчина побывал в тюрьме. С таким же размахом работали и следственные власти: за тот же период под следствием состояло 45% арестованных, т.-е. около 500 тысяч человек. Суды, в свою очередь, должны были подогнать свой темп под бешеный бег усмирительной колесницы. Чтобы облегчить работу старого громоздкого судебного аппарата, «высочайшим» повелением в 1906 г. были учреждены военно-полевые суды; в подмогу к ним в усиленном составе работали военно-окружные суды и судебные палаты. Образец скоропалительного судопроизводства такого рода учреждений мы только что показали на деле об освобождении акатуевских каторжан. Тот же ренненкампфовский отряд за три недели до того на ст. «Хилок» приговорил к смерти и расстрелял 7 человек железнодорожных служащих, беспартийных мирных граждан, уличенных лишь в принадлежности к почтового-телеграфному союзу.

При таких условиях каторжный приговор уже мог считаться и был «пустяком». К каторге приговаривали пачками, по 20—30 человек, а военных, как мы видели выше, сотнями.

Политические каторжане в этой массе занимали всего 15%, а собственно военные, осужденные за бунты и восстания — 6%.

Что из себя представляла тюрьма до прихода в нее массы, захваченной волной 1905 г.?

Вот как рисует каторжное отделение Бутырской тюрьмы начала 1905 г. сидевший в ней «политик».

... В тюрьме была настоящая «республика», как выражались арестанты. Арестанты делали все, что хотели. В кандалах никто не ходил; многие ходили не в арестантской, а в собственной одежде. Арестанты сами заведывали кухней и имели свою лавочку. Круглый год, непрерывно, по дням и ночам, шла азартная игра в карты; играли почти все и везде: в камерах, в тюремной кухне, на коридоре, на дворе, во время прогулки, на полу, под нарами и на нарах.

В каждом углу, как черви, копошились игроки. Играли на все: проигрывали деньги, обувь, арестантские рубашки, обеденную кашу и хлеб. Доставали вино и открыто продавали его. Пьянствовали, плясали, пели, дрались и буянили почти ежедневно и чуть ли не к каждой поверке не досчитывались 2—3 арестантов, зарезанных товарищами же. Почти каждый арестант имел при себе нож: резали друг друга по глупейшим поводам, а часто и без всякого повода, под «пьяную лавочку», как говорили арестанты.

То был полнейший разгул всяких страстей, царство преступников, пьяниц и убийц. А во главе этого своеобразного царства стояли «иваны», старые тюремные жители и коноводы [1].

Политические арестанты и каторжане стояли совершенно в стороне от этой общеуголовной массы: администрация несла за них особую ответственность и всячески изолировала этот «беспокойный и опасный элемент» в одиночки или отдельные коридоры. Здесь они жили своей особенной жизнью, непонятной и удивительной для тюремного жителя.

С появлением революционеров-массовиков, беспартийных рабочих-забастовщиков, крестьян-аграрников, дружинников, экспроприаторов, солдат, матросов и просто случайных обывателей, словом, всех тех, кого карательная власть записала в государственные преступники, — прежние ясные взаимоотношения в тюрьме совершенно спутались. Появились промежуточные прослойки и ряд перебежчиков из того и другого лагеря: полууголовный элемент, — которого оказалось так много среди южных анархистов и экспроприаторов, — быстро впитал в себя «блатную» психологию и часть бунтарского населения уголовной каторги. А когда в общих камерах каторжного отделения появились партийцы, ореол «политики» уже померк, оставив лишь раздражение против этих арестантов, требовавших каких-то привилегий и уважения со стороны начальства. Администрация, исподволь начинавшая «завинчивать» тюрьмы, использовала этот перелом в настроении уголовных: умело пустила она слух, что все строгости, вводимые в каторжных отделениях — заковка, казенная одежда, камеры на запоре, свидания раз в 2 недели, ограничения передач, запрещение картежной игры, денег и пр., — все это из-за политических, и они тут главная причина. «Иваны», которых по-

[1] И. Брильон, «На каторге», стр. 26. П., 1917 г.

литика не признавала, разжигали этот пожар и намечали жертвы будущей расправы. Наиболее ярко это положение обрисовалось все в тех же Бутырках: как центральная пересыльная тюрьма, она впитывала в себя всех каторжан, пересылавшихся на место отбытия срока, и являлась центром, куда шли и откуда расходились господствующие настроения каторги.

Администрация закрывала глаза на возбужденное состояние арестантов, на то, что в отделениях снова появились ножи и кастеты, на сходки уголовных и зажигательные речи «иванов», — все это совпадало с ее намерением разбить назревающее в тюрьмах сопротивление начальству.

.... Ожидали генеральной резни. Настроение политических было подавленное: уголовных были тысячи, политических — сотни. К тому же политические не были между собою объединены. Исход такой неравной борьбы нетрудно было предвидеть.

Но в это именно время в Москву пришли несколько сот человек политических особого типа: матросы и солдаты, осужденные на каторгу за восстание. И картина резко изменилась — в тюрьме почувствовалась организованная сила. До них единичные интеллигенты фактически были бессильны в борьбе со всемогущим «иванством».

Матросы были революционно настроены и свой революционный дух они принесли с собой и в тюрьму. В них была и большая физическая сила. Они решили выступить на борьбу с господствовавшими в тюрьме порядками.

Не говоря уголовным ни слова, они в один прекрасный день все вышли на коридор, по-военному разбились на роты и взводы и бывшего фельдфебеля Калашникова избрали своим «главнокомандующим». В один момент разобрали железные и деревянные койки и вооружились. У многих были ножи и кинжалы. Образовалась внушительная армия.

Все это делалось быстро, по-военному, на глазах у всех арестантов. Уголовные заволновались. Матросы послали за главарями уголовных. Пришли «иваны». Последним Калашников, добродушный и умный крестьянин, торжественно объявил:

«Вот, слушайте внимательно, что я вам скажу от имени нас всех, военных... У вас тут есть несколько человек, которые образуют деспотическое правительство. А мы такого правительства не желаем. Потому-то нас и загнали сюда... Понимаете? Мы не понимаем, что такое «иван»...

Мы этого не признаем, не желаем. И если вы сейчас же не измените этих своих порядков и еще будете приставать к кому-нибудь из политических, то сейчас же командую: раз, два, три! — и весь ваш собачий департамент будет перебит. До единого перебит!.. Слышите? Даем 10 минут сроку: решайте и давайте ответ... А мы подождем...»

«Иваны» перетрусили. Они почувствовали, что царству их пришел конец. Решили стушеваться и «забили отбой», как выразились матросы... Резня была предотвращена.

Но пламя вражды не угасло. Наоборот: вражда принимала все более острый характер. «Иваны» затаили в душе глубокую ненависть к политическим вообще, а к матросам и солдатам в частности:

«Интеллигент, это мы понимаем: он политический, он знает, за что идет, — говорили они со злобой. А то к...ва, солдат, матрос. Туда же, в политику лезет! Вчера стрелял в наших и в политических, а сегодня тут распоряжается нами!»

И впоследствии по всем каторжным тюрьмам и приискам, где только уголовным «иванам» удавалось поймать бывших военных, они безжалостно резали их. Те, в свою очередь, не оставались у них в долгу[1]...

Приблизительно то же самое происходило и в других каторжных тюрьмах, где скопилось некоторое количество осужденных из бывших военных: организованному наступлению со стороны уголовных, подстрекаемых тюремщиками, они противопоставили организованное сопротивление. Первая карта администрации была бита — погромов политическим устроить не удалось. За то пропасть между уголовной каторгой и военными раскрылась еще шире, и тут начальство было в несомненном выигрыше.

Так началось десятилетие российской каторги 1907—1917 гг.

VI

Первой заботой тюремщиков после этого пробного шага стало распыление политических каторжан среди уголовной массы и полное уничтожение понятия «политический осужденный». Старое законодательство термином «государственный преступник» выделяло своего политического врага в особый, часто более тяжкий, разряд, но не

[1] И. Брильон, стр. 30 и сл.

смешивало его ни с ворами, ни с убийцами, ни с казнокрадами. А там, где это пытались сделать, политические ценой огромных жертв отстаивали свое человеческое достоинство.

«Разъяснением» за № 17, от 20 июля 1907 г., главное тюремное управление положило конец подобным «домогательствам»:

...Из сведений, имеющихся в Главном тюремном управлении, усматривается, что на практике нередко возбуждает сомнение вопрос — подлежат ли те или иные разряды заключенных действию правил «о содержании в тюрьмах гражданского ведомства политических заключенных». Вследствие сего Главное тюремное управление считает необходимым сделать следующее разъяснение: из числа содержащихся под стражей выделяются в особый разряд политических арестантов исключительно лица, состоящие под следствием и судом. По обращении судебного приговора к исполнению все арестанты являются одинаково отбывающими наказание и, если различаются в порядке содержания, то только в зависимости от особенностей тюремного режима, соответствующего тому или иному виду лишения свободы [1].

В этом странном умозаключении, по которому политический арестант, осужденный по политическому делу, перестает быть политическим преступником с момента вынесения приговора по политической статье, — есть, однако, своя злобная логика. Дело в том, что по российским законам целый ряд государственных преступлений находился вне обычных юридических норм и карался неизмеримо строже уголовных. Например, убийство с политическими целями каралось смертной казнью, а по уголовным — срочной каторгой; грабеж без убийства — арестантскими ротами, партийная экспроприация — каторгой и даже виселицей. Был еще целый ряд дел, преступных только с точки зрения политики сегодняшнего дня: печатание и распространение запрещенных изданий, литературные дела, укрывательство, содействие и пр. Понятно, что следственного и ждущего суда арестанта выгодно было подводить под политическую статью, кстати же это сопряжено и с более строгой изоляцией арестованного: одиночка, отказ в свиданиях, в передачах, ограничение переписки и пр. ли-

---

[1] «Тюремный Вестник» 1907 г., стр. 548.

шений, применявшихся к уголовным лишь в первые дни после задержания.

Иное дело осужденный, да еще каторжанин: дело сделано, правосудие наложило свою печать, теперь надо пожестче скрутить своего недавнего врага, ныне бесправного и беззащитного. Кроме обычного «лишения всех прав состояния», политический каторжанин должен был лишиться самого для него дорогого — своего человеческого достоинства. Для этого существовала целая система: приказ о снятии шапок перед *всяким* начальством, стояние во «фрунте», обязательное «тыкание», обязательное безделье, потому что ни разумного труда, ни книг не полагалось, личные обыски, зуботычины, избиение, карцера и как венец всего— до 100 ударов розгами по распоряжению начальника тюрьмы . . .

В такой-то ад попали вольные моряки российского флота. На них, непосредственных детей суровой стихии, только-что вырванных из восстаний, навалились серые стены, железные решетки, кандалы, наручни, тягучие тюремные будни, прерываемые стонами избиваемых и хрипом умирающих . . . Пока они вместе, — все казалось нипочем: «*все за одного, один за всех*» — недаром было девизом восставших моряков. Но настал 1907 г., потом 1908. Тюремное ведомство спешно настроило по большим городам, так называемые, «центральные каторжные тюрьмы», и вскоре все осужденные по политическим статьям (тут вспомнили их «государственные преступления») были заперты в одиночки и «двадцатки» усовершенствованных централов.

О каторжных централах писалось много и подробно, — мы не будем сейчас повторять этих потрясающих картин, а затронем их лишь по пути в рассказах о матросах-централистах. Таких было очень много, но немного имен сохранила нам, к сожалению, мемуарная литература.

И среди них прежде всего вспоминается севастопольский матрос Николай Симоненко.

. . . Высокого роста, худощавый, с маленьким ртом и тонкими губами, на которых всегда играла умная и вместе насмешливая улыбка. Лет ему было за тридцать. Большой любитель музыки, он играл на нескольких инструментах и знал множество песен и романсов. Сам он слесарь, до поступления на военную службу работал в Николаеве на одном из тамошних машиностроительных заводов. Симоненко уже кончал военную службу и должен был вот-

вот выйти в запас, но когда в ноябре 1905 г. начались волнения в Севастополе, он, будучи машинистом на миноносце, съагитировал команду и вместе с ней примкнул к восстанию[1]...

Совершенно беспартийный человек, Симоненко по натуре и по внутреннему своему классовому чутью был неугомонный бунтарь, протестант, непримиримый. Это он поднял «голый бунт» в Смоленском централе в 1906 г., когда 400 человек арестантов отказались принять вшивое и грязное белье. Переведенный в Шлиссельбург, он три года бойкотировал там начальника тюрьмы Зимберга: не разговаривал с ним, не вставал, не принимал из тюремной конторы писем, повесток на деньги, не являлся на вызов по начальству... Конечно, такого рода борьба била прежде всего по арестанту, лишавшему себя всякого сношения и помощи с воли; но начальник был взбешен презрением матроса, и в Шлиссельбурге Симоненко почти не выходил из подземных карцеров. Здоровье его не выдержало — еле державшегося на ногах, отвели его в больницу, а оттуда... в Орел «на исправление». Два года просидел он в прославленном своими избиениями Орловском централе без особенных катастроф: держали его в одиночке, как больного, на работы не посылали, начальства он почти не видел... В 1911 г. Симоненко решил, что пора и в Орле поднять знамя восстания. Когда с назначением нового начальника Синайского режим еще более ухудшился, Симоненко начал «волынить»: стал громко разговаривать на прогулках, выругал надзирателя, потом старшего, потом помощника, потребовал к себе начальника... Зная Орел, он знал, на что идет: ждал избиения, может быть, до смерти, но также и ждал поддержки со стороны товарищей. Не случилось ни того, ни другого, а вышло нечто гораздо более страшное: приказано было Николая Симоменко, бессрочного каторжанина-матроса, выпороть розгами... Синайский сам присутствовал при порке и надзиратели постарались: на 60 ударе Симоненко потерял сознание, но его продолжали бить и дали полные 100.

Телесное наказание было страшным ударом для этого измученного человека: от нервного потрясения у него сделался паралич левой половины тела и временно отнялся язык. Но разум его не затемнился и беспощадно приводил

---

[1] И. Генкин. Очерк «Арестантская вольница» в книге «Среди политкаторжан». М., 1930 г.

его к окончательному выводу: жить дальше так нельзя, надежды на перемену нет, — надо умереть... Однако, в условиях Орловского централа обычный легкий способ самоубийства оказался недоступной роскошью, и Симоненко решил уморить себя голодом.

Самый закон, казалось, помогал голодающим находить дорогу к смерти: имея в виду борьбу с тюремными голодовками, затеваемыми арестантами в виде протеста, главное тюремное управление опубликовало в 1908 г. следующее «Практическое разъяснение»:

...«В виду того что отказ арестанта от пищи является актом совершенно добровольного характера и не может быть предупрежден мерами, зависящими от тюремного начальства, последнее не может подлежать ответственности за последствия такого отказа, хотя бы голодовкою была вызвана самая смерть арестанта»[1].

Поэтому в начале на голодовку Симоненко, лежавшего пластом на койке, никто не обратил внимания. Когда поняли, что дело идет не на шутку, перенесли его в больницу и пытались насильно применить искусственное кормление. Но было уже поздно.

....«Симоненко лежал на койке и бился в предсмертных судорогах. Тело его, такое же бунтарское и мятежное, долго сопротивлялось натиску смерти. Но его судьба была предрешена... Через несколько минут зашедший погреться надзиратель, недовольный тем, что приходится в такое ненастье бегать в контору, ворча и бранясь, набросил на себя шинель и пошел заказывать еще один гроб»[2].

Так осенью 1913 г. погиб борец и протестант матрос черноморского флота Николай Симоненко. Похоронили его на пустопорожнем месте за Орловской каторжной тюрьмой, как хоронили тогда всех замученных в централе: просто зарыли в яму, без церемоний и без обозначения места.

В это же почти время умирал от чахотки в Шлиссельбурге старый друг Николая, матрос Иван Писменчук. Земляки — черноморцы, они вместе отбывали службу во флоте, но Писменчук был уже в разряде штрафованных второсрочников за постоянные протесты и скандалы с «драконами». В революционные севастопольские дни он примкнул к социал-демократам, был арестован, бежал, снова вошел в революционную работу и, наконец, засел прочно,

---

[1] «Тюремный Вестник» 1908 г., стр. 403.
[2] И. Генкин, «По тюрьмам и этапам», стр. 276. П., 1922 г.

как долгосрочный карторжанин в Шлиссельбургском централе. С ним был одно время и Симоненко, потом севастополец матрос Захар Циома, кочегар Антон Конуп, все свои, веселые дружные ребята, спаянные общей нелегкой судьбой. Понемногу каторга отнимала старых друзей, разбросала их по разным тюрьмам.

В Шлиссельбурге Писменчук сидел в одной одиночке с Борисом Жадановским, руководителем Киевского восстания саперов, и крепкая дружба связала этих столь различных людей: бывшего офицера-интеллигента и старого морского волка.

...На каторге Писменчук всей душой, полной любви и скрытой, никогда не удовлетворявшейся нежности, прилепляется к Жадановскому и, кто знает, может быть, эта любовь и эти заботы седеющего пожилого моряка в самые тяжелые годы каторги спасли остатки физических сил хрупкого Бориса Петровича. Писменчук был мастером на все руки, как истый матрос. Из всякой чепухи он готовил вкусные питательные блюда на чугунной печурке в переплетной мастерской, где, сидя в уголке, простым ножом вырезал изящные модели парусных и военных судов. Праздности он органически не переносил и часто не в очередь вызывался на разные хозяйственные работы, облегчая этим других, более слабых или предпочитавших проводить время за книжкой [1].

Б. П. Жадановский, молодой, болезненный человек, обладал огромной силой воли и горячим, любящим сердцем. Все одиннадцать лет своей каторги он провел в неустанной борьбе с начальством за свое достоинство и за своих товарищей, несколько раз голодал, сидел без конца в карцерах, подвергался избиениям, всевозможным лишениям и жил под вечной угрозой порки. Но ни разу за 11 лет не дрогнул и не отступал перед поднятым кулаком усмирителя...

В августе 1912 г., сидя в Шлиссельбурге, в совершенно невероятных условиях зажима и изоляции, каторжане не выдержали и сорвались на «неорганизованный протест», т.-е. не все сразу, выставив четко требования, а отдельными камерами, потом коридорами, корпусами, постепенно и в разнобой.

Третий корпус, населенный старыми бунтовщиками, а потому особенно изолированный, узнал о бойкоте на-

---

[1] И. Вороницын, «Из мрака каторги», стр. 140. Х. 1922 г.

чальства последний, когда часть каторжан уже сидела в карцерах.

Первый не выдержал Конуп и заявил:

— «Хочу в карцер, присоединяюсь к протесту»!

За ним Циома и еще несколько человек матросов... — а к вечеру всех водворили в карцер, где уже сидели между другими Жадановский и Писменчук. Засадили каждого на 30 дней.

«Сначала в некоторых карцерах сидели по одному, но скоро в них оказалось и по-двое и даже по-трое. Карцера эти находились в полуподвале. В тех, которые выходили окнами во двор, было полутемно, так как свет пробивался сквозь неплотные ставни; полный мрак был в противоположных карцерах. В этих последних было страшно сыро, ноги хлюпали по жидкой грязи, покрывавшей пол, а со стен текло. Лежать или сидеть на полу нельзя было от холода и сырости даже в «светлых» карцерах, а на поднятом на аршин от пола топчане место было только для одного человека. Приходилось спать по-очереди. Это бы еще ничего. Хуже было то, что вследствие тесноты — карцера были очень малые — нельзя было всем сразу ходить, а только ходьбой и можно было согреться там.

От сырости, холода и голода многие заболевали. С Писменчуком случился обморок, потом горлом пошла кровь. Как всегда, он сидел в одном карцере с Жадановским, чтобы ухаживать за ним, всегда больным и слабым. Теперь роли переменились: сиделкой возле Писменчука стал Жадановский. С большим трудом удалось добиться, чтобы его взяли в больницу. Слабым, но по-всегдашнему веселым голосом, лежа в коридоре на носилках, прощался с нами Письменчук. Через несколько дней он умер»[1].

Карцерное сиденье окончилось формальной победой каторжан: были отменены кое-какие нелепые меры, перестали угрожать розгами, сократилось пользование карцерами... Но жертвы, среди которых был Писменчук, превращали эту победу в поражение. А вскоре администрация стала понемногу рассылать в разные централы «зачинщиков». Жадановский и матросы отправились в новые мытарства.

Конечно, не все матросы были героями... Люди, подобные Симоненко, вырастают в борьбе и закаляются в страдании, но они же и гибнут, когда гнет давит слишком тяжко: гнуться они уже не могут. Но рядовые бойцы более

---

[1] И. Вороницын, «Из мрака каторги», стр. 139.

упруги, легче приспособляются и потому они не бывают одинокими протестантами, — им легче и проще действовать в товарищеском коллективе. По большей части, матросы и были такими «артельными ребятами», веселыми, дружными и стойкими.

Первые месяцы каторги дали им в этом смысле превосходную школу: на Нерчинской каторге, в том же Акатуе в 1905—6 гг., царила настоящая «вольница», широко применялась выборная система всяких внутритюремных должностей (старост, экономов, кухарей и пр.) и коммунальное хозяйствование. Партийцы-интеллигенты вели систематические занятия с массовиками, кроме того устраивались цикловые лекции для широкой аудитории.

П. А. Куликовский, один из первых акатуевцев нового строя, жил и занимался с группой моряков-черноморцев — тех самых, которых «забыла» амнистия 1905 г. в Бутырской тюрьме. В своих воспоминаниях[1] он говорит, что время, проведенное им среди этих простых и мужественных людей, самое счастливое и плодотворное из всей его тюремной жизни. В 1907 г. матросов перевели в Александровский централ, но связь между ними и их учителем не прерывалась, и сотнями сложных арестантских путей они ухитрялись сноситься между собой.

Другой пример еще более подчеркивает братское единение тогдашних каторжан. Когда в 1907 г. тюремная инспекция решила разбить дружный коллектив Акатуевской тюрьмы, в первую очередь от «дурного влияния» квалифицированных политиков, были отделены матросы и солдаты-каторжане. 35 человек были направлены в строгую Горнозерентуйскую тюрьму той же Нерчинской каторги, заселенную сплошь уголовными-рецидивистами. И чтобы не оставлять их там одних в растлевающем окружении уголовной среды, с ними добровольно пошел один из активнейших и талантливых пропагандистов, молодой студент Прош Прошьян[2]. Акатуевский коллектив знал, кому поручить изгоняемых товарищей: «прошьяновская команда» сумела поставить в Горном Зерентуе преграду между домогательствами начальства и старыми революционными традициями Нерчинской каторги[3].

---

[1] «Свободный Флот» 1917 г., № 12.

[2] Левый с.-р., участник Октябрьского переворота, входил в первый состав Совнаркома, умер в 1918 г.

[3] См. статью В. Плескова в № 10 журнала «Каторга и ссылка» за 1930 г.: «Учеба на каторге».

Для очень многих из матросов 1908 год является переломным, каким он был, впрочем, и для всей российской каторги: административный нажим пошел полным ходом, начальство не останавливалось ни перед чем, усмиряя каторжную массу, а распыленные по централам политические не могли уже оказать организованного сопротивления. Кроме закрытых тюрем, организовывались работы на Амурской и Кругобайкальской дорогах, куда приказано было присылать здоровых и привычных к физическому труду арестантов. Конечно, в первую голову на «Колесуху» попали бывшие солдаты и матросы. Условия труда и жизни на Колесной были настолько тяжелы, что и эти привычные к суровому режиму люди гибли после нескольких месяцев работы на болотах амурской тайги. А на случай побега была круговая порука:

....«Работали мы все не в одном месте: для предупреждения беспорядков создавали отдельные участки, а нас разбивали на десятки. И делали это умело: по одному политическому на 9 уголовных, на случай побега обязав всех круговой порукой—и 9 уголовных следили за десятым политическим, не хуже конвоира. Куда и как убежать? Сопки, тайга и 9 уголовных настороже: глаз не спускают с тебя, знают, что в случае побега им придется расплачиваться; убежит один, все равно, остальные лягут под розги... И друг за другом следят, один другому не доверяют»[1].

Товарищей бежавшего били, а самого его просто убивали выстрелом из винтовки или добивали прикладами по дороге в лагерь: за «предупреждение побега» и поимку бегущего конвойным полагалось награды 3 р. с головы. А если долго не бывало настоящей попытки, то солдаты ее симулировали и, избив или пристрелив человека, получали-таки свою трешку.

Так был убит в 1907 г. балтийский матрос Масалков и искалечен в 1909 г. кронштадтец Степан Казанцев. Десятки и сотни гибли на «Колесухе». Молодые, полные сил люди были превращены в калек и навсегда выброшены из жизни.

Мудрено ли, что многие из них не устояли и пошли на уступки, вплоть до подачи прошения о помиловании на «высочайшее имя». Удивительными представляются не эти срывы, а то, что таких срывов было немного; до последней черты — шпионства и доносов на товарищей — никто из

---

[1] А. Соболь, «Записки каторжанина», стр. 68. М., 1926 г.

моряков не докатился, хотя положение «лягавого» на царской каторге давало большие шансы на личную неприкосновенность. Дух товарищества, спаявший матросскую массу еще во время флотской службы, оградил ее и дальше, на каторге и в ссылке, от окончательного упадка и разложения.

Матросы-революционеры, к сожалению, не пишут мемуаров. Между тем никто, кроме них самих, не сможет осветить те совершенно исключительные условия, в каких жили, боролись и умирали военные бунтари. Никто также не сумеет полностью раскрыть душевный мир пленных бойцов против самодержавия. Но именно в этих деталях, в именах и датах лежит настоящая история, и воскресить ее должны сами свидетели и участники.

До сих пор мы не имеем даже списка матросов-каторжан, погибших в тюрьмах и в ссылке. Из 518 матросов, осужденных в 1907 году, едва ли десятая часть увидела свободу. Где, как и когда погибли остальные? Мы должны это обязательно установить.

Печатаем здесь первые 23 имени, которые удалось выявить путем личных расспросов и литературных раскопок. Надеемся, что товарищи пришлют в редакцию «Каторги и ссылки» дополнительный материал. Список печатается в хронологическом порядке — по годам смерти каторжан-матросов:

1907 год.

1. Воробьев Аким, черноморец, убит в Горном Зерентуе часовым во время прогулки на тюремном дворе.

2. Масалков, балтиец, избит до смерти на Амурской колесухе.

3. Сафонов, балтиец, застрелен в Воронеже, при попытке к побегу.

4. Смолянинов, балтиец, казнен в Москве за покушение на надзирателя Бутырской тюрьмы.

5. Н. Егоров, казнен в январе 1907 г., за убийство главного военного прокурора Павлова.

1908 год.

6. А. Селенидов, матрос из Владивостока, осужден за восстание 1907 года, убит на Амурской ж. д. за выступление против тюремщиков.

1909 г.

7. Булаев, балтиец, умер от побоев в Орловском централе.

8. Девяткин Иван, минер тихоокеанской эскадры, умер в Акатуе (причины неизвестны).

1910 г.

9. Хижняков Семен, («Семен Неизвестный»), черном., умер от туберкулеза в Горном Зерентуе.

10. Сомов Дмитрий, балт., умер от туберкулеза во Владимирском централе.

11. Казанцев Степан, балтиец, искалечен после попытки к побегу с Амурской колесухи (умер?)

12. Данилов, военно-морской фельдшер, из Севастополя, умер в Николаевском централе (причина неизвестна).

1911 г.

13. Маркварт Владимир, балтиец, умер (убит?) во Владимирском централе.

14. Калинин Федор, балтиец, умер там же от туберкулеза.

15. Сидорюк, балт., умер там же (причина неизвестна).

1912 г.

16. Кириллов, черном., отравился в Кутамарской тюрьме Нерчинской каторги, при протестах против телесного наказания.

1913 г.

17. Симоненко Николай, черном., уморил себя голодовкой в Орловском централе.

18. Писменчук Иван, черном., умер от туберкулеза в Шлиссельбургском централе.

19. Петрош, балт., умер во Владим. централе (причина неизвестна).

1914 г.

20. Бондаренко Иван, тихоокеан., убит в Казаковской тюрьме Нерч. каторги, при попытке к побегу.

21. Жуков Степан, черном., боцман, умер в Кутамаре от туберкулеза.

1915 г.

22. Кострица, черном., умер от туберк., в Орловском централе.

1916 г.

23. Куропяткин, черном., умер там же от туберкулеза.

С. Денисенко.

«ПОТЕМКИНЕЦ» Д. БОРОДИН.

Дня за два до выхода «Потемкина Таврического» на пробу в Тендровский залив была погрузка угля на корабль кочегарной командой. При такой работе команда очень загрязнила палубу. За это старший офицер очень грубо обругал команду.

Услыхав это, Д. Бородин и говорит матросам:

— Вот видите, какое наше начальство, как оно ценит нас! За то, что мы даром работаем, еще и ругает нас.

Строевой унтер-офицер доложил об этом старшему офицеру корабля. Недолго думая, старший офицер, без всякого допроса приказал арестовать Бородина, отвести в экипаж и сдать ротному фельфебелю до суда. Так и было сделано.

Когда я узнал об этом и выбежал на верхнюю палубу, Бородина уже вели под ружьем два вахтенных матроса. При встрече я сказал:

— «Не бойся, Давид, скоро будешь освобожден».

Сейчас же я пошел доложить своему старшему инженер-механику Цветкову. Он уже знал об этом и был встревожен. Когда он меня увидел, то закричал мне:

«Чего там этот дурак наболтал?»

Зная офицерские нравы и чтобы укротить его гнев, я говорю:

«Ваше высокоблагородие (они это очень любят) — ничего он не наболтал. Как вы сами знаете, строевая команда очень серчает на машинную команду и наговаривает на нас, что хочет. А Бородин — тихий человек — и он нам очень нужен». (Он был хороший кузнец, необходимый для корабля).

— Ну хорошо, — говорит, — я пойду к командиру Голикову, расскажу это все, и его выпустят».

Правда, старший инженер-механик Цветков не обращал внимания ни на какую политику и, что только мы ни скажем,

он все старался удовлетворить, за что и была спасена потом его жизнь.

Но его надежда на освобождение Бородина была напрасна. Приходит скоро Цветков ко мне в машинное отделение и говорит, что Бородина командир не хочет освободить из-под ареста, и он будет предан суду, что командир сам неоднократно слышал, как Бородин бунтует команду. Так и осталось.

На другой день мы снялись с якоря и пошли к назначенному месту для пробы корабля. Здесь мы и сделали восстание. Бородин был в то время арестован при роте в экипаже, т.-е. выходить никуда не мог из роты. Когда матросы узнали о нашем восстании на Тендровском заливе, узнал это и Бородин. Он решил бежать. Взял книжку в руки, и, когда часового не было около дверей экипажа, Бородин вышел на двор и подошел к воротам. Часовой спросил пропускной билет. Бородин сказал, что идет с рапортом к командиру экипажа, и тот пропустил. Выйдя на свободное поле, он направился на корабельную слободку, где переоделся, взял с собой еще одного кочегара, и пешком пошли они до дому отца и братьев Бородина. Там им дали денег на дорогу. Они направились к австрийской границе. Возле границы они стали у одного хозяина на работу, чтобы узнать, каким образом лучше перейти границу. Узнали все и наметили свой путь. Долго шли лесом; когда пришли до указанного места, бросились бежать к речке. Когда их заметил часовой, они уже плыли. Часовой дал выстрел по ним, но они уже приближались к берегу. На австрийской границе они были арестованы и после допроса, как военные дезертиры, были отпущены на свободу.

Встретился я с Бородиным в Нью-Йорке, где и узнал о случившемся. Из Нью-Йорка мы переехали в город Бетлегем, где и стали на работу на завод. Потом мы организовали коммуну. Послали двух товарищей в Канаду купить земли. Была куплена за 5 000 долларов ферма в 200 акров земли с хорошей постройкой, с лошадьми и сельскохозяйственными машинами. Малую часть заплатили наличными, остальное — на выплату. Делегаты сообщили нам о покупке земли, и так как это было весной — то они принялись работать. А мы, подработавши еще немного, тоже переехали. Продержались мы в этой коммуне один год, потом продали землю и разошлись. Нас всех было в коммуне 7 человек в штате Квебек.

Я с Бородиным поехали отсюда в штат Саскаче-

ван, где было много молотильных машин, что нас больше всего интересовало. Тут мы нашли секту духоборов из России. В те времена часть их раздевалась наголо при больших канадских морозах и шла пешком искать спасителя. Познакомившись хорошо с духоборами и их обрядами, а также и с руководителем их Петром Васильевичем Веригиным, мы остались тут жить. Бородин, заработавши денег, купил себе молотилку, обзавелся семьей, часто вспоминал о нашем прошлом.

В 1915 году в октябре месяце Бородин погиб во время работы на своей молотилке. Это случилось в 9 часов вечера. По канадскому времени было темно. На молотилках хотя и есть освещение, но не во всех частях машины. Бородин влез на машину и открыл крышку, через которую смотрят в цилиндр, как обмолачивается зерно. Не закрывши крышки, он с передней части молотилки вскочил на стог, чтобы помочь кидавшему снопы в машину. Оттуда он скакнул назад на машину и как раз попал в дырку, что была открыта в цилиндр. Обе ноги попали в цилиндр, и их оторвало. К 11 часам ночи кончилась жизнь Давида Бородина.

После себя он оставил жену и одного сына. Сын — по характеру отца — революционного духа. Хотя он еще молод, но очень желает быть в СССР.

В. Селиванов

МАТРОС НИКОЛАЙ ЕГОРОВ [1]

В мае 1906 года после неудачной попытки поднять восстание, из Баку в Кронштадт было переброшено тридцать «неблагонадежных» матросов. Среди них был Николай Егоров.

Невысокого роста, плотно сложенный, с большими ясными, голубыми глазами и с добродушной улыбкой на светлом лице, всегда сдержанный, спокойный, уверенный в себе, — он производил впечатление на всякого, кто с ним встречался. Он поражал ясностью и простотой своих суждений, в которых чувствовались глубокая продуманность, полная сознательность и ясный определенный выход из существующих невозможных условий жизни.

Товарищи матросы любили Егорова. Товарищи революционеры считали его «своим». Он и действительно был «свой».

Будучи крестьянином Смоленской губернии, он перенес весь тяжелый крестьянский быт на своих плечах. Затем служба во флоте с ее несправедливостью, издевательствами, игнорированием человеческого достоинства. И для него стало очевидным, что враги народа, так долго державшие его в цепях, без боя не уступят своих позиций. Вырвать землю для трудового народа можно будет только после долгой и упорной борьбы. И Егоров со страстностью

---

[1] Для настоящего очерка использованы следующие материалы: «Кронштадтское восстание. Рассказ участника Е. Егорова». — «Былое», 1908 г. № 8; «Былое» 1917 г. № 4; Н. «Памяти Николая Егорова» — «Былое» 1908 г. № 8; Иваныч. «Матрос Егоров» — «Кр. Флот» 1925 г., № 5; Ю. Зубилевич. «Кронштадт в 1906 году. (Воспоминания революционерки)», ч. 1—3. Кронштадт; И. В. Егоров. «Восстание в Балтийском флоте в 1905—1906 гг.» Лен. Истпарт. Лнгр. 1926 г.; К. Жарновецкий. «Кронштадские восстания в 1905—1906 гг.» — «Кр. Летопись», 1925, № 3 (14); А. Пискарев. «Кронштадтское восстание 20 июля 1906 года» — «Кр. Балтиец», 1920, № 4; В. Попова. «Динамитные мастерские 1906—1907 гг. и провокатор Азеф» — «Кат. и С.» 1927, № 5 (34) и газеты 1906 года.

доказывал и развивал свои мысли, мысли революционера. Вся его жизнь превратилась в ряд активных протестов.

Неудавшееся восстание в Баку не погасило революционной энергии Егорова. Вскоре же по приезде в Кронштадт он стал искать революционные связи. А найти их было нетрудно, так как к этому времени военно-революционная организация в Кронштадте широко охватила солдатские и матросские массы.

Из партийных организаций в Кронштадте работали две: социал-демократов и эс-эров, и обе были одинаково сильны. На митингах, на массовках представители этих организаций постоянно встречались и часто вступали между собой в спор. Партийные разногласия между ними производили очень неприятное впечатление на матросов и солдат. Для последних все эти теоретические разногласия казались мало значащими. Они стремились к активной деятельности и от партийной интеллигенции ждали помощи и руководства, а не споров.

Уступая требованиям матросов, пришлось военно-революционную организацию создать объединенной. В частях были выбраны ротные и экипажные комитеты, затем гарнизонное собрание и, наконец, исполнительный комитет. Гарнизонное собрание составляли представители от всех частей гарнизона, а исполнительный комитет состоял из 10 человек, членов гарнизонного собрания, из которых 5 человек было от эс-деков и 5 от эс-эров. Исполнительному комитету и были поручены выработка плана и общая подготовка восстания.

Мысль о восстании объединяла всех революционно-настроенных матросов. Различные уступки начальства, наблюдавшиеся все чаще и чаще, уже не удовлетворяли матросскую массу. Ее стремления были значительно шире: сломать все старое устройство и взамен его построить новую жизнь. Отдельные успехи в борьбе с начальством внушали бодрость и укрепляли доверие масс к военно-революционной организации.

Голоса с требованием выступления стали раздаваться все чаще и чаще, и комитету с большим трудом удавалось сдерживать массы.

Николай Егоров сумел быстро завязать революционные связи. Не прошло и месяца после его приезда в Кронштадт, как он уже состоял членом гарнизонного собрания. Не вступая официально ни в одну из партий, он вел большую агитаторскую и организационную работу. Товарищи

матросы успели его полюбить. Среди них он пользовался большим авторитетом. За стойкость и твердость характера его называли «броневым». Он стал получать партийные поручения в Петроград и там сумел также завязать революционные связи.

А революционное настроение в Кронштадте все нарастало. Нужно было торопиться с выработкой подробного плана восстания. Социал-демократическая парторганизация предостерегала от немедленного выступления и считала, что необходимо подготовиться к действительно решительной борьбе и добиться согласованности действий. Эс-эры же торопили с восстанием.

9 июля последовал разгон 1-й Думы. Воззвание трудовой группы и соц.-демократической фракции к солдатам и матросам с призывом «освободить русский народ от изменнического правительства и защищать выборных народных представителей» побуждало к немедленному выступлению.

По плану начать восстание должен был Свеаборг, войдя предварительно в сношения с судами флота. После этого он должен был дать Кронштадту условную телеграмму о готовности флота к выступлению, а затем о движении восставшего флота к Кронштадту вторую условную телеграмму: «Отец болен».

18 июля в Кронштадте из газет узнали о восстании Свеаборга. Стали ждать условного сигнала. И вдруг приходит сразу второй сигнал: «Отец болен». Это сообщение застало Кронштадт врасплох и спутало все его планы.

Узнав из газет о восстании в Свеаборге, Егоров ночью собрал в своем 16-м флот. экипаже собрание. Стали обсуждать создавшееся положение. Говорили горячо, убедительно, смело. Единодушно решили, что больше медлить нельзя, нужно выступать. Нашлись товарищи, которые выразили сомнение в успехе восстания, считая, что оружия и сил недостаточно. Но им ответили, что восстанут не одни матросы, но и минеры, саперы, крепостники, артиллеристы, а у них имеется оружие. (Матросы после Кронштадтского восстания 1905 года были безоружны). Егоров горячо убеждал, что сил и оружия хватит, так как он был уверен, как и эсэровская часть комитета, что восстанут и солдаты. Весь план восстания был построен, исходя из того, что первым начнет восстание енисейский полк.

Не успели закончить собрания, как Егорова вызвали на улицу. Он догадался, что, вероятно, получено какое-

нибудь важное сообщение. С разгоряченной головой, возбужденный смелыми речами, он вышел на улицу в необычайном волнении. Ему казалось, что все приняло особый оттенок, все озарилось новой жизнью.

На улице Егорова ждала местная партийная работница, эс-эрка Даша Зубилевич. Она сообщила ему, что из Свеаборга получена телеграмма «Отец болен», следовательно суда восстали и идут сюда. Нужно экстренно созвать комитет и обсудить.

— Значит, начинать?

— Вероятно. Обсудим.

У Егорова от волнения дух захватило. Он был полон решительности и какого-то торжества. «Новая жизнь начинается. Торжество народа»...

Но некогда предаваться размышлениям, дорога каждая минута. Егоров берет себя снова в руки, возвращается с виду спокойный в казарму, успокаивает взволнованных товарищей, не говоря им правды, зачем его вызвали. А когда окружающие успокоились, идет в соседние казармы, чтобы собрать членов гарнизонного собрания на экстренное собрание.

Собрание получилось малолюдное. Многих товарищей известить не удалось. Свеаборгская телеграмма вызвала у всех недоумение. Почему они дали сразу второй сигнал? Нужно действовать, а с чем выступать? Там в Свеаборге восстание начали раньше времени и здесь все планы нарушаются, приходится выступать на «авось»...

Но решение у всех присутствующих единодушное: лучше погибнуть самим, чем предать братьев.

И только Егоров, как всегда, благоразумно сдерживает других:

«Ну, что ж, товарищи, — говорит он, — пока разойдемся! Утро вечера мудренее. Может статься, к тому времени еще телеграмма придет, да и газеты принесут новые вести; того и гляди, должны приехать, привезти из центров новости; мы ж пока низы опросим, посоветуемся, а там, может статься, первые быстроходные суда нагрянут. Соберемся снова, на этот раз уж в полном составе. Все покажется явственнее, не как теперь... в потемках».

Рано утром состоялось второе собрание. Теперь уже многолюдное. Выяснилась ненадежность некоторых частей и в первую очередь енисейского полка. Вновь высказывались опасения в недостатке оружия. Тем не менее, голосов против немедленного восстания не раздавалось. На

лицах матросов написана была досада за проволочку. Подоспело кстати и решение ЦК РСДРП — присоединиться к восстанию.

Единогласно было решено начать выступление в 11 час. вечера. Сигнал к выступлению — три пушечных выстрела. С этим решением все разошлись по своим частям.

Под влиянием слышанного на собрании и у Егорова стали рождаться сомнения в успехе восстания. Но он говорил:

«Не отступать же напоследок».

Был полон решимости и казался спокойным, уверенным в свои силы.

Остаток дня прошел в приготовлениях. Приближался условный час.

В 10 часов вечера в свободном помещении Егоров собрал 50 человек наиболее решительных товарищей из трех экипажей, расположенных на одном дворе. Он им объявил план восстания и распределил между ними обязанности. Егорова выбрали предводителем отряда. После этого все разошлись по своим экипажам и стали подготавливать к восстанию свои команды.

Везде царило необыкновенное воодушевление. Все горели решимостью и верили в победу.

Но восстание с самого же начала не удалось. Намеченный план с первых же шагов был нарушен. Сигнальных пушечных выстрелов не было. Енисейцы не выступили, а потом, подчиняясь команде офицеров, пошли даже на усмирение восставших. Крепостные части, повидимому, не были извещены о начале восстания. Матросы остались почти без оружия. Надлежащая связь между частями отсутствовала. Деталей плана не знали. Восстание сразу же сделалось обреченным на неуспех.

Ровно в 11 часов Егоров выстроил на дворе экипажа отряд, назначенный для захвата оружия, и повел его в канцелярию экипажа. У входа в пирамидах стояли винтовки. Отряд ворвался в помещение и схватил винтовки. У денежного ящика стоял часовой, у окна с газетой в руках сидел дежурный офицер. Здесь рассуждать так, как целыми часами рассуждали на гарнизонных собраниях, нужно ли убивать во время восстания офицеров, было некогда. С винтовкой в руках Егоров подбежал к дежурному офицеру и прежде, чем тот успел крикнуть, нанес ему несколько штыковых ран. Еще несколько штыковых ударов не дали раненому офицеру подбежать к окну и крикнуть о помощи:

он упал мертвым. Взломаны были ящики с патронами и револьверами. Отряд был вооружен и выстроился на дворе. Подошедшие к отряду два офицера с предложением разойтись также остались на месте: один был убит, другой тяжело ранен.

В это время к воротам экипажа подошли матросы 1-й дивизии. Ворота взломали, и пришедшие влились на двор экипажа. Они стали кричать, чтобы отряд Егорова сейчас же присоединился к ним. Егоров знал, что это планом предусмотрено не было. Его отряд должен был соединиться с машинной школой и отправиться на катерах на форты. Но он растерялся и решил, что, повидимому, первоначальный план изменен. Он не счел возможным вступать в пререкания с предводителем 1-й дивизии, настойчиво требовавшим их присоединения, считая, что это нехорошо подействовало бы на дисциплину команды.

Егоров скомандовал своему отряду строиться и повел его за отрядом 1-й дивизии. Пошли почему-то на Широкую улицу, где не было никаких правительственных учреждений. Пришли и стали, сами не зная, для чего пришли сюда. Егоров потребовал объяснений от предводителя отряда, но и тот ничего не мог объяснить, «предложил ему вновь отделиться и итти по своему назначению».

Егоров был в нерешительности. Что делать? Возвращаться назад, чтобы соединиться с машинной школой, нельзя, так как скверно подействует на команду. Итти дальше — у отряда слишком мало оружия, а 1-я дивизия отказалась бы поделиться с ними оружием. Он решил итти к арсеналу, где рассчитывал найти рабочих и матросов и при их помощи достать оружие.

У арсенала никого не было. Решил итти к енисейскому полку, чтобы попытаться вызвать их на присоединение. У казарм встретил выстроенный отряд енисейцев. В ответ на призыв присоединиться, чтобы вместе биться за свободу, затрещали выстрелы. Настроение у матросов сразу упало. Если они еще подходили к казармам енисейского полка бодрые, воодушевленные, не теряя веры в победу, то теперь они поняли, что в лице енисейцев встретили не союзников, а врагов. Надежды рушились.

Пришлось отступить, отстреливаясь. С другой стороны затрещали пулеметы. Положение отряда Егорова делалось скверным: впереди и с тылу енисейцы, сбоку пулеметы, а отряд почти без патронов. Егоров окончательно растерялся. От центра города они отрезаны, к арсеналу итти

обратно нет смысла, так как там уже трещат пулеметы, оставался один выход — спасаться бегством.

И в ответ матросам отряда, которые говорили:

«Куда хочешь веди нас. Мы на все готовы»,

Егоров вынужден был с болью в сердце сказать: «Придется уступить, товарищи. Хотя и досадно, но другого выхода нет».

И отряд бежал.

«Отчаянье и неистовая злоба доводила нас до бешенства, — вспоминал Егоров впоследствии. — Смерть легче перенести, чем пережить такую минуту. Так долго ждали, верили, трудились, всю душу вложили в дело и вдруг... в несколько часов все рухнуло. Мучительно было сознавать свою беспомощность, невозможность чем-нибудь поправить дело»...

К трем часам утра восстание было окончательно подавлено. Начались массовые аресты, следствия. На следующий уже день действовал военно-полевой суд, и в 5 часов того же дня был приведен в исполнение первый смертный приговор над семью минерами. Правительство торжествовало. Перед судом предстало более, чем 3.300 человек.

Егорову в числе немногих удалось бежать из Кронштадта и избежать суда и расправы. Он прибыл в Петербург и здесь скрывался. Бессильная злоба и отчаянье терзали его, но он и с ними сумел справиться.

Он вновь поверил в светлое будущее, которое принадлежит народу.

— Неудачи, поражения могут только закалить массы, а не сломить их стремления к победе. Испытания не страшны. Матросы, затая боль, выкуют в себе железную волю, и тогда рухнут гнилые подпорки старого и желанная правда засветится на земле. Своего все равно мы добьемся. А винить в постигшей неудаче некого. Нет виноватых. Неопытность виновата. Вот и нужно не быть врасплох застигнутым будущим, и к нему готовиться...

И Егоров вновь стал верить в победу. Он вновь стал гореть жаждой революционной работы. «Только борьбой, упорной борьбой мы достигнем великой цели — освобождения народа из рук поработителей», — говорил он. И его слова о необходимости активных революционных выступлений звучали твердой решимостью.

Егоров вступил в партию социалистов-революционеров, войдя в ее боевой отряд.

А партия в это время намечала план целого ряда новых террористических покушений. На очереди стояло убийство главного палача, военного прокурора генерала Павлова в Петербурге.

С именем генерала Павлова были связаны сотни смертных приговоров. Свирепствовавшая бешеная реакция в лице прокурора Павлова нашла для себя лучшего исполнителя. Ежедневно из суда увозили несколько человек обреченных. Прокурор Павлов ежедневно подписывал смертные приговоры.

Имя его с ненавистью произносила вся страна. Государственная Дума при его появлении на трибуне кричала: «Вон... Убийца... Палач!» Но он не смущался и делал свое дело.

Боязнь расправы за жестокость заставила Павлова принять самые крайние меры предосторожности. Он оставил свою квартиру и переселился в здание суда. Здесь его квартира внутренними ходами соединялась с судом. Никто не видел Павлова выходящим или приходящим в суд. Он позволял себе только прогулку во дворике суда, а вход во дворик охранялся часовым. Кругом кишели шпионы.

При таких условиях сделать на него покушение было очень трудно. Боевому отряду в течение почти трех месяцев пришлось изучать здание суда и образ жизни Павлова. Трудность, почти невыполнимость этого предприятия была очевидна. Но отказаться от него было нельзя.

Нужно было выбрать человека, который мог бы выполнить это поручение. На одном заседании боевого отряда стали обсуждать этот вопрос. Взоры всех обратились на Егорова. Все знали его решимость, твердость характера, глубокую веру в дело и жажду большой революционной работы.

Егоров с радостью согласился. Его не испугали все трудности этого предприятия. Возможность этим покушением отомстить за своих расстрелянных товарищей кронштадтских матросов — еще больше придавали ему решимости.

— Он не уйдет от меня, — твердо решил Егоров.

Покушение на время пришлось отложить: в его плане произошли некоторые осложнения. Егорову и другому товарищу, назначенному в помощь, пришлось законспирироваться. Они поселились в Финляндии на конспиративной квартире.

Наконец, им дано было знать, что можно итти. По изме-

ненному плану Егоров должен был итти один. Егоров глубоко продумал свое дело во всех подробностях. Но по существу весь план был рассчитан на ряд счастливых случайностей и выполнить его было очень трудно.

Шесть раз отправлялся Егоров к мрачному зданию суда на Мойке и шесть раз возвращался обратно ни с чем. Каждый раз что-нибудь мешало выполнить поручение.

Страшная боль сжимала сердце Егорова от этой неудачи. Но, как всегда сдержанный, он не терял самообладания, ничем не выдавал своего мучительного душевного состояния и возвращался после неудачи внешне спокойный, в веселом настроении, шутил, пел, смеялся. И убежденно повторял товарищу:

«Я верю — он не уйдет».

И он действительно не ушел.

27 декабря 1906 года, в 9 ч. у., прокурор Павлов вышел во дворик суда на свою обычную утреннюю прогулку. Дежуривший в канцелярии военный писарь из окна подал условный знак Егорову, поджидавшему на набережной Мойки. Егоров, в форме военного писаря, с разносной книжкой в руках, уверенно вошел во двор суда. Часовой, привыкший видеть входящих в здание суда нижних чинов, беспрепятственно пропустил и этого «писаря».

Подойдя к генералу, «писарь» вытянулся для отдания чести и отрапортовал: «Пакет его превосходительству. Срочно. В собственные руки»...

Генерал только успел ответить на приветствие, как «писарь» выхватил из кармана револьвер и произвел в Павлова в упор один за другим шесть выстрелов. Высокий старик, взмахнув руками, упал на землю мертвым.

Егоров бросился бежать со двора суда. Под воротами он сделал выстрел в дворника, но промахнулся. Выбежав на Мойку, он свернул по улице Глинки и побежал дальше. Поднялась тревога. Дворники, полицейские, выскочившие откуда-то шпионы бросились в погоню. Егоров бежал, отстреливаясь. Ранил городового. Другой городовой, стоявший на посту, стал пускать в след убегавшему Егорову пулю за пулей, но неудачно. У здания Казанской части городовой стрелял в Егорова почти в упор, но тоже неудачно. Выскочившие на тревогу городовые и пожарные окружили Егорова со всех сторон, и он принужден был сдаться. Его обезоружили и отвели в участок.

Когда в участке Егоров пришел в себя, первыми его словами были:

— Павлов убит.

И радостная улыбка засияла на его измученном лице: выполнил свое дело, теперь легко и умереть.

На допросе Егоров назвать себя отказался. На все вопросы он отвечал только улыбками и смехом. Больше от него никто не услышал ни одного слова. Личность его следствию установить не удалось.

Егоров не сомневался, что суд вынесет ему смертный приговор. Он ожидал его спокойно, даже радостно.

Через несколько дней, по приговору военно-полевого суда, Егоров был повешен на «Лисьем Носу», этом лобном месте русской революции. В последний раз он увидел «Лисий Нос», дорогу в Кронштадт. Сколько здесь молодых жизней погубила русская реакция. И еще погибла одна жизнь, молодая, полная сил и лучших стремлений...

А. Кучанов.

НЕ ВЫДЕРЖАЛ

(Памяти Алеши Селенидова)

Познакомился я с ним на постройке Амурской железной дороги, куда сгоняли нас со всех каторжных централов России, чтобы мы не даром ели казенный хлеб: царизму нужна была на Амуре дешевая рабочая сила.

Алеша Селенидов был спокойным, тихим и скромным человеком. Казалось, что он никогда и ни на кого не может рассердиться. Ходил он всегда в шапке, зимой кутался в свою не очень теплую овчинную шубу, как будто ежась от холода.

Он был матросом, служил во Владивостоке и за Владивостокское восстание 1907 года был осужден к каторжным работам. После суда он некоторое время сидел в Александровском централе Иркутской губ., потом попал на Амурку.

Как-то рассказывал он мне, что ему очень хотелось отсюда вырваться и попасть обратно в централ: «но все мои планы и старания пропали даром», закончил он свой рассказ, «и все через этого глухого чорта».

Так называли мы начальника нашего пункта Вяткина— за его глухоту.

Кончался январь 1908 года. Стоял крепкий сибирский мороз. Высокие горы, поросшие лесом, были покрыты снегом. Деревья стояли в инее. Отовсюду веяло дыханием смертельного холода.

Конвойные солдаты побоялись мороза и отказались вести команду на работу.

— Арестантам, пожалуй, будет тепло на работе, а вот нам-то как? — говорит старший конвойный. Старшему надзирателю Катаясю нечем было «крыть» эти резонные доводы, и он решил распустить команду. Как воробьи, с гиком и смехом рассыпались арестанты по баракам. Все

были довольны и конвоем и морозом: чем адская работа в лесу, лучше погреться у горящей печки.

Но радоваться пришлось недолго. На пороге барака показался Катаясь:

— Одевайсь все! — крикнул он: — дрова носить!

Видя, что арестанты его не слушают, он злобно заорал:

— Это что? Пшел на работу!

В ответ ему послышались со всех сторон голоса:

— Не пойдем на мороз. Зачем итти?

Тут же неподалеку, в своей серой шапке и овчине, стоял Селенидов. Подойдя к старшему, он сказал ему:

— Да вед по случаю мороза нас и оставили. Куда же опять итти?

Старший взбесился. Он набросился на Селенидова, ударил его по лицу и начал выталкивать в дверь. Рядом стоявший арестант Доморацкий крикнул старшему:

— Не имете права драться!

Зашумели и остальные:

— Не смеешь драться! Не трожь!

Оставив Селенидова, старший бросился к Вяткину. Часа через два он снова явился и вызвал Селенидова и Доморацкого, чтобы отвести их в ротный барак, где были карцера. Мы знали, что после ухода арестантов на работу задержанных выпорют.

Доморацкий пошел вслед за старшим, а Селенидов отказался и остался в бараке. Между тем мороз стал сдавать, значит, после обеда погонят на работу. Некоторые предлагали — сейчас же вызвать Вяткина и потребовать отмены порки. Другие настаивали на том, чтобы заявление сделать, когда выстроят перед отправкой на работу. Так и порешили.

Пообедали. Вызвали команду во двор, построились. Селенидов схватил кайлу из-под нар, пошел сбить замок с барака, где сидел Доморацкий. Потом оба они встали вместе с другими. Вяткин и Катаясь заметили их и велели выйти из строя. Доморацкий вышел, Селенидова вывели силой. Команда молчала. Обоим ничего не оставалось делать, как подчиниться силе и возвращаться в барак, где кроме них оставалось еще человек пять арестантов.

Отправив команду, Вяткин и Катаясь пришли в барак. Подойдя к Селенидову, Вяткин заорал на него:

— Ты почему, мерзавец, не снимаешь шапку? Снять сию же минуту!

«Не нахожу нужным это делать», — ответил Селенидов.

Вяткин ударил его, сбил с головы шапку и крикнул Катаясю:

— Розог сюда! Сейчас же розог для этого мерзавца!

Катаясь побежал за розгами, а Доморацкий стал о чем-то просить Вяткина. В это время Селенидов увидел под нарами топор, схватил его и бросился на Вяткина. Тот — бежать к двери, на ходу вытаскивает шашку. Произошла схватка. У самого порога двери лежал обезоруженный Вяткин, а Селенидов с шашкою в руках пытался зарубить его, но попадал концом шашки все время в косяк (после чего остались метки).

Вяткину удалось как-то вырваться и удрать, а Селенидов с шашкой стал у двери и не пускал никого в барак. Старик надзиратель Афимыч, бывший сахалинец, прицелился через окно и несколько раз выстрелил из револьвера в Селенидова. Одним из выстрелов Селенидов был слегка ранен в шею. Видя, что из-за него могут пострадать другие арестанты, Селенидов выбросил в окно шашку и крикнул:

— Сдаюсь, не стреляйте!

Открылась дверь. С револьвером в руке вошел в барак старший Катаясь, за ним — Вяткин и несколько надзирателей. Катаясь подошел к Селенидову и выстрелил в него в упор. Несчастный свалился на пол, истекая кровью. Рядом стояли палачи и среди них Катаясь с дымящимся револьвером.

Раненый зашевелился и попросил воды. Доморацкий кинулся было за стаканом, чтобы дать воды, но Катаясь прикрикнул на него и направил в его сторону дуло револьвера.

Вскоре подали подводу, чтобы отвезти раненого на главный пункт в «Раздольное», где была больница. Селенидова на руках вынесли из барака и положили в сани, к которым Катаясь велел привязать раненого. Селенидов слабо протестовал, но это не помогло, только чуть ослабили веревки. Подошел Вяткин и что-то спросил у раненого. Селенидов тихо, но внятно ответил:

— Уйди, палач!

Вяткин не остался в долгу и, отходя от саней, изрек:

— Собаке — собачья и смерть!

До «Раздольного» Селенидов не доехал: дорогой он умер.

Вл. Селиванов

ВОЕННО-РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ ВО ФЛОТЕ И АРМИИ (1900—1917 гг.)

(Библиографический указатель)

Настоящий библиографический указатель является дополнением к краткому списку, напечатанному в сборнике «В царской казарме». Мы даем теперь более полный указатель литературы о движении во флоте и в армии, не повторяя источников, напечатанных в предыдущем сборнике.

Наиболее полно представлена литература о революционном движении во флоте. Источники расположены в указателе по четырем отделам: 1. Работы общего характера. 2. На пути к революции 1905 года. 3. Революция 1905 г. 4. Годы реакции. На пути к революции 1917 года. Внутри 3 и 4 отделов источники расположены по отдельным флотам и дальше — по отдельным революционным эпизодам.

Издания общества политкаторжан отмечены знаком (*).

БИБЛИОТЕКА
ИНСТИТУТ

225

ФЛОТ И АРМИЯ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ДВИЖЕНИИ

ФЛОТ

1. *Работы общего характера*

1. Виноградов С. — Флот в революционном движении. Птгр. Морредиздат. 1922 г. 19 стр.

2. Дыбенко П. — Из недр царского флота к великому Октябрю. Из воспоминаний революции. М. 1928, «Военный Вестник». 238 стр.

3. Егоров Ив. — Революционное движение и флот. «Кр. Флот», 1922, № 9, стр. 51—58.

4. Зоф В. — Из истории флота прошлого и настоящего. «Мол. Гвардия», 1923, № 1; Морредиздат. Птгр., 1922, 32 стр.; тоже 1924, 51 стр.

5. Лукашевич С. — Материалы по истории русского флота. Краткая хронология революционного движения в русском военном флоте. «Мор. Сборник», 1920, № 6—7, стр. 34—47.

6. Лебедев М. И. — Революционный Севастополь. Краткая история революционного движения и путеводитель по революционному Севастополю. Крымгосиздат. Симферополь. 1928, 80 стр.

7. Платонов А. — Черноморский флот в революционном движении. «Кр. Флот», 1924, № 10, стр. 46—62.

8. Агафонов В. К. — Заграничная охранка. С прилож. очерка «Евно Азеф» и списка секретных сотрудников заграничной агентуры. «Книга», 1918, 383 стр. (о провокаторах во флоте).

9. Виноградов Ст. — Балтийцы в революционном движении. «Кр. Флот», 1924, № 10, стр. 63—70.

10. Ахун М. И. и Петров В. А. — Большевики и армия в 1905—1917 гг. Военная организация при Петербургском комитете РСДРП(б) и революционное движение в войсках Петербурга. Ленинград. Истпарт, «Кр. Газета», 1929 г. Лнгр. 348 стр.

2. *На пути к революции 1905 г.*

11. Революционная пропаганда в Кронштадте в 1901—1903 гг. «Кр. Балтиец», 1921, № 7, стр. 45—48.

12. Егоров Ив. — Настроение матросов Балтийского флота в 1904—1905 гг. Сборн. «Восстания в Балт. флоте в 1905—1906 гг.». Лнгр. Истпарт, 1926, стр. 9—12.

13. Иванов С. — В Кронштадте, в Архангельске, в Либаве (Из воспоминаний о работе в рабочих и военных организациях РСДРП 1904—1907 гг.). «Кр. Летопись», 1923, № 5, стр. 317—328.

14. Кронштадтский военно-морской суд (Дело о восстании запасных чинов). «Право» 1905, № 38, стр. 3196—3199 (1904 год).

15. Политическая пропаганда во флоте. «Освобождение», 1903, № 3.

3. *Революция 1905 г.*

16. *Чужак Н. — Идея вооруженного восстания и большевистская работа в армии. По документам и по памяти участника. М. 1929, стр. 130 («Князь Потемкин-Таврический», стр. 37—43; «Севастопольское восстание», стр. 52—58; «Свеаборгское восстание», стр. 88—98).

17. Платонов. — Моряки в революции 1905 года. «Кр. Флот», 1925, № 10, стр. 15—27.

18. Шелавин К. И. — Рабочий класс и его партия. Лнгр. «Прибой», 1925 г., вып. III, стр. 7—19; 94—108.

19. Революция 1905 года. Материалы и официальные документы. Харьков. «Пролетарий», 1925, стр. 143—184.

20. *Мошинский И. (Конарский). — Политическая защита в дореволюционных судах. Военные восстания 1905 г. Сборн. «Девятый вал». М. 1927, стр. 65—66. (Либава, Севастополь).

21. Куликовский П. — Матросы-революционеры 1905 г. «Свободный Флот», 1917, № 12.

Балтийский флот

22. Чужак Н. — Что делается в войсках. — «Пролетарий», 1905, № 12.

23. Дрезен А. — Вы жертвою пали в борьбе роковой... (Во что обошлись морякам Балт. флота и с.-д. организации Кронштадта восстания 1905—1906 гг.). РИО морсил РККФ. Л. 1925, 15 стр.

24. Р. А. — Либава. Восстание моряков. «Наша жизнь», 1905, № 234.

25. Сообщения о восстании в Либаве см. «Пролетарий» 1905, №№ 8 и 11.

26. Дело о беспорядках в морских командах порта имп. Александра III. — «Право», 1905, № 33, стр. 2729—32; «Хроника» — там же № 30, стр. 2493—97.

27. Пече Я. — Либава в 1905 г. «Пролет. Революция», 1925, № 11, стр. 174—193.

28. Темков М. — Либавские матросы в 1905 г. Сборн. «Первая русская революция в Петербурге 1905 г.», в. 2. Гиз. Л. 1925, стр. 132—137.

29. Из бумаг Д. Ф. Трепова. «Кр. Архив», 1925, т. IV—V, стр. 460—462, 466 (беспорядки в окт. 1905 г. в флот. экипажах в Петербурге).

30. Сообщения о 1-м восстании в Кронштадте см. «Новая Жизнь» 1905 г., №№ 3, 5 и 6; переизд., стр. 8—10; 19—20.

31. Амосов В. — В 1905 г. в Кронштадте. «Кр. Летопись», 1925, № 3 (14), стр. 109—110.

32. Волковичер И. — Восстание в Кронштадте. Сборн. «История Революции 1905 г. в отдельных очерках». Гиз. 1925, т. III.

33. Как самодержавие расправлялось с матросами за участие в Кронштадтских беспорядках 26—27 октября 1905 г. «Кр. Балтиец», 1920, № 8, стр. 53—58.

34. Протокол экстренного заседания Совета рабочих депутатов 1 ноября 1905 года. «Известия Совета Раб. Деп.» 1905, № 5 (о Кронштадт. восстании).

35. Р. А. — К событиям в Кронштадте (от нашего корреспондента). «Наша Жизнь», 1905, №№ 317, 319, 321, 322, 324—327, 336, 338, 344 и 391.

36. Саламатин Ник. — 19 июля 1906 г. в Кронштадте. «Трудовая Мысль», 1917, № 6.

37. Ольшанский Н. — Кронштадтское восстание в 1906 г. «Кр. Лет.» 1923, № 5, стр. 182—217.

38. Лукашевич С. — Казнь 19 кронштадтских матросов в 1906 году. «Кр. Флот», 1923, № 3, стр. 115—126.

39. Приговор по делу о Свеаборгском восстании 1906 г. «Моряк», 1918, № 2.

40. Егоров Ив. — Свеаборгское вооруженное восстание. Из воспоминаний. «Пламя», 1920, № 15, стр. 7—9.

41. Спиридович А. И. — Революционное движение в России, вып. I. СПБ. 1914 г. (Свеаборгское восстание); вып. 2. Птгр., 1916. («Память Азова»).

42. Львов Роман. — «Память Азова». «Суд идет», 1928, № 13 (101), стр. 717—728.

43. Шабалин. — Восстание и казнь борцов за свободу с крейсера «Память Азова». «Моряк», 1917, № 7, стр. 146—148.

44. Шабалин И. А. — Восстание и казнь моряков «Память Азова», «Центрофлот», 1917, № 22, стр. 7—10; № 3, стр. 6—9.

45. Шабалин И. А. — Еще о «Памяти Азова». «Моряк», 1917, № 9, стр. 204—206.

46. Дело о военной организации при Петербургском и Объединенном комитетах Росс. Соц.-Дем. Рабочей партии. — «Кр. Балтиец», 1920, № 4, стр. 31—36.

47. Революционные выступления в Балтийском флоте за 1906—1908 гг. — «Кр. Балтиец», 1921, № 6, стр. 47—58.

48. Иваныч. — Матрос Егоров. (По личным воспоминаниям). «Кр. Флот», 1925, № 5, стр. 111—112. (Егоров — убийца военного прокурора Павлова в 1906 году).

49. N. — Памяти Николая Егорова. «Былое», 1908, № 8, стр. 78—81.

50. Сивков П. — Из революционной истории учебного судна «Океан». «На вахте революции», сб. 2-й. РИО морсил РККФ. Лнгр., 1926, стр. 67—73 (1906 г.).

Черноморский флот

51. Прежние бунты черноморских матросов. — «Искра», 1905, № 104.

52. Авдеев Н. — Восстание Черноморского флота. «Искра революции 1905 в отдельных очерках», т. II, стр. 181—224. М. Гиз. Истпарт, 1925.

53. Белоусов С. Н. — Хрестоматия по истории первой русской революции 1905 г., гл. VI. Революционное движение во флоте. М. Гиз. 1925, стр. 125—155.

54. Генкин. — По тюрьмам и этапам. Птгр. Гиз, 1922 г.

55. Революция и РКП(б) в материалах и документах. Составила Р. Хабас, под ред. М. Васильева-Южина. — М. Истпарт. Гиз. 1926 г., стр. 238—252; 337—344; 344—345.

56. * Лебедев М. — Революционное движение среди черноморских моряков в 1905 году. «Кат. и Ссылка», 1925, № 5 (18), стр. 9—23.

57. Фельдман К. — Красный флот. Черноморский флот и революция 1906—1917 гг. Птб. 1917 г., изд. «Скобелевского Комитета», стр. 29.

58. * Черноморский флот в эпоху первой революции. — Сборник журнала «Каторга и Ссылка». М., 1927 г., 160 стр.

59. Черноморец. Воспоминания черноморца о 1905—1906 гг. — «Кр. Флот», 1922 г., № 5—7, стр. 161—172; 1922 г., № 9, стр. 195—204.

60. * Яхновский И. — Революционная работа в Черноморском флоте. (Из воспоминаний). «Кат. и Ссылка», 1925, № 5 (18), стр. 24—27.

61. Васильев-Южин М. — Восстание на броненосце «Потемкин» и тов. Ленин. (Из воспоминаний о революции 1905 года). «Мол. Гвардия», 1924, № 2—3, стр. 53—57.

62. * Денисенко Степан. — Потемкинское восстание. (Воспоминания матроса-«потемкинца»). «Кат. и Ссылка», 1925, № 5 (18), стр. 28—42.

63. Дьяченко С. — Восстание в Черноморском флоте. (Воспоминания). «Пути Революции», 1927, № 5—6 (8—9), стр. 49—59.

64. Евстигнеев И. М. — Начало восстания на «Потемкине». (Из воспоминаний). «Военный Вестник», 1925, № 24, стр. 42—44.

65. Из письма матроса. — «Искра», 1905, № 110 («Потемкин»).

66. Июньские дни в Черноморье. (Открытое письмо в «Искру»). — «Искра», 1905, № 105.

67. Коваленко А. быв. инженер-механик на «Потемкине». Открытое письмо к офицерам армии и флота. — Изд. партии с.-р., 1905 г., 2 стр.

68. Матросы Черного моря. — Изд. партии соц.-рев. 1905 г., 48 стр. («Потемкин»).

69. Матюшенко А. — Эпизод 14 июня на эскадр. броненосце «Кн. Потемкин-Таврический». «Искра», 1905 г., № 105.

70. Матюшенко Афанасий, минно-машинный квартирмейстер первой статьи броненосца «Князь Потемкин-Таврический». Ко всем офицерским чинам армии и флота. Изд. партии соц.-рев., 1905 г., 2 стр.

71. Орлов Кирилл (Иван Егоров). — Жизнь рабочего революционера от 1905 г. до 1917 г. Ленинград. Истпарт. «Прибой», 1925 г., Лнгр., 37 стр. (гл. I. В Черноморском флоте в 1905 г.).

72. Плесков В. — К восстанию на броненосце «Потемкин» (письмо в редакцию). «Прол. Революция», 1926, № 2, стр. 275—276.

73. Раковский Х. — Конец восстания на «Потемкине». (Воспоминания). Сборн. «Красный Военный Флот», 1923 г., стр. 272—281.

74. Революционные дни в Черноморском флоте. (Письма матроса). — «Искра», 1905, № 105.

75. * Старцев-Шишкарев. — Восстание на броненосце «Потемкин», «Пути Революции», 1925, № 1.

76. Фельдман Константин. — Дни восстания на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». «Свободный Флот», 1917, № 1, стр. 11—15.

77. Ф(ельдман) К. — Черноморский флот и революция (1905—1917). «Военмор», Баку, 1920, № 46, стр. 3—5; № 47, стр. 3—5.

78. Шаповалов А. С. — В подполье. «На пути к марксизму». Гиз. М. Лнгр., 1927 г., стр. 127—170.
79. Верхотурский А. — На революционном тракте. «Москов. Рабочий», М., 1925 г., стр. 27—32. (Рассказ о восстании на броненосце «Георгий Победоносец»).
80. Из революций Николая II. — «Былое», 1918, № 12 (5), стр. 146—147. («Потемкин»).
81. Залкинд С. (сообщил). — Отражение событий 1905 г. за границей. «Кр. Архив», 1925, № 9, стр. 41—42.
82. А. — Одесса. (Из письма товарища, бывшего на «Потемкине» представителем от Одесского Комитета). «Пролетарий», 1905, № 14.
83. Восстание в Одессе. — «Пролетарий», 1905, №№ 6, 7, 9; «Искра», 1905, №№ 103, 104.
84. Ачканов Ф. — Заметы памяти. «Коммунист». Одесса, 1922, № 27, стр. 49—55 («Потемкин», «Прут», Одесса).
85. Годлевский. — Кишинев — Одесса — Николаев. «Летопись Революции», 1924, № 3, стр. 122—137.
86. Е. — а. — Июльские дни в Одессе. «Искра», 1905, № 105.
87. Л. — «Потемкин» в Одессе. (Воспоминания очевидца). «Кр. Флот», 1924, № 7, стр. 68—69.
88. Ушерович С. — В царских застенках. Исторические очерки. Гиз. Украины, Киев, 1925, стр. 72. («Потемкин» в Одессе).
89. А. Б. С. — В дни «Потемкина». (К 19 годовщине со дня восстания). «Кр. Флот», 1924, № 6, стр. 92—94.
90. Антон-Горемыка. — Князь Потемкин-Таврический. Возмущение в Черноморском флоте 29 июня 1905 г. На основании заграничных документов. Берлин, 1905 г., 39 стр.
91. Вклад потемкинцев в пролетарскую революцию. Тов. Ленин о восстании на «Потемкине». — «Кр. Флот», 1925, № 6, стр. 5—7.
92. (Воровский В.) — Корабль-скиталец. «Пролетарий», 1905, № 10.
93. Воровский В. — Уроки жизни. «Пролетарий», 1905, № 11.
94. Гейман В. — Сумасшедший генерал-губернатор (быль). «Голос Минувшего», 1923, № 2, стр. 35—36 («Потемкин» в Феодосии).
95. Горелов К. — Июньские дни в порту. Сборн. «Революц. движение в Одессе и Одесщине», стр. 133—140.
96. Десин О. — Один за всех, все за одного. 1905 г. На броненосце «Потемкин». К 20-летию черноморского восстания. «Суд идет», 1925, №№ 12, 13—14.
97. Жуков И. — Восстание на «Потемкине». «Революция в Крыму», Симферополь, 1923, № 1, стр. 59—65.
98. Замятин Е. — Три дня. (Восстание на «Потемкине»). Птгр., «Былое», 1922, 27 стр.
99. К. — Красный флот. «Искра», 1905, № 103—105.
100. Ленин. — Русский царь ищет защиты от своего народа у турецкого султана. «Пролетарий», 1905, № 7.
101. Матросы Черноморского флота. «Искра», 1905, № 105.
102. Оленин К. Л. — В красном пламени. Штрихи из эпизодов Потемкинских дней (1905). «Кр. Днепр», Киев, 1920, № 2—3, стр. 7—8.
103. Платонов А. — Кровью напитанный путь. 20-летие восстания на «Потемкине». «Кр. Флот», 1925, № 6, стр. 8—18.

104. Плеханов Г. — «Князь Потемкин Таврический». «Дневник социалдемократа», 1905, № 2.

105. Поташов И. — Восстание на броненосце «Потемкин». «Самообразование», 1925, № 12.

106. Революционный броненосец. Восстание в Черноморском флоте (по материалам «Искры» и «Социалдемократа»). Женева, 1905, изд. «Искры», 52 стр.

107. С(еверцев) В. — «Князь Потемкин Таврический». «Пролетарий», 1905, № 8.

108. Старый моряк. — К двадцатилетию восстания на броненосце «Князь Потемкин Таврический». «Мол. Гвардия», 1925, № 7, стр. 92—99.

109. Струмилло Б. — Одесские стачки и восстание на «Потемкине». «Юный Пролетарий», 1925, № 12.

110. 1905 год на Украине. Хроника и материалы по ред. М. И. Мебеля. Истпарт ЦК КП(б) У. Харьков, «Пролетарий», 1926, т. I, стр. 147.

111. Федоров А. — Восстание матросов на броненосце «Князь Потемкин-Таврический». «Календарь русской революции» под ред. В. Л. Бурцева. Птгр., 1917. «Шиповник», стр. 157—164.

112. Член Одесской «группы» РСДРП (К. Бржезовский). — Еще одна неудавшаяся попытка восстания. «Искра», 1905, № 110.

113. Шабалин И. А. — Восстание на броненосце «Кн. Потемкин-Таврический». Исторический очерк. «Шторм», Ревель, № 1—4.

114. Богучарский В. Я. — Кровавый синодик. Смертная казнь по политическим делам в России. «Мир Божий», 1905, № 12; изд. «Голос» СПБ., 1906 (казнь матросов с «Прута» и «Георгия Победоносца»).

115. * 20-летие восстания на «Потемкине». «Кат. и Ссылка», 1925, № 5 (18), стр. 337—339.

116. 1905 год в Петербурге, вып. I. Социал-демократические листовки. Ленинград. Истпарт. Гиз, 1925, 444 стр. (прокламация по поводу восстания «Потемкина»).

117. К восстанию в Черноморском флоте. (Письма матросов). «Социалдемократ», 1905, № 16.

118. Матросы «Потемкина». — В редакцию «Искры». «Искра», 1905, № 107.

119. * Николаев И. — После восстания. (Воспоминания матроса). «Кат. и Ссылка», 1925, № 5 (18).

120. Революционная работа в Черноморском флоте. «Социалдемократ», 1905, № 12—14 (после «Потемкина»).

121. Шабалин И. А. — Суд-казнь моряков с броненосца «Георгий Победоносец». «Шторм», Ревель, 1918, № 2, стр. 17—21.

122. В войсках. (По русским и заграничным известиям). «Пролетарий», 1905, № 19 (расстрел «прутовцев»).

123. Обвинительный акт по делу «Прута», изд. с.-д. меньшев., 1905 г.

124. Арборе-Ролли Е. — Приезд «потемкинцев» в Румынию. (Июнь 1905 года). «Пролет. Революция», 1925, № 9 (44), стр. 69—72.

125. * М. В. — Матросы-потемкинцы в эмиграции. «Кат. и Ссылка», 1927, № 8, стр. 148—153.

126. * Потемкинцы в Румынии. Письмо К. М. Перелыгина. «Кат. и Ссылка», 1925, № 5 (18), стр. 43—45.

127. Член Одесской группы РСДРП Кирилл (Бржезовский). —

Ответ из Бухареста по поводу «письма из Бухареста». «Искра», 1905, № 107.

128. Мартыновский С. — Опанас Матюшенко. (Материалы для биографии). Сборн. 1905 г. «Революционное движение в Одессе и Одесщине», в. I.

129. Поссе В. А. — Воспоминания (1905—1917 гг.). Птгр., 1923. «Мысль», стр. 7—17, 110—112 (Матюшенко).

130. Санинков Б. В. — Воспоминания. «Былое», 1917, № 3, стр. 113—115. (Матюшенко).

131. Фельдман К. — Памяти товарищей матросов. «Социалдемократ», 1905, № 15.

132. Кирилл. — Дорофей Петрович Кошуба. «Социалдемократ», 1905, № 15.

133. Матрос Черноморского флота. — Памяти погибших. «Искра», 1905, № 110 (казнь «прутовцев»).

134. Хроника. «Новая Жизнь», 1905, № 10; переизд. «Прибой», 1925, стр. 63—64.

135. * К. Г. — Памяти Неизвестного. «Историко-Революц. Вестник», 1922, № 1—4, стр. 72—73. (С. Неизвестный — участник восстания на «Георгии Победоносце»)

136. * Гил. — Виктор Константинович Курнатовский (1908—1922). «К. и С.», 1929, № 3, стр. 113—114 (освобождение из Акатуевской тюрьмы «прутовцев»).

137. Левицкий В. — Октябрьские дни в 1905 г. в Севастополе. Воспоминания. «Былое», 1925, № 4 (32), стр. 93—107.

138. Всеподданнейшая телеграмма полковн. Думбадзе (из Севастополя 19 ноября 1905 г.). «Право», 1905, № 47, стр. 38, 42—43.

139. Обвинительный акт по делу лейтенанта Шмидта П. П. «Мор. Сборник», 1918, № 2—3, стр. 59—103.

140. (Сообщение о Севастопольском восстании в ноябре 1905 г.). «Новая Жизнь», 1905, №№ 10 и 17.

141. Ленин В. И. — Доклад о революции 1905 г. «Ленинский Сборник», т. V, стр. 34—35. Институт Ленина. М.—Л., 1926.

142. * Александров А. — Лейтенант П. П. Шмидт. (Воспоминания защитника). «Кат. и С.», 1925, № 5 (18), стр. 84—107.

143. Антонов д-р. — Письмо в редакцию. «Новое Время», 1906, № 10711 (о лейтен. Шмидте).

144. Александров В. — Письмо в редакцию. «Русь», 1906, № 13 (по поводу письма д-ра Антонова).

145. Письмо П. Милюкова. «Русь», 1906, № 5, (о лейтен. Шмидте).

146. Письмо офицеров броненосца «Ростислав». «Русь», 1906, № 21, (ответ на письмо Милюкова).

147. Милюков П. Н. — Письмо в редакцию. «Русь», 1906, № 23.

148. Между жизнью и смертью. «Русь», 1906, № 28.

149. Гелис И. — Минувшие бури. К предстоящему двадцатилетию восстания матросов, солдат и рабочих в Севастополе 11—15 ноября 1905 г. «Крымгосиздат», 1925, 53 стр.

150. Доклады С. Ю. Витте Николаю II. — «Кр. Архив», 1925, т. IV—V, стр. 158 (о Шмидте).

151. Залкинд С. (сообщил) — Отражение событий 1905 г. за границей. «Кр. Архив», 1925, № 9, стр. 52—53.

152. * Захарченко И. Г. — Ноябрь и лейтенант Шмидт. «Кавд. Звон», 1925, № 2, стр. 37—49.

153. * Зелинский Г. — Казнь лейтенанта Шмидта по летописи Очаковского собора. «Кат. и С.», 1917, № 4, стр. 87—90.

154. Из переписки лейтенанта Шмидта. «Кр. Архив», 1922, т. I, стр. 344—354.

155. Из писем лейт. П. П. Шмидта. «Былое», 1907, № 3, стр. 257—258. (1904 г.).

156. Из писем лейтенанта П. П. Шмидта (письмо к П. Д. Левичу). «Голос Минувшего», 1918, № 4—6, стр. 330.

157. Красное знамя над черноморской эскадрой. Рассказ очевидца. «Кр. Новь», М., 1923, стр. 33.

158. Камшицкий В. — Лейтенант Шмидт (характеристика) Крымгосиздат, 1925 г., стр. 44.

159. Красный адмирал. «Моряк», Гельсингфорс, 1917, № 1, стр. 9—10.

160. Красный лейтенант. Как и за что был казнен лейтенант Шмидт. М. «Свободная библиотека», 1917, стр. 14.

161. Куприн А. — События в Севастополе. «Календарь русской революции», под общ. редакцией В. Л. Бурцева, 1917, стр. 289—292.

162. Мартыненко Г. — Гелис. «Ноябрьские дни в Севастополе в 1905 г.». «Кр. Флот», 1925, № 4, стр. 147—148. (Поправки к книге Гелиса).

163. Моишеев Петр. — Последние дни лейтенанта Шмидта, Частника, Гладкова и Антоненко. «Былое», 1910, № 13, стр. 3—24.

164. Моишеев Петр. — Памяти лейт. Шмидта и его товарищей-матросов. «Моряк», Гельсингфорс, 1917, № 1.

165. Нерядов И. — Красный адмирал. Рассказ-быль из революции 1905 г. М. «Воля», 1917, стр. 24.

166. * Несколько документов о Севастопольском восстании 1905 г. «Кат. и С.», 1925, № 5 (18), стр. 132—142.

167. * Николаев И. — После восстания. (Воспоминания матроса). «Кат. и С.», 1925, № 5 (18), стр. 114—131.

168. Никонов С. А. д-р. — Воспоминания. «Революционный Севастополь», 1917, №№ 40, 42, 44, 45, 47, 50, 53, 55, 58 и 60; отрывки «Былое», 1918, № 1 (29), стр. 225—229.

169. Предиденко. — Памяти лейтенанта Шмидта. М. 1917 г. (казнь Шмидта).

170. * Петров. — Из воспоминаний матроса. «Кат. и С.», 1925, № 5 (18), стр. 108—113.

171. Письмо в редакцию. «Известия Совета Рабочих Депутатов», 1905, № 5; переизд. Ленинград. Истпарта, стр. 45.

172. Резников Л. Я. — Лейтенант Шмидт. Симферополь, 1917 г.

173. Reaux Eug. — Жизнь лейтенанта Шмидта. «Правовая жизнь», 1906, № 1, стр. 1—87.

174. Семенович Ф. — Лейтенант Шмидт («Красный адмирал»), Гиз, 1926 г., стр. 8.

175. Слоним Марк. — Роман лейтенанта Шмидта. «Воля России», 1922, № 11, стр. 54—66.

176. Красный лейтенант (Восстание матросов в 1905 г. в Севастополе). По воспоминаниям участников составил Юрий Соболев. «Кр. Новь», М. 1927, стр. 47.

177. Сомов В. — 22 года тому назад. Памяти лейтенанта Шмидта. «Суд идет», 1928, № 7, стр. 353—354.

178. Суд над «очаковцами». Сборник «1905 г. перед царским судом». Судебные процессы. «Рабочий Суд», Лнгр., 1925.

179. Чураев. — Очаков. «Мол. Гвардия», 1925, № 12, стр. 142—149.

180. Шмидт-Очаковский Е. — Лейтенант Шмидт. («Красный адмирал»). Воспоминания сына. «Пламя», Прага, 1926 г., стр. 298.

181. Гулина Н. — Лейтенант Шмидт. «Новая Москва», М., 1926 г., стр. 29. (Для детей).

182. Нейман Лина. — Герой Севастопольского восстания, лейтенант Шмидт. Л., Гиз., 1927 г., стр. 109, (для школьного возраста).

183*. Билибин. — История одного протеста. (Памяти В. О. Лихтенштадта). «Кат. и С.», 1925, № 5 (18), стр. 276—285, (встреча в Шлиссельб. тюрьме с участниками Севастопольского восстания).

184. Севастопольские бунтовщики. (Из записок матросов на плавучей тюрьме «Саратов» 1905 г.). «Голос жизни», 1906, № 14.

185. Черницкий А. — Погибший в тюрьме. «Кр. Летопись», 1923, № 8, стр. 295—296, (матрос с «Очакова» — Бровин).

186. Александров А. — В Черноморском флоте после революции 1906 г. Сборн. «На вахте Революции» № 2. РИО морсил РККФ, 1926 г., стр. 49—67.

187. Александров А. — Во флоте после восстания. «Кр. Летопись», 1925, № 3 (14), стр. 118—125.

188. Осуждение матросов Чучукова, Березняка, Мещерякова и Конюшенко за поднятие беспорядков на транспорте «Кронштадт». «Кр. Балтиец», 1921, № 11—12.

Каспийский флот

189. Нападение матросов Каспийского экипажа на патриотическую манифестацию в 1905 г. (На основании офиц. документов). «Кр. Балтиец», 1921, № 2, стр. 43—46.

Сибирская флотилия

190. Ашенбах Г. — Дело о восстании 402-х. (Сибирская военная флотилия в революционном движении). Сборн. «На вахте Революции», № 2, РИО морсил РККФ. Лнгр., 1926, стр. 7—21.

191. Голионко В. — Революционные события в 1905—06 гг. в Приморьи. Сборн. «Революционное движение 1905 г. на Дальнем Востоке». Истпартотдел Дальбюро ЦК РКП(б), 1925 г., «Книжное дело».

4. Годы реакции. На пути к революции 1917 г.

Балтийский флот

192. Егоров И. — Материалы о революционном движении во флоте в 1910—11 гг. «Кр. Летопись», 1922, № 5, стр. 371—391.

193. Революционное движение во флоте и армии через полицейские очки. «Кр. Балтиец», 1920, № 4, стр. 41—44.

194. Дрезен Арвид. — Балтийский флот в годы реакции. «Кр. Летопись», 1929, № 4 (31), стр. 39—98.

195. Савиников Б. В. — Воспоминания. «Былое», 1918, № 2, стр. 48—53 (подготовка цареубийства на кр. «Рюрик» в 1908 г.).

196. Еремеев К. — Буревестники. (Подготовка к восстанию

в Балтийском флоте в 1910—1912 гг.). «Прол. Револ.», 1928, № 6—7, стр. 199—221.

197. Лукашевич С. — Кое-что о провокаторах на флоте. «Центрофлот», 1918, № 2, стр. 11—13.

198. Лукашевич С. — Политический сыск и провокаторы в царском флоте. (По воспоминаниям военного моряка-революционера). «Кр. Флот», 1922, № 3—4, стр. 137—146.

199. Дело о матросе Курагине, осужденном за революционную пропаганду. «Кр. Балтиец», 1921, № 7, стр. 53 (1907 г.).

200. Дело о минере Суркове, осужденном за вступление в партию с.-р. и агитацию новобранцев. «Кр. Балтиец», 1921, № 5, стр. 51.

201. О матросе Полянском, осужденном за противоправительственную пропаганду. «Кр. Балтиец», 1921, № 8, стр. 40.

202. Как матрос Лаврентий Строк был осужден за распространение нелегальной литературы. «Кр. Балтиец», 1921, № 8, стр. 39.

203. Масляненко Д. — Процесс 52-х. (По данным обвинительного акта и по воспоминаниям одного из участников процесса — тов. А. И. Вильмена). «Кр. Флот», 1923, № 8, стр. 69—72 (1912).

204. Подготовка восстания на судах Балтийского флота в 1912 г. «Кр. Балтиец», 1920, № 3, стр. 33—40.

205. Брожение в армии и флоте. Дело революционной организации среди матросов. «Запросы жизни», 1912, № 29, стр. 1680—1683.

206. Кузнецов Михаил. — Восстание на линкоре «Гангут» в 1915 году. «Кр. Балтиец», 1921, № 5, стр. 47—50.

207. Лемехов В. — Выступление на «Гангуте» 19 октября 1915 года. Сб. «Октябрьский шквал», Лнгр. 1927 г., стр. 17—20.

208. Самойлов Е. — Беспорядки на «Гангуте» в октябре 1915 года. «Кр. Балтиец», 1921, стр. 31—36.

209. Шляпников А. — Канун 17-го года. М. Гос. изд. 1922, стр. 49—54, (восстание на «Гангуте»).

210. Дело о революционной организации среди матросов на линейных кораблях «Император Павел I», «Император Александр II» и «Цесаревич». «Кр. Балтиец», 1920, № 5, стр. 27—40; № 7, стр. 51—64.

Черноморский флот

211*. Дюльдин Х. М. — Подготовка к восстанию в Севастополе в связи с разгоном 2-й Государственной Думы. «К. и С.», 1925, № 5 (18), стр. 143—160.

212. Как водолаз Колесников и матрос Гаращенко были осуждены за участие в Севастопольском восстании 11—15 ноября 1907 г. «Кр. Балтиец», 1921, № 7, стр. 51.

213*. Крамаров Г. М. (М. Исакович). — Памяти матроса Акима Воробьева. «Кат. и С.», 1922, № 3, стр. 173—176.

214. К введению военного положения в Севастополе. «Правда», 1912, № от 6-го сент.

Сибирская флотилия

215. Бешенцев С. (записал со слов очевидца). — Рассказ о восстании матросов эскадронного миноносца «Скорый» 17 октября 1907 г. «Моряк», Гельсингфорс, 1917, № 4.

216. Бешенцев С. Л. — Восстание эск. мин. «Скорый» 17 октября 1907 г. «Кр. Флот», 1922, № 3—4, стр. 145—148.

217. Драницын В. — Вооруженное восстание во Владивостоке

в 1907 году. Сб. «На вахте Революции», № 2, РИО морсил РККФ. 1926 г., стр. 25—48.

218. Извлечение из доклада Центральн. Комитету партии с.-р. о Владивостокском восстании в октябре 1907 года. Изд. 1908 г., стр. 11.

219. Н. И. и Б. С. — Застрельщики революции. (К 20-летию судебной расправы). «Суд идет», 1928, № 1, стр. 14—15.

220. Заславский Д. — Темное дело. «Былое», 1923, № 22, стр. 185—204. (Провокатор. взрыв на кр. «Аскольд» в 1916 г.).

221. Лукашевич С. — Провокационный взрыв на крейсере «Аскольд» в Тулоне в 1916 году. «Кр. Флот», 1923, № 1—2, стр. 117—128; см. также №№ 8 и 198.

АРМИЯ

1. Работы общего характера

1. ВКП(б) и военное дело в резолюциях съездов и конференций ВКП(б). Составили А. Геронимус и В. Орлов. Под ред. Я. Л. Бермана с предислов. А. С. Бубнова. Военно-Полит. Акад. им. Толмачева. «Военный Вестник», 1928, стр. 371.

2. Бонч-Бруевич В. — Нелегальная работа в войсках. Сборн. «Техника большевистского подполья», вып. I, М., Истпарт, Гиз, 1924 г.

3. Ярославский Ем. — Военная работа РСДРП большевиков. Л., «Прибой», 1927, стр. 55.

4. Хроника вооруженной борьбы. Сообщ. Е. Михайлова. «Кр. Архив», 1925, т. 11—12, стр. 171—177, 178, (1905 г.).

5. Дан Ф. — Армия с 9 января 1905 г. «Книжка за книжкой», 1906, № 1, стр. 14—16.

6*. Мстиславский С. — Отрывки о пятом годе. «Кат. и С.», 1928, № 2 (39), стр. 7—36. (Всерос. офицер. союз).

7. Военные восстания 1906—1907 гг. Сборн. «Революция и РКП(б) в материалах и документах» т. IV, стр. 302—354. Истпарт.

8*. Мстиславский С. — Из истории военного движения (по личным воспоминаниям). «Офицерский» и «боевой» союзы 1906—1908 гг. «Кат. и С.» 1929, № 6, стр. 7—31.

9. Работа партии в войсковых частях. Сборн. «Революция и РКП(б) в материалах и документах», т. VII. Эпоха империалистической войны. (Июль 1914 — февраль 1917), стр. 281—294, Истпарт. М.—Л.

10. Ахун М. и Петров В. — Голоса из окопов. (Солдатские письма 1915—1916 г.г. «Кр. Летопись», 1928, № 1, стр. 112—118.

2. Революционное движение в гарнизонах

Север

11. Ахун М. И. и Петров В. А. — Большевики и армия в 1905—1917 гг. (Военная организация при Петербургском комитете РСДРП(б) и революционное движение в войсках Петербурга). Лен. Обл. Истпарт, 1929, Лнгр., стр. 348.

12. Новин Юр. — Еще о Петербургских соц.-дем. прокламациях 1905 г. «Кр. Лет.», 1925, № 4 (15), стр. 248—249.

13. Ахун М. и Петров В. — Военная организация при

Петербургском комитете РСДРП в 1906 г. «Кр. Лет.», 1926, № 1 (16), стр. 131—161.

14. Владимирова В. — Из недавнего прошлого. «Мол. Гвардия», М.—Л., 1924, стр. 58—74, 162—197, (1908—09 гг.).

15. Ахун М. и Петров В. — Петроградский гарнизон и Северный фронт в годы империалистической войны. (Из истории революц. движения в армии). «Кр. Лет.», 1927, № 3, стр. 154—190.

16. Бывший запасной. — Воспоминания о запасной пулеметной команде. Сборн. «Первая русская революция в Петербурге 1905 г.», вып. 2. Л., Гиз, 1925, стр. 131—132. (Ораниенбаум).

17. Военные организации в Финляндии в 1907 г. «Кр. Балтиец», 1921, № 3, стр. 49—54.

18. Егоров Ив. — Военные организации РСДРП(б). Сборн. «Восстания в Балт. флоте в 1905—06 гг.», стр. 53—61.

19. Егоров Ив. — Финляндская с.-д. военная организация в освещении провокатора (по архивным данным). Там же, стр. 88—93.

Запад

20. Бобров В. — Из деятельности военной организации в Ченстохове (1908—1911 гг.). «Историко-Революц. Вестник», 1922, № 1—4, стр. 62—64.

21. Симбирец. — Воспоминания о революции 1905 г. и ее отголосках. Сборн. «Первая русская рев. в Петерб. 1905 г.», вып. 2, стр. 129—131, Лнгр., 1925, (Польша).

22. Новин Юр. — О Виленской с.-д. военной организации 1906 г. «Пролет. Револ.», 1922, № 9, стр. 308—309.

23. Чистяков Е. — Военная организация РСДРП в Ковне. «Пролет. Рев.», 1927, № 5, стр. 218—228.

Юг

24. 1905 год на Украине. Хроника и материалы. Под ред. М. И. Мебеля. Предисл. Г. И. Петровского. Истпарт. ЦК КП(б) У. Харьков, 1926 г., т. I, стр. 23, 311 и 325.

25. Басалыго К. — Революционное движение в Харькове в 1905—06 гг. (Воспоминания). «Лет. Революции», 1924, № 1 (6), стр. 119—136.

26. Яковлев М. А. — Харьковское лихолетье. (Отрывки из воспоминаний). «Ист. Вестник», 1910, № 11, стр. 542—573.

27*. Ткачуков И. — 1905 год в Харькове. «Пути Революции», 1925, № 3, стр. 8—20.

28*. Ленцер Б. — Харьков в ноябре—декабре 1905 г. Эпизоды. Там же, стр. 21—28.

29. Амнуэль Антон. — Обреченное восстание. (Двадцатая годовщина военного восстания в Киеве 1907—17 (4 июня 1917 года). «Суд идет», 1927, № 11 (75), стр. 599—608).

30. Воспоминания Сухомлинова. Гиз, М.—Л., 1926, стр. 96—98. (Киев 1905 г.).

31. Усенко В. Г. — Южное военно-техническое бюро. «Из эпохи борьбы с царизмом», 1925, № 3, стр. 17—22. (Киев).

32. Бушуев В. (Бутаков Николай). — Военная организация при Екатеринославском Комитете РСДРП в 1907 г. «Летопись Револ.», 1924, № 1 (6) и № 2 (7).

33*. Буртакова Дина. — Несколько слов о восстании гар-

нисона г. Полтавы в 1906 г. «Пути Револ.» 1927, № 1 (10), стр. 203—205.

34. Лебедев М. И. — Революционный Севастополь. Краткая история революц. движения и путеводитель по революц. Севастополю. Симферополь, 1928, стр. 8.

35. Владимирова В. — см. № 14; стр. 13—36. (Севастополь).

36. Холщ — в Я. — Восстание бобруйцев в 1905 г. в Царицыне. Сборн. «Наш Край». Цариц. Истпарт, вып. I. Царицын, 1924, стр. 24—28.

Кавказ

37. Давтян Я. — Тифлисская военная организация в 1906—1907 гг. «Прол. Рев.», 1923, № 4 (16), стр. 143—148.

38. Янчевский Н. — Новороссийская и Сочинская республики в 1905 году. Истпарт Сев.-Кавк. крайкома РКП(б). Севкавкнига, 1926, стр. 103.

Сибирь

39. Романов Ф. — «Красноярская Республика». «Сибир. Вопросы», 1907, № 2, стр. 30—63.

40. Шумяцкий Б. — Красноярское восстание (1905 г.). «Н. Москва», М. 1926, стр. 55.

41. . — Товарищ Урицкий в Красноярске. (Странички воспоминаний о 1905 г.). «Звезда», 1924, № 6, стр. 157—158.

42. Воден. — 1905 год в Сибири. (Из воспоминаний бывшего железнодорожного машиниста). «Мол. Гвардия», 1925, № 12, стр. 138—140 (Красноярск).

43. Сивых С. — Забастовка Иркутского гарнизона. Нагасаки. 1907, стр. 30.

44. Владимирова В. — см. № 14; стр. 13—36. (Томск).

45. Косарев В. — Военно-социалистический союз. «Сиб. Огни», 1922, № 1, стр. 65—70.

Дальний Восток

46. Иванов М. — Революционные огни на Востоке. «Сиб. Вопросы», 1907, № 36, стр. 17—22.

47. Окунцов. — Читинский военно-офицерский союз в 1905—1906 гг. (Воспоминания участника). Сборн. «1905 г. Революц. движение на Д. Востоке». Дальистпарт, Владовосток, 1925, стр. 38—42.

48. Астадьев М. — Амурское казачество в 1905 г. Там же, стр. 150—153.

49. Каргополов А. — Красный Амур. Там же, стр. 109—149.

50. Чаплинский В. — Революционное прошлое Забайкалья. Там же, стр. 57—58.

Туркестан

51. Заболонков. — К 15-летию восстания сапер в Ташкенте. «Ком. Мысль», Ташкент, 1927, № 5, стр. 103—116.

52. Беляков Д. — Казнь сапер. «Туркестан. Ведомости», 1917, 13 авг.

Генкин

ИЗ АРХИВА МОРЯКОВ

Печатаемые ниже документы воспроизведены с копий, хранящихся в архиве московской группы моряков-подпольщиков.

1. Приказы вице-адмирала Чухнина от 1 и 7 ноября 1905 г. изданы всего лишь за 1—2 недели до начала восстания флота и армии, связанного с именем лейтенанта П. П. Шмидта. Стиль и содержание этих приказов очень характерны для всей позиции самодержавия. Вынужденное пойти на некоторые уступки, царское правительство с самого же начала пыталось свести к нулю «дарованные» им политические свободы. В приказе Чухнина от 1 ноября интересное место, где говорится о виновных в военном бунте. Речь здесь идет о «потемкинцах» и «прутовцах», приговоренных к каторге за 2—3 месяца до Октябрьского манифеста. На многочисленных митингах, которые происходили тогда в Севастополе, резко критиковалась усмирительская и палаческая деятельность царизма и прежде всего самого Чухнина. Последнего бесила, впрочем, не столько сама эта критика, сколько то, что «с противоправительственными криками» выступали открыто сами матросы. К столь необыкновенному явлению адмиральское сердце никак не могло привыкнуть. Чухнин в приказе от 2 ноября говорит об ограждении «военных людей» от «беспричинных оскорблений». Он имел в виду полемические турниры, которые стихийно возникали на летучих митингах, где часто выступали и офицеры. Рабочая и матросская аудитория не стеснялась в выражениях по адресу монархического и политически-безграмотного офицерства.

2) Манифест Воен. Комитета РСДРП. — Обращение это связано с возобновлением работы соц.-

дем. военной организации, фактически разгромленной после подавления ноябрьского восстания в Севастополе. Усилившееся к тому времени влияние партии соц. рев. среди матросов побудило социал-демократов мобилизовать свои силы. Среди севастопольских военных работников этого периода выделялся приехавший из Петербурга «тов. Кабанов», он же В. А. Антонов-Овсеенко. Спустя некоторое время он был арестован на одном собрании, долго сидел в тюрьме, получил по суду 20 лет каторги, но потом бежал вместе с большой группой заключенных, при помощи взрыва тюремной стены. В 1917 г. Антонов-Овсеенко принимал видон участие в Октябрьском перевороте.

В печатаемом «манифесте» характерна попытка установить связь между временными (свержение самодержавия) и конечными (осуществление социализма) задачами Рос. Соц. Дем. Раб. Партии. Заслуживает также внимания и попытка выйти за пределы конспирации при выборах представителей в Военный Комитет. В этой организации можно усмотреть зародыш Советов Военных депутатов, сыгравших такую большую роль в Октябрьской Революции 1917 г.

Печатаемые ниже приказы адм. Чухнина и воззвание Воен. Комитета РСДРП взяты нами из Архива Группы старых моряков-подпольщиков, организованной при Музее Революции в Москве.

Приложение 1

ПРИКАЗ

ГЛАВНОГО КОМАНДИРА ЧЕРНОМОРСКОГО ФЛОТА И ПОРТОВ ЧЕРНОГО МОРЯ

Севастополь, ноября 1 дня 1905 г. № 1329.

Хотя Севастопольское градоначальство состоит на военном положении, я, в силу высочайшего манифеста 17 октября, согласуясь с духом его, отступил от строгого применения закона о военном положении и разрешил собрания и сходки в силу правил о них, указанных в высочайшем указе 12 октября сего года. О чем было объявлено в воззвании к гражданам г. Севастополя 21 октября, с указанием, что на сходках не допускается произнесение речей, возбуждающих к бунту или учинению преступлений, или противодействию закону и законным распоряжениям власти, виновные в чем [illegible] ответственности.

Сходка на Приморском бульваре 23 октября проведена была в порядке с небольшими излишествами в речах, допустимыми в виду еще не ясно усвоенных понятий о сходках и свободе слова. На сходке же 30 октября, когда умы после предшествующего возбуждения уже успокоились и можно было бы ожидать еще более благоразумного отношения к дарованной свободе слова, как ответственных устроителей сходки, так и произносивших речи, проявилось во многих речах явно вредное для спокойствия общества направление. Производилось возбуждение против законного органа правительства — полиции. Возбуждалось общество против действия правительства по отношению к преследованию судом виновных в военном бунте — подобные речи сопровождались противоправительственными криками.

Такая явная противоправительственная пропаганда крайних партий, проповедующих разрушение строя государства, никаким законом не допускается.

В виду того, что крайние партии приняли определенное направление к возбуждению страстей и низвержению установленного строя государства, согласно 19 пункта, статьи семнадцатой закона[1], касающихся местностей, объявленных на военном положении, а также — временных правил о собраниях, объявленных в высочайшем указе 12 октября отдела первого, статьи 4 и отдела второго[2], нахожу

---

[1] Воспрещать всякие народные, общественные и частные собрания.

[2] Ст. 4. Собрания (ст. 1 и 2) могут происходить лишь в закрытых помещениях.

Отдел II. Собрания всякого рода под открытым небом по вопросам государственным, общественным или экономическим допускать с соблюдением правил в отделе I сего указа изложенных, не иначе как с особого каждый раз разрешения губернатора или градоначальника по принадлежности.

необходимым воспретить разрешение сходок на открытом воздухе. Сходки впредь разрешать только в особых помещениях.

Допуская, что лица, державшие речи, еще недостаточно усвоили понятия о свободе слова, смешивая ее с полной разнузданностью выражений, считаю пока возможным ограничиться только напоминанием закона, что за призыв к действию против правительства, его органов и установленных законов, ежели таковые будут повторяться, преступившие закон будут подвергнуты ответственности, а равно и ответственные распорядители собрания, ежели они не примут мер к своевременному прекращению речей направленных к низвержению государственного строя.

Подписал

Вице-адмирал *Чухнин*

ОБРАЩЕНИЕ К ГАЖДАНАМ гор. СЕВАСТОПОЛЯ

Многие упорно не желают понимать, что значит свобода слова, думая, будто свобода слова не имеет границ. По этому поводу мне уже приходилось обращаться к публике и просить как для спокойствия обывателей города, так и для предохранения самих нарушающих истинную свободу своими речами, быть внимательными к своим словам и не произносить публично того, что нарушает закон.

Появились лица, дозволяющие себе на улице поносить военных чинов, совершенно им незнакомых, потому только, что они военные. Необходимо этим лицам помнить, что оскорблять никто никого не может, а военного человека тем более, так как воин служит государству всем своим существом до потери жизни включительно. Для поддержания на должной высоте такого призвания военных людей для них существуют особые законы, в особенности для охранения ими своей воинской чести.

Лицам, беспричинно оскорбляющим военных людей, надо помнить, что носящий оружие может не выдержать такого оскорбления, и последствия могут быть очень печальные.

ОБЯЗАТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Принимая во внимание крайнюю необходимость оградить военных людей от беспричинных оскорблений, чему к сожалению были случаи, нахожу необходимым объявить по Севастопольскому градоначальству следующее:

За нанесение военнослужащим беспричинных оскорблений виновные в этом подвергаются согласно параграфа 19 п. 2-го правил о местностях объявленных состоящими на военном положении, заключению в тюрьме или крепости до трех месяцев или денежному штрафу до трех тысяч руб.

Настоящее обязательное постановление вступает в силу со дня издания его.

Главный командир Черноморского флота и портов Черного моря
Вице-адмирал *Чухнин*

7 ноября 1905 г.

Типография «Крымского Вестника».

Приложение 2

РОССИЙСКАЯ СОЦИАЛ-ДЕМОКРАТИЧ. РАБОЧАЯ ПАРТИЯ

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

МАНИФЕСТ

Военного Комитета Социал-Демократической организации солдат Севастопольского гарнизона и матросов Черноморского флота.

Палачи народа напрягают все силы, чтобы задушить могучее движение, но жизнь упорно сбрасывает со своего пути все преграды и смело идет по пути революции.

Не сегодня-завтра может вспыхнуть вооруженное восстание, которым русский народ сметет последние остатки самодержавно-полицейского строя. В такой момент существование прочной, широкой военной организации, объединенной руководством военного комитета, представляется чрезвычайно важным. Но с другой стороны, не считая возможным выступать от имени масс в то время, как сами массы остаются в стороне, сознательные социал-демократы — солдаты и матросы, не находили возможным создать из своей среды такой военный комитет, который не был бы построен на строго выборном [illegible].

Теперь же, когда социал-демократические идеи получили широкое распространение, когда все военные части и почти все суда могут быть представлены своими выборными депутатами, образование такого военного комитета было признано не только нужным и полезным, но и положительно необходимым.

В виду этого на-днях были повсюду произведены выборы представителей в Военный Комитет Социал-демократической организации солдат Севастопольского гарнизона и матросов Черноморского флота.

Доводя до сведения всех граждан, солдат и матросов о своем образовании, Военный Комитет считает нужным заявить, что с данного момента он берет на себя ведение всех дел Севастопольской Социал-Демократической Военной организации и ближайшими своими задачами ставит: 1) объединение в одно целое всех солдат и матросов Севастопольской крепости, сочувствующих борьбе рабочего класса, его ближайшим стремлениям и конечной цели — социализму, 2) распространение в массе социал-демократических идей, 3) агитацию и пропаганду в войсках с целью подготовки армии к вооруженному восстанию, 4) руководство вооруженным восстанием под знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии для обеспечения созыва Учредительного Собрания и для разрушения самодержавно-полицейского строя, стоящего на пути пролетариата к светлому царству социализма.

Обещая перед всей страной свято и неуклонно исполнить возложенные на него обязанности, Военный Комитет говорит:

Всех, кому невыносим дольше гнет, издевательство и насилие самодержавия; кто не может хладнокровно смотреть, как по приказанию царского правительства народные палачи убивают наших братьев, отцов и матерей, насилуют жен и сестер; кто хочет, чтобы современный мир, основанный на эксплоатации рабочих, на их вечном недоедании, нищете и голоде, превратился в мир действительного равенства и свободы, всех тех мы зовем в свой лагерь, под знамя социал-демократии для борьбы за лучшее будущее, за свободу, равенство и братство, за социализм.

Граждане! Помните, что ближайшая задача рабочего класса — освобождение России от цепей самодержавного рабства — есть вместе с тем и ваша цель, помните это и всеми силами поддерживайте рабочую армию в ее борьбе.

Товарищи рабочие! Помните о том, что в предстоящем решительном бою пролетариата с самодержавием армии предстоит сыграть решающую роль, и приложите все усилия для поддержания и укрепления связи между революционным пролетариатом и революционной армией.

Товарищи солдаты и матросы! Помните, что решительный бой недалек, что близок тот момент, когда вам открыто придется встать на сторону пролетариата, для защиты своих интересов. Помните это и спешите сплотиться под красным знаменем Российской Социал-Демократической Рабочей Партии, примыкая к образованным во всех частях, ротах, экипажах и судах нашим Социал-Демократическим группам.

Военный Комитет С.-Д. Р. П.

20 апреля 1906 г.

Отпеч. 12.000 экз. Тип. Воен. Ком.

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

А

Абаза, адмирал — 107.
Авелан, адмирал — 112, 138.
Авралев М., матрос — 76, 82.
Авраменко, заключенный — 74.
Адабеско, матрос — 173.
Адамович М., организат. Черномор. «Регистрации» — 11, 59.
Айбук, матрос — 76, 82.
Акимович, матрос — 61.
Аксенов А. Н., с.-р. — 93.
Акулов, матрос — 82.
Алексеев, адмирал — 104, 139.
«Александр» см. Джемухадзе.
Алкалаев-Карагеоргиевич, ген.-майор — 156, 164.
Андерсон, пом. прокурора — 121.
Андреев Д., матрос — 171.
Анисимов, нач. тюрьмы — 74.
Анненков А., матрос — 105, 190.
Антипов С., боевик — 67.
Антипов, кочегар — 101.
Антонов, матрос — 76, 82.
Антонов-Овсеенко В. А., (Кабанов), с.-д. — 73.
Аргириди, врач — 72.
Арнаутов, капитан — 105.
Артамонов, генерал — 167, 169.
Архангельский, доктор — 72.
Архаров, матрос — 171.
Арцогохов, смотр. маяка — 67.
Афанасьев Е. С., минер — 85.
Афимыч, тюр. надзир. — 224.

Бадягин, офицер — 108.
Базалевич И. А., котельщик — 85.
Байбоков И., матрос — 61.
Балк, капитан — 171.
Барщ, команд. крейсера — 179.
Басов З. П., с.-р. — 93.
Бастричев П. («Миша»), машинист — 48, 49.
Баумгартен, прапорщик — 145.
Бахтин, машинист — 101.
Безруков, матрос — 82.
Бекман, губернатор — 124, 126.
Белоцерковский, новобранец — 62.
Белявский, коменд. креп. — 106, 121.
Белякин Г., солдат — 192, 193.
Берг, лейтенант — 24.
Бергель, воен. судья — 82.
Бегштрессер, капитан — 121.
Березнев, матрос — 63.
Берлин, врач — 71.
Бирилев, морск. министр — 110, 125, 138.
Благой И. Ф., матрос — 84.
Блинов А., матрос — 76, 82.
Блонский С. Н., с.-р. — 65, 89.
Боветало, охранник — 58, 59.
Боганов, солдат — 94, 97.
Богачев Н., с.-р. — 67.
Богданович, прапорщик — 145.
Богдаш, чернорабочий — 85.
Боздырев Т., с.-р. — 87.
Бологовский, врач — 173.
Большаков, матрос — 100.
Бондаренко, матрос — 99.
Бондаренко Ив., моряк — 208.
Борейша, доктор — 140.
Борисов, моряк — 76, 78.
Бородин, рабочий — 73.
Бородин Д., матрос — 209, 210.
Бострем, капитан — 174.
Бочков, унтер-офиц. — 20.
Бредихин (Василий Динга), матрос — 84.
Брильон И., политкаторж. — 196.
Брозгин А., матрос — 83.

Булаев, моряк — 207.
Булгаковский С. Д. («Угреватый»), с. р. — 63.
Бут, квартирмейстер — 63.
Бутько В., матрос — 16.

В

Вакуленко, унтер-офицер — 97.
Вакулинчук Г., матрос — 15, 102.
Ванцак, матрос — 99.
Васильев-Южин, с.-д. большевик — 8.
Васюков, указатель — моряк — 68.
Вахтин А. В., телеграфист — 85.
Веригин П. В., руков. духоборов — 211.
Вижев Н., матрос — 61.
Винклер В., матрос — 112.
Виноградский, капитан — 172.
Вирен Р., контр-адмирал — 71, 75, 82, 97.
Витте С. Ю., министр — 104, 138.
Власюк, матрос — 79—82.
Водолажский С., кочегар — 83, 85.
Воеводский, капитан — 121.
Вознесенский, матрос — 82.
Волгин М. Л., политкаторж. — 8, 14.
Волгин Ф., брат политкат. — 16.
Волкенштейн Л., народовол. — 160, 166.
Волков, машинист — 100.
Волков Я. Т., комендор — 136.
Волосиухин К., матрос — 190.

Г

Гаврилев М. Ф., конторщик — 85.
Гаврилов, матрос — 78, 82.
Галкин П., матрос-машин. — 181.
Гамов С., кочегар — 76, 82.
Гармаш, кондуктор — 20.
Гедеванов, подполковн. — 164.
Гейден, граф — 106.
Гейман, полит. заключ. — 74.
Генкин И., политкаторж. — 201, 202.
Герасимов, инж.-механ. — 19.
Гейсберг, полицмейстер — 98.
Глазков, унт.-офиц. — 159.
Гинский, шт.-капит. — 92—94, 96.
Гоголидзе Е., солдат — 97.
Голиков, команд. «Потемкина» — 209.
Голленштейн, полит. заключ. — 74.
Головенко, указатель — 68.
Голоднюк Н., старш. писарь — 67.
Гомпер, лейтенант — 171.
Горбунов П., матрос — 83.
Гофман, мичман — 20.
Горшунов Д., матрос — 100, 101.
Горшустер С. М., рабочий — 85.
Горький М., писатель — 141.
Грабейс, врач — 71.
Греве, контр-адмирал — 133, 139, 140, 147.
Гревениц, лейтенант — 173, 176.
Греков Г. И., рабочий — 85.
Григорьев, лейтенант — 146.
Гробанчук Ф. И. — Захарчук, комендор — 84.
Громашев П., матрос — 61.
Грошев, артельщик — 14.
Гулидов, смотр. ар. дома — 66.
Гуровой И. М., токарь — 85.
Гусаковский, полковник — 73.
Гуц Н. М., матрос — 85.

Д

Давыдов, нач. порта — 48.
Далинский, предс. военн. окр. суда — 153.
Данилов, воен. фельдшер — 208.
Дацевич, подполковник — 92, 97.
Девяткин И., минер — 207.
Дедескул, матрос — 103.
Деливрон, вице-адмирал — 118.
Демидов, рабочий — 67.
Денисенко С., автор — 209.
Джемухадзе А. («Александр»), с.-р., солдат — 92, 94, 97.
Доливо-Добровольский, лейтенант — 173.
Долина-Петрова, полит. заключ. — 85.
Доморацкий, арестант — 223, 224.

Дорофеев, матрос — 103, 122.
Дрезен А., автор — 60.
Думбадзе, градоначальник — 67, 98.
Дьяченко В. М., рабочий — 85.
Дьячков, матрос — 21.
Дюльдин Я., квартирмейстер — 76, 82.

Е

Евнухов, матрос — 82.
Евтухов, матрос — 78.
Егоров Н., матрос — 212—221.
Егоров Ив., матрос — 190.
Егорьев, лейтенант — 176.
Ежиков А. П., кочегар — 84.
Еверский, генерал — 132.
Екимкин Г. («Гриша-художник), экспропр. — 64—87.
Ермоленко Ш., рабочий — 73.

Ж

Жадановский Б. П., политкаторж. — 203, 204.
Жарков Ф., фельдшер — 171.
Жарновецкий К., автор — 212.
Жвалевский, моряк — 17, 22.
Желтиков, матрос — 100.
Желдев, рабочий — 73.
«Женька» — см. Рожановский.
Жиров, пом. надзир. — 66.
Жмуденко, матрос — 61.
«Жорж» — см. Саватинин.
Жуков С., боцман — 208.
Журавлев Е., матрос — 16.

З

Заболотный, матрос — 61.
Заварзин, жанд. полков. — 46, 47, 52, 58.
Заулошнов, матрос — 84.
Захаров, артиллерист — 99.
Захарчук — см. Гробанчук.
Зверев, присяж. повер. — 140.
Зеленко, ротмистр — 71.
Зеленый, генер.-лейтен. — 121.
Зеренсдорф, линиазист — 166.
Зехцер О. А., портной — 85.
Зимберг, нач. тюрьмы — 201.
Золотарев, полковник — 144.
Зубатов, охранник — 33.
Зубилевич Д., с.-рка — 215.
Зубилевич Ю., автор — 212.
Зибилов А., матрос — 16.
Зытычнин Г. И., с.-р. — 93.

И

Иванов Г., матрос — 83.
Иванов, матрос — 78, 82.
Иванов, матрос — 171.
Иванов Я., матрос — 190.
Иванов Л. А. («Ленька»), анар.-ком. — 91.
Иванов, анархист — 74.
Иванов, солдат — 64.
Иваныч, писатель — 212.
Иессен, адмирал — 147, 172, 176.
Ильин В. А., матрос — 84.
Иощенко, матрос — 82.
Ирецкий, контр-адмирал — 105, 178.

К

Кабанов Н. (Антонов-Овсеенко), с.-д. — 73, 74.
Кабанова А. М., жена Антонова — 73.
Казанцев С., матрос — 206, 208.
Казбек, генерал — 126, 138, 159.
Калашников, фельдфебель — 197.
Калинин Ф., моряк — 208.
Калитинец, матрос — 103.
Кальниш, маш. содерж. — 171.
Караляш Д. С., котельщик — 85.
Каркоз, капитан — 171.
Катаясь, старш. надзир. — 224.
Каульбарс, генерал — 81, 83.
Керберген М-рия, уч. подпольн. орг. — 74.
Кетрица, полковник — 82.
Кириллов, матрос — 208.
Кирисевич, матрос — 61.
Китаев Н., с.-р. — 87.
Китчнер, лорд — 57.
Кишло А., анархист-ком. — 73.
Книппер, ген.-майор — 171.
Кнорринг, лейтенант — 145.
Кобзев А. Я., боевик — 67, 75.
Ковалев, кочегар — 75, 82.
Ковальский К., солдат — 97.
Козловский, сапожник — 87.

Ковэинский, машинист — 85.
Колаш М. Н., капитан — 15, 23, 29.
Колбаса, матрос — 83.
Колесников Г., матрос — 121, 190.
Колондс, воен. судья — 82.
Комаровский, надзиратель — 64.
Комзиков Ф. П., рубильщик — 85.
Комков А., матрос — 190.
Кондашев, матрос — 78, 82.
Конут А., кочегар — 203, 204.
Конякин, матрос — 145.
Корейша, фелфебель — 174.
Корень, полит. заключен. — 74.
Коробка, матрос — 62.
Коровин П., матрос — 16.
Короленко В. Г., писатель — 140.
Косов, ген.-майор — 122.
Корсакевич, полковник — 113.
Кострица, матрос — 208.
Кострубовский, анарх. ком. — 91.
Котиков Л., матрос — 190.
Кохман Г., анарх. ком. — 73.
Кошелев И., матрос — 61.
Кравцов, горнист — 78, 82.
Краснихин Ф. М., гальванер — 84.
Крамаровский, прокурор — 121.
Крахмальный, солдат — 94, 97.
Кривенко А. В., кузнец — 85.
Кривенко М., токарь — 85.
Кривохиш М., с.-д. — 69.
Кривошеин, матрос — 60, 62.
Критевич В. О., порт. рабоч. — 85.
Крисонков Д. П., с.-р. — 94.
Крошка Ф., матрос — 98.
Крюгер, вице-адмирал — 16, 25.
Кудиненко, чернораб. — 85.
Кудинов А. — матрос — 61.
Кузин, солдат — 64.
Кузнецов К., машинист — 19.
Куликовский К. А., каторж. — 205.
Курнатовский В., с.-д. большевик — 191, 193.
Куропяткин, черноморец — 208.
Кутько М., сигнальщик — 16.
Кучанов А., автор — 222.
Кучеров, с.-р., экспроприатор. — 88.

Л

Лазарев И., матрос — 121, 122.
Лазарц, матрос — 105.
Ланковский, доктор — 155, 164.
Лапшин С. Ф., революционер — 70.
Лассаль Ф., писатель — 10.
Лашкевич, ген.-майор — 142.
Лебедев, матрос — 103.
Лебедь А., рабочий — 85.
Левковский, капитан — 97.
Левин И. А., рабочий — 85.
Левченко, матрос — 80, 82.
Ленин В. И. — 7, 8, 193.
Ленин И. М., комендор — 84.
«Лёнька», см. Иванов Л. А.
Леонард, околод. надз. — 67.
Леопольд-Фридрих, принц прусский — 134.
Лепесин, рабочий — 63, 64.
Лепесин Г. П., анрх.-коммун. — 91.
Ликасов П. О., с.-р. — 93.
Лилеев, поручик — 151.
Лилье, капитан — 173, 175.
Линевич, генерал — 12, 134, 138, 148, 159, 167, 191.
Линикин Н., матрос — 61.
Липинский А., солдат — 97.
Литвак М. В., матрос — 83.
Литвиченко, полит. заключ. — 74.
Лифанов В., матрос — 181.
Лихачев А., тюр. надзир. — 64.
Лобачев Н., матрос — 83.
Лопанчук, матрос — 101.
Лопатин А., солдат — 192, 193.
Лопухин, директ. д-та полиц. — 81.
Лошикаев И. Е., ефрейтор — 85.
Лудков С., матрс — 190.
Лукьянов, анарх. ком. — 73.
Лысенко, моряк — 61.
Лысенко П. К., рабочий — 85.
Ляш, матрос — 76, 82.

М

Май-Маевский, нач. штаб. — 165, 169.
Макаревич, матрос — 78, 82.
Макаров, квартирмейстер — 61.
Макаров, каторжанин — 74.
Макаров, вице-адмирал — 176.

Максименко Н. И., маш. содер. — 85.
Максимов, поручик — 92, 95.
Максимов, капитан — 178.
Малигонов А. П., с.-р. — 89.
Мальнев М. Л., кочегар — 84.
Малышев И. — кочегар — 171.
Манухин, министр юстиции — 111.
Маркварт В., матрос — 208.
Мартовский С. А. («Сенька»). (Он же и Калитин), писарь — 87.
Мартынюк П., боевик — 67.
Марченко, матрос — 171.
Матуловский, квартирмейстер — 73.
Матюшенко А., матрос — 32, 84.
Масалков, матрос — 206, 207.
Махонин, матрос — 146, 176.
Машинюк И., комендор — 174.
Машкин Я. Д., молотобоец — 85.
Мельников, политкаторж. — 74.
Мирский-Марионало, анарх. — 58, 59.
Митин, мастеровой — 73.
«Митрофан» (кличка), с.-р. — 87.
Митянин В., кочегар — 100, 101.
Михеладзе, нач. жанд. ком. — 127.
«Миша», машинист — см. Бастричев П.
Мищенко, генерал — 167—170.
Могила П. Я., рабочий — 69.
Модль, генерал — 165—167.
Мордвинов, чл. суда — 121.
Мореншильд, градоначальн. — 81.
Москаленко, матрос — 79, 82.
Мохов П., матрос — 61.
Муха М. Г., полицейск. — 73.
Мхеидзе, фельдфебель — 94, 97.
Мязговский, капитан — 78.

Н

Науменко, матрос — 82.
Неплюев, ген.-лейтен. — 67.
Непомнящий, унт.-офиц. — 170.
Нессирво Е. И., рабочий — 70.
Никитин, мастер — 61, 62.
Никитин, шт.-капитан — 92, 93.
Никитин, лейтенант — 146.
Никитин, офицер — 176.
Никитина Е., автор — 183.
Никитенко Б. И., лейтенант — 65.
Николай II — 67, 140.
Никонов, доктор — 71.
Новиков Н., матрос — 79.
Новицкий, капитан — 150, 151.

О

Облачин, политкаторж. — 74.
Оболенев Гр., матрос — 190.
Одоевский-Маслов, провокат. — 58, 59.
Олдырев П., кочегар — 76.
Опп, мастер — 68.
Оржих Б. Д., шлиссельбурж. — 140.
Орленко Я., матрос — 61.
Орликов П. А., слесарь — 85.
Орлов И., матрос — 190.
Орлов П. Н., рабочий — 85.
Осадчий И. Я., рабочий — 69.
Остапенко, кок — 14.
Остапенко С., кочегар — 76, 82.
Остахов, матрос — 27.
Островский И. Я., рубильщ. — 85.
Островский, пом. нач. тюрьмы — 194.

П

Павлов, военный прокурор — 219—221.
Павлов И, матрос — 61.
Паникаровский Б. П., рабоч. — 85.
Панов, редактор — 165.
Пауль, солдат — 64.
Пахомов, матрос — 82.
Певцов, чл. суда — 121.
Переверзев П., автор — 191.
Петров И. И., моряк — 32.
Петров В. Л., матрос — 190.
Петрова А. А., политзаключ. — 85.
Петров-Чернышин, контр.-адмирал — 58, 59.
Петрош, матрос — 208.
Пик, пом. прокурора — 121.
Пискарев А., автор — 212.

Писменчук И., матрос — 202—204.
Плаштан, подрядчик — 103.
Плеве, премьер министр — 138.
Племянников, матрос — 171.
Плесков В. А., редактор — 5, 205.
Плеханов Г. В., маркс., эмигрант — 9.
Поденко, полит. заключ. — 74.
Подобасов Н. Ф., слесарь — 85.
Подушкин, капитан — 99, 100.
Подъяпольский, капитан — 133, 135.
Полещук, минер — 29.
Полонский М. Д., анарх. коммун. — 91.
Полотай И. К., уч. подпольн. орг. — 73.
Полубояринов Е., солдат — 192, 193.
Польковский, солдат — 94, 97.
Полянский, жанд. ротмистр — 93.
Пономарев, поручик — 71.
Попов В., автор — 212.
Попов А. С., профессор — 76.
Попович С. Ф., столяр — 85.
Порошин, ген.-майор — 124—128, 177.
Потапов, врач — 71.
Потуров, матрос — 103.
Предко, подполковник — 158.
Прокопенко, юнга — 145.
Прищепа Д., матрос — 76, 82.
Прищик Д. Ф., матрос — 84.
Пущин, лейтенант — 76.
Прош-Прошьян, лев. с.-р. — 205.

Р

Радаев П. И., чернораб. — 85.
Разин Стенька, казак — 175.
Ребров Ф. А., матрос — 84.
Рейденштейн, адмирал — 182.
Ренненкампф, генерал — 191—194.
Родионов, матрос — 66.
Родионова Е., его жена — 66.
Родюков, матрос — 101.
Рожановский Г. («Женька»), с.-р. — 87—88.
Рождественский, адм. — 104—136.
Рой, охранник — 133.
Рослан П. И., рабочий — 85.
Рощаковский, лейтен. — 180—182.
Рубинова В. М., политзакл. — 85.
Рубисов, матрос — 171.
Руднев, пристав — 65.
Руссель-Судзиловский Н. К., доктор, народовол. — 150.
Рыдзевский, тов. мин. внутр. дел — 135.
Рыженко, матрос — 100—101.
Рычков Н., матрос — 121—190.

С

Савицкий, секр. суда — 121.
Сараткин С. И., баталер. — 85.
Сафонов, матрос — 207.
Сахаров, ген.-лейтенант — 133.
Свергун, машинист — 77—82.
Свирсков Е. Е., матрос — 84.
Селенидов А., матрос — 222.
Селиванов, ген.-лейтен. — 154—163.
Селиванов В., автор — 212.
Семенов, матрос — 82.
Семернин К. С., минер — 83.
Семикин Г. И., чернорабочий — 85.
«Сенька» Калитин — см. Мартовский.
Сергеев П., политзакл. — 64.
Середа, кочегар — 19.
Сероус-Мушка, боцман — 77.
Сигидин, квартирмейстер — 98.
Сиденспер, адмирал — 60.
Сидорюк, матрос — 208.
Сизов, матрос — 171.
Симанов В. С., рабочий — 85.
Симачев И. Ф., кузнец — 85.
Симоненко Н., матрос — 200—04—08.
Синайский, нач. тюрьмы — 201.
Ситько Е., матрос — 84.
Скибачко, матрос — 60, 62.
Скрыдлов, адмирал — 61, 68, 75.
Скрыпниченко Н., рук. друж. — 89.
Славинский, полковник — 171.
Смолянинов, матрос — 207.
Смирнов, лейтенант — 174.
Смирнов Я., матрос — 190.
Сорокопут Я., матрос — 61.

Соловьев И., матрос — 61.
Соловьев К. А., матрос — 84.
Соломоненко А. И., кузнец — 85.
Соютинин Ф. («Жорж»), с.-р. — 88.
Соболь А., политкат. — 206.
Сомов Д., матрос — 208.
Спирин, машинист — 76—82.
Спрыгин, матрос — 78—82.
Столыпин, прем.-министр — 40, 80, 96.
Старков, офицер — 20.
Старк, член суда — 121.
Стессель, генерал — 124.
Стрелков, матрос — 178.
Станкевич, священ. — 173.
Стельман, капитан — 173.
Супрунов М., солдат — 64.
Судоргин Ф., кочегар — 83.
Суровцев С. Г., портной — 85.
Суровицкий Д. А., с.-р. — 89.
Субботин И., матрос — 121, 190.
Сурменов, подполковник — 158, 164.

Т

Такетжа, рабочий — 85.
Тарасов П., матрос — 121, 122.
Тархов, мичман — 103.
Темнев М., матрос — 190.
Тимофеев Г., матрос — 112.
Тимрот А. К., директ. «Ропита» — 48, 49.
Титов М., матрос — 171.
Тихоцкий, адмирал — 123.
Ткачев С., матрос — 121, 190.
Ткаченко А. В., с.-р. — 93.
Ткачук, рабочий — 100.
Токайшвилли, ген.-майор — 106.
Токарев И., матрос — 121, 190.
Толкачев Г. И., с.-р. — 94.
Тореев-Шебашев, матрос — 78, 82.
Торопов, боцман — 146.
Торосов М., уч. черн. орг., моряк — 49.
Торсев, матрос — 82.
Трепов, генерал — 111, 168.
Трошин В. И., рабочий — 85.

У

Уваров Д. Е., комендор — 84.
«Угреватый» — см. Булгаковский.
Удод Д. А., маш. содерж. — 85.
Уклонский, воен. судья — 82.
Уколов А., матрос — 83.
Умеренко С., кочегар — 76, 82.
Унд К. А., портниха — 85.
Уранов, жандар. полковник — 62, 71.
Ушаков, анархист — 74.

Ф

Файнберг, купец — 88.
Филатов, матрос — 78, 82.
Филеев, рулевой — 20.
Филиндин Н., матрос — 99.
Филиппов, сигнальщик — 86.
Фихман, присяж. повер. — 140.
Фишер Д. Д., матрос — 84.
Фищев, нач. тюрьмы — 192—194.
Флоров, врач — 71.
Флуг, ген.-губ. — 154, 160.
Фомин С. Ф., рабочий — 85.
Фомин И., матрос — 100, 121.
Форостов К., матрос — 61.
Форсейль, капитан — 127.
Фрезе, генерал — 106, 117.
Фролов, член судов. ком. — 76, 82.
Фронза И. Г., матрос — 85.

Х

Хабибулин Ш., матрос — 121, 190.
Харцис Я., гальванер — 174.
Хижняков С., матрос — 207.
Хинц Н., матрос — 190.
Хлебников С., матрос — 61.
Ходченко, минер — 76, 82.
Холкин Д., машинист — 181.
Холщевников П. В., губернатор — 191.
Хрещатитцкий, генерал — 167.
Худолей, фельдфебель — 61.

Ц

Цветков, инж.-мех. — 209, 210.
Целлер И., матрос — 76, 82.
Цивинский, адмирал — 78.
Цимбал, каторжанин — 74.
Циома З., матрос — 203, 204.
Цитович К., студент — 73.

Ч

Чайковский, лейтенант — 77.
Чарочкин, матрос — 21.
Чебан С. Т., чернорабоч. — 85.
Чепурко, матрос — 23, 24.
Черняев, мичман — 103.
Чесноков Н., боевик — 67.
Чигаров А. П., чернорабоч. — 85.
Чистохин В., солдат — 192.
Чиченков, командор — 84.
Чичерин, с.-д. большевик — 51.
Чугуринин, матрос — 80, 82.
Чухнин, адмирал — 8, 16, 67.

Ш

Шабалин И., автор, матрос — 102.
Шабалкин А., матрос — 99, 100.
Шаевич, охранник — 33.
Шаповалов, матрос — 80, 82.
Шапошников В. М., матрос — 84.
Шатунов, квартирмейст. — 136.
Шафер Ш. А., портной — 85.
Шахматов Н., инструктор — 99.
Шельтинк, воен. судья — 82.
Шиманский П., с.-д. — 73.
Шкрутяло М., с.-р. — 87.
Ван-Дер-Шкруф, капитан — 142.
Шлингер А. А., конторщик — 85.
Шпаковский И., матрос — 121, 122.
Шпер, пред. Владив. исполк. — 155, 170.
Штакельберг, ген. — 132.
Штальберг К., с.-р. — 87, 88.
Шуберт К. И., вахт. офиц. — 15, 21.
Шубин, кондуктор — 20.
Фон-Шульц, лейтенант — 110, 133.
Шумейко П. А., матрос — 84.
Шумейко П. Д., чернораб. — 85.

Щеголев, матрос — 60, 62.
Щербаков И., матрос — 61.
Щербатов, к-н, мичман — 173, 174.

Э

Энквист, адмирал — 147, 178.

Ю

Юдин, матрос — 103.
Юрьев, член суда — 121.
Юрьев, капитан — 155, 158.

Я

Яковлев А. Д., чл. Черном. «Регистрации» — 39.
Яковлев, литейщик — 62.
Якушевский, кочегар — 100.
Ярмолович, указатель — 68.

СОДЕРЖАНИЕ.

Стр.

От редакции 7
1. Из уроков «генеральной репетиции» 14
2. *М. Волгин.* В тылу красного броненосца 30
3. *М. Адамович (К. Арл).* Круг сомкнулся 60
4. *А. Древен.* Севастополь в 1907 году 102
5. *И. Андреев.* Восстание матросов в Либаве в 1905 году . . 130
6. *И. Шабалин.* Дни «свобод» во Владивостоке (1905—1906 гг.) . 180
7. *Архивист.* Отмененный «приговор» 183
8. *Е. Никитина.* Матросы-революционеры на каторге 209
9. *С. Денисенко.* «Потемкинец» Д. Бородин 212
10. *В. Селиванов.* Матрос Николай Егоров 222
11. *А. Кучанов.* Не выдержал . . . (памяти А. Селенидова) . . 225
12. *В. Селиванов.* Военно-революционное движение во флоте и армии (1900—1917 гг). Библиограф. указатель . . . 247
13. Указатель имен . . . . . .

Цена 1 р. 85 к.

№ 28524

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

1) Правление Издательства политкаторжан—Москва ГСП, 10, Лопухинский пер. 5; тел 3-64-73.

2) Магазину Издательства политкаторжан „МАЯК“—Москва, Центр, Петровка, 7; тел. 4-18-12 и 3-63-20.